

Александр Харибин

ПЯТЫЙ ВСАДНИК

научно-
фантастический
роман

Александр Харыбин

ПЯТЫЙ ВСАДНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22167405

Аннотация

Когда у главного героя – молодого российского ученого – "оборотни в погонах" убивают близкого человека и пытаются обвинить его в этом убийстве, то ему ничего не остается, как скрываться, вынашивая планы мести. В ходе своих походов он оказывается в тайном обществе, целью которого является подготовка Человечества к приближающемуся Апокалипсису. Там главному герою приходится заниматься совершенно фантастическими вещами – конструированием термоядерного реактора, созданием атомной бомбы, анабиозом и много чем еще.

На фоне захватывающих приключений главного героя автор поднимает крайне важные проблемы мировой Цивилизации. Когда и почему наступит Конец Света? Какова цель существования Человечества? Можно ли

создать термоядерный реактор и атомную бомбу в кустарных условиях? На эти, а также многие другие вопросы Вы сможете найти ответ в этой книге.

А ведь отличное место я все-таки нашел!

Пешком до ближайшего метро слишком далеко, а автобусы ходят через пень колоду. Частенько подойдет человек к остановке, постоит-постоит минут десять, да и не выдержит, начнет тянуть руку. И с этого момента он уже не просто человек, а мой клиент. Потому, что я – бомбила, или, по-другому, – лицо, занимающееся частным извозом без лицензии.

Нельзя сказать, чтобы это дело очень уж нравилось, но в моем положении выбирать не приходится. Для человека в процессе поиска работы, которому надо просто перекантоваться месяц-другой, лучшего заработка, наверное, и не придумать.

Конечно, если просто колесить по Москве в надежде прихватить где-нибудь пассажира, то можно бензина нажечь больше, чем наварить. Тем более, в последнее время появилось много конкурентов в виде гастарбайтеров из южных республик. А эти кадры не признают никаких правил. В попытке перехватить пассажира всякие рискованные маневры, типа подрезать из левого ряда, – для них нормальное явление. С такими конкурировать – рисковать машиной, да и собственным здоровьем. Естественно, те, кто дежурит по ночам у разных клубов и ресторанов, за час могут заработать столько, сколько я за полдня, но в такие места с улицы не примут – там своих хватает.

Но, если вдруг посчастливится найти никем не занятое теплое местечко вроде этого, у остановки, то есть шанс немного подзаработать.

Хотя здесь тоже случается выручить неплохо, особенно вечером, да еще, если погода стоит мерзопакостная. Тогда бывает, что начинают наперебой руки тянуть, так что можно даже выбирать. Если за вечер получится сделать до метро шесть-восемь поездок, день не пропал даром. Вот и сейчас погода явно способствует – пронизывающий осенний ветер вперемешку с мелким дождичком.

Ага! Похоже, в этот раз мне не придется долго ждать: к остановке приближается потенциальный клиент. Девушка лет двадцати или, может, чуть постарше – в темноте особо не разберешь. Этот тип клиента самый верный – обычно в такую погоду больше, чем на три минуты их терпения не хватает. Единственное, что не так хорошо – не слишком-то щедро они платят. Сейчас лучше завести двигатель и быть наготове, чтобы какой-нибудь «коллега» не перехватил из-под носа продрогшего клиента. Девушка тем временем начала проявлять очевидные признаки нетерпения: сначала всматривалась вдаль, явно надеясь разглядеть там приближающийся автобус, затем вытащила из сумочки телефон и принялась кому-то звонить. Поговорив с минуту, положила мобильник обратно и опять стала напряженно изучать темноту улицы.

Да не будет сейчас автобуса, расслабься – пять минут назад ушел, а следующий, дай бог, через полчаса. Давай, тяни

руку и поехали.

И тут боковым зрением в зеркало заднего вида замечаю свет фар, как-то сразу выделяющийся из общего потока. Во-первых, по силе света: явно какой-то супермощный ксенон, ну и скорость, конечно. С такой скоростью тут никто не ездит. Дорога темная, мокрая. А этот, с ксеноном, несется как угорелый. Камикадзе хренов, ищет себе и людям приключений! Не успел я мысленно выругаться, как этот самый камикадзе уже поравнялся со мной и завизжал тормозами. Вот идиот! От резкого торможения на мокрой дороге его «бэxu» занесло, и своим задом он чуть было не ударил мне в бок.

Зато теперь стала понятна причина столь резкого маневра – машина остановилась прямо около девушки на остановке. Мелькнула мысль, что его-то она и вызывала по мобильному.

Наверное, похожее разочарование испытывает рыбак, у которого в самый последний момент срывается какая-нибудь здоровенная рыба типа щуки. Ну вот, теперь придется еще ждать, черт знает сколько.

Тем временем девушка явно не торопилась сесть в машину. Она продолжала стоять на своем месте и, судя по всему, переговаривалась с сидящими во внедорожнике. Их точно было несколько. Я слегка опустил стекло, прислушавшись. Мелькнула надежда, что, может, повезет, она разругается с пассажирами «бэхи» и выберет в извозчики простого парня на машине попроще, то есть меня. Звук долетал плохо, но, по некоторым внешним признакам, можно было предполо-

жить, что разговор перешел на повышенные тона.

Наконец, девушка развернулась спиной к машине и сделала несколько шагов прочь от дороги.

Ага, кажется, клиент мой! И тут вдруг открылись обе боковые двери «бумера», оттуда выскочили два парня явно кавказской внешности, догнали девушку, уже успевшую метров на пять-шесть отойти от остановки, схватили ее и, не обращая внимание на сопротивление и крики, затащили в машину. Двери захлопнулись, внедорожник рванул с места и через полминуты уже скрылся из виду.

Черт! Вот такой развязки уж никак не ожидал. От растерянности несколько секунд просто сидел и тупо хлопал глазами. Потом, наконец, решил, что надо что-то делать. Гнаться за ними – глупо. Пока я соображал, машина уже скрылась из виду, да и моя «ласточка» с русскими корнями не потянет киношной погони. Да если бы даже и удалось каким-то чудом их догнать, что бы я стал делать с несколькими отморозками?

Решив, что самое лучшее – это позвонить в милицию, полез в карман за мобильником. Да что же это такое! Ну и денек, все через одно место. Прощупав все карманы, я понял, что мобильник если не посеял, то, скорее всего, оставил дома.

Так, ладно, сохраняем спокойствие! Где-то здесь совсем недалеко отделение милиции. Надо только сосредоточиться и вспомнить. Ну да, точно – вон на том перекрестке повер-

нуть налево и проехать по улице с полкилометра.

Дорога до отделения совершенно не отложилась в памяти. Припарковав машину у обители правопорядка, почувствовал, как что-то стекает по лицу. Оказалось, что забыл поднять стекло и всю дорогу мерзкий осенний дождик хлестал вовнутрь. Я вышел из машины, рассеянно провел рукой по намокшим волосам и поплелся к входу в отделение.

В дежурке за стеклом находились трое в форме офицеров милиции. Они что-то оживленно обсуждали. Я подошел к стеклу, но дежурные продолжали свою беседу, не обращая на меня никакого внимания. Ближе всего ко мне сидел белобрысый парень лет тридцати. Он чуть заметно скосил глаз, но тут же повернулся спиной и сказал своим друзьям что-то такое, от чего те громко заржали.

Такое отношение к себе покорило. Решив все-таки привлечь их внимание, постучал костяшкой пальца в стекло. Все трое тут же вперились в меня глазами. Белобрысый явно был недоволен.

– Ну, чего надо?

Ни фиги себе! Они вообще для чего здесь сидят? Можно подумать – кто-нибудь пойдет в милицию просто так, ради собственного удовольствия. Раз пришел – значит, что-то случилось. До этого с органами я особо не общался, разве что когда паспорт и права получал. Не очень-то хорошее начало для более близкого общения со стражами правопорядка.

– Здравствуйте, – ответил я. С детства меня приучали к

тому, что перед обращением к человеку надо поздороваться и выдержать паузу, чтобы дать ему возможность, в свою очередь, проявить ответную вежливость. Но в данном случае моя пауза повисла в воздухе. Так и не дождавшись ответного приветствия, я продолжил.

– Хотел бы заявить о том, что несколько минут назад я стал свидетелем преступления.

– Какого преступления? – это снова спросил белобрысый.

– Девушку похитили прямо на остановке, – почему-то я ждал, что после этого заявления все засуетятся, объявят всеобщую тревогу и поедут искать мою несостоявшуюся клиентку на орущей сиреной машине.

– Ну и чего вы хотите?

Да, сериалов я явно пересмотрел. По крайней мере, на «вы», и то хорошо.

– Я хотел бы передать информацию, которая могла бы этой девушке помочь. Может, даже спасти от смерти.

– Послушайте, а с чего вы взяли, что ее похитили? – задал вопрос все тот же сотрудник. Нет, ну сразу видно – человек просто не хочет работать и ищет повод послать меня куда подальше.

– Подожди, может на самом деле криминал, – вмешался другой офицер, с погонами капитана, – я сейчас сам сниму.

Пока я обдумывал вопрос – что же тот хочет с меня снять, он вышел из дежурки и повел меня вверх по лестнице. Поднявшись на второй этаж и пройдя немного по коридору, он

открыл ключом дверь и пригласил меня в комнату. А, черт! Ну конечно! «Снять» – это, судя по всему, означает снять показания.

Следующие десять-пятнадцать минут я пытался вспомнить все подробности увиденного мною на остановке, а капитан старательно все это записывал, время от времени задавая наводящие вопросы. Когда дело дошло до номера машины, я сник.

– Интересно, а как мы будем их искать без номера?

Признаваться, что от растерянности просто забыл посмотреть на номер машины, очень не хотелось. Ведь подумает, что я просто наложил в штаны и со страха не был способен сделать элементарные вещи. Пришлось сослаться на темноту и плохую погоду.

– Ладно, распишитесь и будьте на связи, возможно, вас вызовут.

Я вышел из здания милиции. За то время, пока был внутри, дождь усилился и теперь уже не моросил, а отбивал густую барабанную дробь по плечам и голове. Надо было зонт взять. А то, пока до машины дойду, весь вымокну до нитки.

Настроение было настолько поганое, что о продолжении работы уже не могло быть и речи. Хотелось немедленно поделиться произошедшим с моей милой женушкой, Машуней – единственным близким мне человеком. Ладно, поеду домой, все равно вечер потерян. Машуня наверняка уже пришла с работы.

Домой – это в малюсенькую однушку, которую вот уже год с лишним мы снимали на южной окраине столицы. Нельзя сказать, что нам в ней было тесно – для молодой пары без детей как раз то, что надо. Но только тот, кто сам скитался по съемным квартирам, понимает в полной мере, что настоящий уют может быть только в собственном жилье. И дело не только в том, что чужой дом и не обустроишь так, как хотелось бы из-за необходимости спрашивать разрешение по каждой мелочи, даже для того, чтобы просто повесить в комнате книжную полку. Вообще, жизнь в съемной квартире на все существование накладывает оттенок какой-то неопределенности. И это вполне понятно: осознание того, что в любой момент может прийти хозяйка и попросить освободить помещение, так как ее сыну захотелось пожить отдельно, а то и просто потому, что кто-то предложил на пару тысяч больше, ну никак не прибавляет уверенности. Но когда нет другого выхода, то приходится довольствоваться тем, что есть. Купить в Москве на среднестатистическую зарплату даже совсем небольшую квартиру – это что-то из области фантастики.

Машуня уже пришла, и, похоже, время даром она не теряла – из кухни тянуло моими любимыми фаршированными перчиками.

– Здравствуй, родной, – она выглянула из кухни, услышав, что я вошел.

Повезло мне все-таки с ней. За те пару лет, пока мы жена-

ты, я еще ни разу об этом не пожалел. Таковую девушку, чтобы совмещала в себе сразу три качества – красоту, ум и доброту, сейчас встретить почти невозможно. По крайней мере, в столице. Видно было, что она собралась опять нырнуть в свои кухонные заботы, но, похоже, что-то в моей физиономии было не так. Супруга вытерла руки полотенцем, которое держала до этого в руках, и подошла ко мне. Я сидел на кушетке в прихожей и никак не мог заставить себя разуться, снять куртку и вообще нормально жить дальше.

Машуня присела прямо передо мной. В её серых глазах читалась тревога.

– Что-то случилось?

– А почему ты так решила? – ответил я вопросом на вопрос,

– Ты обычно позже приходишь, да и выглядишь как-то не так...

– Да знаешь, тут сейчас такой случай был, – выдохнул я

И во всех подробностях описал произошедшее на остановке и в милиции. Машуня выслушала всю историю, не перебивая. Все это время мы так и сидели в прихожей. Когда я наконец выговорился, она спросила:

– Но ведь ты же сделал все, что мог?

– Наверное, все, – мне стало не по себе от того, как звучит мой голос.

– Ты же не должен был гнаться за ними?

– Нет, конечно, что толку за ними гоняться. Да я бы их

при всем желании не догнал.

– Так чего же ты переживаешь? Все, что было в твоих силах, ты сделал, так что успокойся, раздевайся и садись ужинать.

Ужинали молча. Невыносимо давило чувство вины. Вот запомнил бы номер или хотя бы не оставил телефон дома, и тогда все могло бы быть по-другому. А теперь эти уроды, может быть, даже в этот самый момент, мучают бедную девушку. Её вообще могут убить. Эти мысли так угнетали, что даже вкуснейшие фаршированные перчики, приготовленные Машуней на ужин, ел механически. Моя любимая видела мое настроение и не пыталась нарушить молчание.

После ужина Машуня, как она это делала практически каждый вечер, пристроилась на диване с ноутбуком. Она заканчивала аспирантуру, защита диссертации была назначена через три месяца, но, как это обычно бывает, там еще и конь не валялся.

Я решил включить компьютер, чтобы за какой-нибудь игрой отвлечься от невеселых мыслей. Бродилки-стрелялки меня не интересовали, предпочтение я оказывал стратегиям и авиасимуляторам. К компьютерным играм я пристрастился за последние несколько месяцев – когда уволился с последней работы. Где-то в глубине подсознания была, конечно, жалость к потерянному впустую времени, которое можно было потратить с куда большей пользой. Мог бы изучать языки, например. Тем не менее, я продолжал отдавать этому

занятию почти все вечера, оправдываясь тем, что игры успокаивают нервы, а стратегии так еще и мозги развивают.

Определенные объективные причины, чтобы успокаивать нервы, имелись. Ведь ничто так не угнетает настоящего ученого, как невозможность продолжения работы над открытым им новым явлением.

Да, прошло уже полтора года, как я ушел из науки. Но в душе все равно оставался ученым. Наукой мне выпало заниматься пять лет после получения диплома о высшем образовании. Занятие это нравилось, но вот насчет оплаты было совсем печально – только-только на еду и проезд. Вообще-то, и это никем не скрывалось, вся работа российских молодых ученых была направлена на то, чтобы защититься, с помощью некоторого количества публикаций сделать себе имя, а там уж подыскивать теплое местечко за границей. С такими вот ориентирами я и работал. Уже и защита близилась, и несколько статей в приличные западные журналы удалось пристроить.

Но вдруг в один момент все перевернулось с ног на голову, хотя, может, наоборот. Как раз в этот период на одной из научных конференций я познакомился с Машуней.

Конференция проходила в Пушкино – прекрасном городке на берегу Оки в сотне километров от Москвы. Было лето,

жара. По вечерам все ходили к реке. Мягкое песчаное дно полого уходило в почти неподвижную прозрачную воду, но ближе к середине течение было довольно сильным. В первый день конференции я стоял на берегу, утопая по щиколотки в белом песке и, жмурясь от солнца, думал, что мое время идет так же быстро, как течет эта вода. Что жизнь пройдет, а я так и не успею сделать ничего по-настоящему выдающегося.

Маститых ученых и тех, кто имел знакомства в оргкомитете, поселили в гостинице, а молодых, не обремененных степенями и связями, в студенческом общежитии. Нас в комнате было трое – пара аспирантов и я. А в комнате напротив, по странному совпадению, поселили трёх девиц-аспиранток. После выступлений академиков и профессоров мы были ничем не заняты и, естественно, перезнакомились со своими соседками. Одной из соседок была Машуня.

Молодость, прекрасная июльская погода и песчаный окский пляж сделали свое дело. Мы с Машуней очень быстро сблизились, и я как-то вдруг сразу осознал, что в ее лице нашел именно то, что давно искал. Возможно, раньше мне просто не везло на девушек. Но, так или иначе, я привык к тому, что этих существ не интересует ничего, кроме своей собственной персоны. Услышав несколько раз в ответ на свои рассказы о всяких научных проблемах фразу типа: «ой, ну что ты меня грузишь? Лучше скажи, куда мы сегодня вечером пойдем», я уже старался их не «грузить».

Поначалу в разговорах с Машуней я тоже не «грузил». Но

как-то раз, забывшись, начал излагать историю из научной деятельности и вдруг заметил, что она слушает, раскрыв рот. Ей в самом деле было интересно то, что я рассказывал. Потом уже вечерние обсуждения научных проблем превратились в настоящий ритуал, без которого вообще невозможно было бы представить наше общение. Только познакомившись с ней, я понял, что именно мне не доставало в прежних женщинах. Мне не хватало друга, который разделял бы мои интересы.

Наши отношения очень быстро переросли в сильное взаимное чувство, и, по прошествии десяти дней, когда закончилась конференция, я уже не представлял себе, как мы вообще могли раньше обходиться друг без друга. Она, как и я, тоже работала в науке, хотя и в другой области, и точно так же собиралась после защиты диссертации уезжать за границу.

Но тут сразу возникла вполне логичная проблема. Если каждый поедет туда, куда сможет устроиться, то на наших отношениях можно будет ставить жирный крест. А этого никто из нас не хотел. В то же время вероятность найти одновременно два места на разных факультетах одного европейского или американского университета стремилась к нулю. Существовала и другая возможность – один уезжает заниматься наукой, а другой едет с ним на правах супруга. Но в таком случае тому, другому, пришлось бы наступить на горло своей мечте сделать карьеру в науке. Этого никто из нас

не хотел. Да и я бы не простил себе, если бы Машуня потеряла надежду на научное будущее.

В общем, тема эта стала сущим кошмаром для нашей молодой семьи. Каждый со страхом ожидал того момента, когда придется принимать решение. Так мы и жили, стараясь делать вид, будто проблемы не существует, пока я не решил одним махом разрубить этот гордиев узел.

Как раз в тот момент перед нами остро встал жилищный вопрос, который можно было решить только одним способом – сняв квартиру. Сделать это на две наши зарплаты было делом абсолютно нереальным, поэтому я не видел другого выхода, как найти себе какое-то более высокооплачиваемое место. Так можно было спокойно переждать, пока Машуня не защитится и не найдет нормальную работу за границей. А там как Бог даст: или удастся устроиться вместе с ней, что, конечно, маловероятно, или поеду сначала иждивенцем, а там что-нибудь да сложится.

С этими мыслями я принялся исследовать Интернет и газеты на предмет вакансий. Легче всего оказалось найти работу в области продаж – подобными вакансиями страницы просто пестрели. Но тяги к такого рода деятельности совершенно не ощущал. Честно говоря, я подозревал, что продавать что-либо в принципе не способен. У меня сложилось стойкое мнение о том, что заниматься продажами в нашей стране автоматически означает в том или ином виде вводить клиента в заблуждение. А врать у меня никогда толком не получа-

лось. Тем более, хотелось хоть как-то использовать полученные знания и опыт, чтобы не было обидно за бесцельно потраченные годы учебы и работы в науке. Поэтому я стал целенаправленно искать место технолога на химическом производстве, чтобы моя работа хоть как-то пересекалась со специальностью.

После двух-трех месяцев поисков и нескольких безуспешных собеседований удалось, наконец, найти весьма неплохую вакансию. Достаточно сказать, что предложенная зарплата почти в десять раз превышала ту, что я имел в своем институте. Жалко, конечно, было расставаться с наукой, но никто ведь не отнимал у меня возможность через несколько лет вернуться обратно, заработав кое-какие деньги. Тем более что выбора особо и не было – нашей молодой семье элементарно стало негде жить.

Работа на новом месте сразу понравилась. В мои обязанности входило следить за качеством продукции, а еще выдавать предложения по изменениям технологии, которые могли бы улучшить качество или понизить себестоимость. Эта работа хороша была, прежде всего, тем, что позволяла напрягать мозги и применять знания, полученные за годы учебы. Вскоре мне удалось указать на кое-какие недоработки в производственном процессе и предложить способы их устранения. И без того хорошее отношение руководства после этого еще улучшилось.

Но вся эта идиллия довольно быстро подошла к концу.

А причиной, как это ни странно, послужила научная работа моей Машуни. Сама тема ее исследований заключалась в определении того, в каком виде в различных металлах находятся атомы водорода. Казалось бы, очень давно известный факт, что некоторые металлы могут поглощать его в огромных количествах, когда на один атом металла приходится несколько атомов водорода, а в одном кубическом сантиметре его может содержаться несколько литров. Но, как оказалось, для современной науки процессы, происходящие при этом – до сих пор загадка. Чего стоит, например, тот факт, что ученые продолжают спорить даже о том, отдают ли атомы водорода свои электроны металлу или же, наоборот, отнимают.

Я обнаружил, что на своей работе могу легко помочь моей супруге в ее исследованиях. Дело в том, что для этого были необходимы взвеси очень тонких порошков металлов, предварительно насыщенных водородом, в разных жидкостях. Размер частиц этих порошков должен был составлять намного меньше тысячной доли миллиметра, а самым эффективным методом измельчения частиц до таких размеров является ультразвук. У меня в цехе было несколько мощных промышленных ультразвуковых установок, а в лаборатории стоял небольшой лабораторный ультразвуковой реактор, на котором обычно отрабатывались технологические процессы перед внедрением в производство. Решив, что использование лабораторного оборудования в свободное от основной

работы время не причинит предприятию большого ущерба, я активно принялся за дело.

Поначалу все шло более или менее по плану. Днем я успешно выполнял свои прямые производственные обязанности, а вечерами в лаборатории готовил составы для Машуни. Руководство ни о чем не догадывалось или, по крайней мере, делало вид. И вдруг все изменилось.

Началось все с того, что у меня никак не получалось подготовить один образец – порошок титана, который вместо обычного водорода насытили его тяжелым изотопом – дейтерием. Отличие дейтерия от обычного водорода в лишнем нейтроне в ядре атома. Физические и химические свойства этих веществ настолько похожи, что для того, чтобы обнаружить отличия, нужны точные приборы. Но вот под действием ультразвука они начинали себя вести по-разному. При обработке дейтерированного титана реактор по необъяснимым причинам перегревался, а рабочая жидкость просто закипала. Попытки увеличить давление ни к чему хорошему не привели – стало постоянно выбивать предохранительный клапан, и рабочую жидкость парящей струей выбрасывало наружу. А если учесть, что в качестве таковой выступала тяжелая вода – окись дейтерия, каждый грамм которой стоил пять долларов, то не трудно себе представить мое состояние. Война с непокорным реактором продолжалась с переменным успехом целый месяц, пока мне не удалось переделать систему охлаждения, чтобы он начал, наконец, работать так, как

требовалось. И когда это произошло, стало очень любопытно – а сколько же все-таки тепла выделяется в этом процессе. На самом деле, всегда при воздействии ультразвука какая-то его часть, а иногда весьма значительная, переходит в тепло. И ранее, при приготовлении всех остальных препаратов металлов с водородом этот эффект нагрева реактора так или иначе наблюдался. Но вот в случае с дейтерированным титаном в тяжелой воде – тут случился явный перебор. Измерить количество выделяющейся теплоты – технически не такая уж сложная задача. Но когда я это сделал, то был просто ошарашен. Из измерений выходило, что энергии выделялось почти в два раза больше, чем поглощалось, и многократные проверки это подтверждали.

Меня слишком хорошо учили сначала в школе на уроках физики, а затем в институте, чтобы я не понимал, что энергии из ничего не бывает. А раз уж это все-таки реально наблюдается, то следует хорошенько покопаться и найти-таки неучтенный источник. Следующие несколько месяцев я только тем и занимался, что копал. С углублением исследований все выше становилась степень уверенности в том, что открыт какой-то неизвестный закон природы, который даст новые эффективные методы производства энергии. Это занятие стало отнимать довольно много времени у основной моей деятельности – той, за которую мои работодатели платили мне зарплату.

Факт этот не остался незамеченным со стороны руковод-

ства. Пару раз меня вызывали на ковер, намекали, предупреждали. Но разве могут все эти предупреждения и намеки прервать полет мысли и желание настоящего ученого докопаться до сути открытого им явления?

Закончилось все это довольно печально. Однажды завод отгрузил партию брака. Нельзя сказать, что это была чисто моя вина – качество продукции должно было контролироваться не только в лаборатории, но еще и непосредственно на производстве, а я, понадеявшись на добросовестность начальника смены, просто подмахнул паспорта качества. На лабораторные анализы не хотелось тратить время, так как в тот самый момент занимался проведением очередного эксперимента.

Это послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения моего руководства. Несмотря на мои прежние заслуги, я в течение часа был выкинут с предприятия.

Беспокоила не столько потеря хорошей зарплаты, сколько было жаль оставлять прерванными исследования. В конце концов, от их результатов зависело будущее нашей семьи. Найти неизвестный источник энергии – это очень серьезно. Если повезет, за такое могут Нобелевскую премию дать, а уж про благодарность человечества и говорить не приходится.

После увольнения с завода какое-то время пытался изучать научную литературу по этой тематике, просеивал интернет, но полезной информации удалось обнаружить немного. Эффект по всем признакам напоминал нашумевший в свое

время, так называемый, холодный термоядерный синтез, но в мировой академической науке этот термин уже стал ругательным. Серьезные ученые не занимались подобными вещами из боязни запятнать свою репутацию. А научные журналы просто отказывались публиковать статьи с результатами исследований по этому направлению. Что касается информации из Интернета, то мне, как человеку, получившему прекрасное образование и весьма неплохую научную подготовку, просто дурно становилось от жуткого дилетантизма авторов. Ущербные методики экспериментов и кошмарные объяснения результатов. Так что все теоретические изыскания довольно скоро пришлось прекратить.

Через месяц стало ясно, что если я не смогу устроиться на нормальную работу, то мы с супругой благополучно протянем ноги. По крайней мере, со съемной квартирой придется распрощаться, а по большому счету жить нам больше негде. В то время, когда мы познакомились с Машуней, ей как аспирантке выделили комнату в общежитии, которой нам удалось пользоваться некоторое время. Но однажды выяснилось, что здание общежития перешло к какой-то коммерческой конторе, и всех жильцов выселили в течение нескольких дней.

Машуня осталась без крыши над головой, да и я оказался не в лучшем положении. У меня вообще печальная получилась история. Пару лет назад неожиданно умерла моя мама. Отец, проживший с ней тридцать с лишним лет, горевал

недолго. Быстро нашел себе какую-то моложавую тетку, которая меня не жаловала. Возвращение обратно в институт проблему не решало ввиду крайней скудости жалования, и вот опять, как и год с небольшим назад, я занялся поиском работы. Чтобы не остаться без куска хлеба и крыши над головой, занялся частным извозом. Благо, в краткий период относительного достатка удалось приобрести изрядно подержанную, но еще вполне рабочую «девятку».

– Олежек, давай спать, – слова Машуни вытащили меня из тумана воспоминаний. Очнувшись, я понял, что компьютер давно уже играет сам с собой, и противник благополучно уничтожает моих людей, не оказывающих ему никакого сопротивления. Черт! Надо было на паузу ставить, теперь придется переигрывать.

– Уже одиннадцать, а завтра рано вставать, – напомнила моя жена.

Да, я и в самом деле завтра собирался начать работу пораньше – до восьми утра, так как на пять было назначено собеседование по вакансии, а мне еще хотелось хоть что-нибудь заработать.

– Уже иду, солнышко, – вообще-то, всякие сюси-пусси мне давались с трудом. Они и по отношению к себе-то мне не особо нравились. В этом правиле имелось лишь одно исключение – Машуня. В ее ласковых обращениях ко мне ясно просматривалось ожидание ответной нежности. Чувствуя это и боясь обидеть, я никак не мог позволить себе не оправ-

дать ее ожиданий. Наверное, это и есть любовь.

Легли спать. Машуня какое-то время ворочалась, потом затихла – похоже, уснула. Я машинально провел рукой по её прямым, жестким волосам. Она никогда не была поклонницей салонов красоты, всегда носила короткое, удобное каре. Её голова пахла шампунем и еще чем-то неуловимым, но очень родным.

Я лежал с закрытыми глазами, а разные мысли все лезли и лезли без конца в голову, не давая провалиться в сон. То вдруг из глубин памяти выскакивали яркие, неправдоподобно реальные картинки из прошлого. Настолько яркие, что кажется, будто это произошло вчера, а не годы назад. Границы между воспоминаниями и сновидениями потихоньку стирались, и незаметно для себя я стал погружаться в трясину сна. Вдруг передо мной появилась мама, такая, какой она была в моем детстве – молодая и красивая. Вот она говорит мне что-то, улыбаясь.

– Мамочка, разве ты не умерла?

– Нет, это не я умерла.

– А кто?

– Скоро узнаешь, – вдруг передо мной возникла четкая картина: Машуня стоит на остановке, к ней подъезжает большой черный внедорожник, откуда выскакивают два кавказца, которые хватают ее и затаскивают в машину.

Сон моментально улетучился, как от удара чем-то тяжелым по голове. Рассудок успокаивал, говоря, что это только

видение, плод воображения, вызванный впечатлениями от сегодняшних событий, но где-то на краю сознания все равно оставалась какое-то щемящее чувство тревоги. Смертельная тоска, какую обычно вызывает предчувствие неотвратимого приближения тяжелого несчастья. Я вдруг осознал, насколько мне дорога моя милая Машуня и как все-таки страшно было бы ее потерять.

Я обнял ее.

– Ты не спишь? – спросила она, повернувшись лицом ко мне.

Ну вот. Оказывается, она тоже не спала.

– Да вот, все думаю.

– О чем?

– Да о том, о сем. Всякое в голову лезет, заснуть не дает. Слушай, знаешь что? Ты старайся не стоять одна на остановке. И вообще, будь осторожнее. Понимаешь, о чем я говорю?

– Да, конечно, – она замолчала, а потом приподнялась, как-то неизбежно быстро её лицо оказалось около моего лица, она целовала меня беспорядочно то в нос, то в уголки губ и шептала, что у нас все будет хорошо, исследования успешно завершатся, а я стану знаменитым ученым.

Хоть и было в планах лечь спать пораньше, получилось как раз наоборот. Уснуť нам обоим удалось только под утро. Какие-то сновидения, из тех, что утром не удастся вспомнить, мельтешили потом остаток ночи и прервались лишь пронзительным воплем будильника, возвещающим начало

НОВОГО ДНЯ.

День в общем-то начинался неплохо. Два пассажира до ближайшего метро, потом один в центр. В центре решил перекусить, купил булку и пакет кефира. Сидя в машине, я уплетал свой импровизированный обед. Ну что ж, хоть сердито, зато дешево. Если каждый день обедать в каком-нибудь фастфуде, то за месяц набежит кругленькая сумма, а этого я не мог позволить. Экономить – так экономить. Тем более что нищенская зарплата российского ученого в течение нескольких лет успела к этому приучить. Конечно, тот год, пока работал технологом на заводе, мы с Машуней жили намного свободнее, а вот теперь, вспоминая некоторые траты того периода, время от времени просыпалось горькое сожаление по израсходованным впустую деньгам.

Внезапно всплыла вчерашняя картина похищения девушки на остановке. На мгновение представил на ее месте свою жену, и сердце сжалось. Да уж, в какой стране живем! Надо бежать отсюда при первой же возможности. Сейчас главное, чтобы Машуня защитилась и нашла нормальное место за границей. А там уж свяжусь или с тем университетом, куда она должна будет поехать, а может вообще с правительством того государства. Вряд ли кто-то откажется от перспективы получения почти дарового источника энергии.

Откусывая булку и отхлебывая из пакета кефир мелкими глотками, я размечтался. В мечтах уже видел, как построил установку, которая выделяет энергии в десятки раз больше,

чем потребляет. И вот об этом уже пишут в газетах и сообщают во всемирных теленовостях. А вот я уже в Стокгольме, и король Швеции вручает мне Нобелевскую премию.

Булка кончилась, мечты тоже прекратили мелькать в голове кинокадрами. Красивая детская сказка. Нет, конечно, устойчивый и уверенно воспроизводимый эффект – это несомненный плюс. И ведь энергии действительно выделялось больше, чем поглощалось – в этом я после десятков проведенных экспериментов был абсолютно уверен. Но за те пять лет, пока двигал вперед науку, удалось хорошо усвоить одну вещь. Очень уж мало новых идей в мире, а когда кто-нибудь вдруг придумывает что-то достаточно важное и интересное, всегда находится масса желающих примазаться к чужой славе. А самое печальное то, что чаще всего дележ славы происходит вообще без участия самого автора. В нашем научном мире надо держать ухо востро: чуть зазевался, раскрыл суть раньше времени – тут же обведут вокруг пальца, облапошат, и останешься ты с длинным носом.

Интересно – сколько уже натикало? Ого, два часа дня. На пять назначено собеседование по вакансии, так что поработать осталось не так уж и много. А собеседование пропускать нельзя – вдруг на самом деле повезет устроиться на нормальное место. Извоз – не самый лучший способ заработка. А ведь деньги нужны, ну просто позарез. То, что надо за съем квартиры платить, да и кушать, естественно, тоже, это еще ладно. Так ведь я еще никак не мог избавиться от навязчивой

идеи продолжить свои научные изыскания. План у меня был простой, но он все равно требовал определенных средств. Я собирался арендовать гараж, приобрести небольшой лабораторный ультразвуковой генератор, что-то собрать своими руками, что не смогу собрать – купить, все материалы и реактивы могла бы таскать с работы моя супруга. Эксперименты можно было бы проводить по выходным и ночами.

Я взял карандаш и листок бумаги и стал прикидывать – что может понадобиться для начала экспериментов и сколько это может стоить, когда резкий звонок мобильного телефона прервал ход моих мыслей. Машуня? Нет, номер на экране был незнаком. Может, по какой-нибудь вакансии?

– Здравствуйте! Олег Николаевич? – от голоса явно повеяло холодком представителя власти. Менеджеры по кадрам обычно разговаривают не так.

– Здравствуйте, я слушаю вас.

– Старший лейтенант милиции... – тут он назвал фамилию, имя и отчество, да так быстро, что мне толком и не удалось расслышать, – вы заявление в милицию вчера подавали по похищению человека?

Ага, понятно, зашевелились, наконец. Больно поздно вы хватились – девчонку-то, небось, уже закопали.

– Ну да, подавал.

– Сегодня в пять вечера вы должны быть на месте преступления. Будем проводить следственные мероприятия.

Ну, ничего себе! А они меня, вообще, спросили – могу ли

я в это время туда приехать? Нет, собеседование пропускать не буду.

– Извините, боюсь, что не смогу. У меня важное дело в это время.

– Вас что – повесткой вызывать, или приводить под конвоем? Вы как свидетель по закону обязаны принимать участие во всех мероприятиях, где это необходимо, – донесся с другого конца линии голос, в котором уже отчетливо слышалось раздражение.

Возникла небольшая пауза. Я уже подумал, что нас развели, когда на том конце провода раздался усталый вздох.

– Ну ладно, когда сегодня сможете подъехать? – спросил страж порядка, – в шесть сможете?

Черт, до шести запаса времени совсем нет, но с ними лучше особо не наглеть. Надо соглашаться.

– Хорошо, в шесть я к вам подъеду, только скажите – куда и к кому.

– Подъезжайте прямо на то место, где произошло похищение, я там вас встречу.

– А как вы меня узнаете? Давайте, я вам номер машины скажу.

– Да, конечно, конечно. Диктуйте, – спохватился старший лейтенант.

Я продиктовал. Интересно – мне это только показалось, или он на самом деле не смог скрыть свою радость моим со-

гласием? Странно, а как он вообще собирался встречаться со мной, не имея представления о моей внешности и не зная даже марку машины?

3

Пару пассажиров до начала собеседования все-таки удалось прихватить. Ну вот. День не пропал. Если бы каждый раз так везло, то и работу можно было бы уже не искать. Но, к сожалению, так бывает далеко не всегда.

К месту встречи с сотрудником милиции подъезжал уже в сумерках – страну еще не успели перевести на зимнее время. Машину удалось поставить на обычное место – там, где обычно жду пассажиров и там, где случайно оказался свидетелем преступления. Удачно начавшийся в плане заработка день подпортило собеседование. Вообще, в ходе поисков работы я уяснил одну вещь – туда, где не называют размер зарплаты по вакансии, лучше не ездить, чтобы не терять время и нервы. Фраза «по договоренности» означает неадекватность работодателя. И, как правило, неадекватность проявляется во всех аспектах.

Так и сегодня, девочка, которая гордо именовала себя менеджером по кадрам, с умным видом задавала дурацкие вопросы, так и не ответив ни на один мой. Некомпетентность в области техники и технологии так перла из нее, что начала раздражать. Девчонка хоть и была дуб дубом в технике,

в психологии, видимо, разбиралась неплохо, быстро уловив то, как я оцениваю уровень и ее самой, и тех вопросов, которые она мне задавала. От меня не ускользнул момент смены ее отношения к моей персоне. Похоже, с этого момента она приняла для себя решение относительно моей участи, и продолжение беседы имело необходимость исключительно для галочки. Дежурные улыбка и фраза «спасибо, вам позвонят» только подтверждали это. Только время зря потратил. Лучше бы бомбил – глядишь, заработал бы чего.

Ого, уже пятнадцать минут седьмого, значит, я жду здесь уже двадцать минут. Похоже, пунктуальность не входит в число добродетелей сотрудников российской милиции. Вышел из машины, походил вокруг. Может, он не понял – где это все происходило? Спираль, которую я описывал вокруг машины, все больше расширялась, но нигде я не заметил человека, про которого можно было бы подумать, что он меня ждет. Наконец, после получаса ожидания я понял, что встречи, похоже, не будет.

Вот ведь урод – даже если какой-нибудь форс-мажор, то, наверное, можно было хотя бы позвонить. Похоже, на людей им абсолютно наплевать. Решив расставить точки над «i», набрал номер, с которого тот звонил мне днем. Замечательно! «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Грязно выругавшись, завел машину. Во мне началась борьба между желанием еще немного заработать или ехать домой, чтобы поделиться всем этим с Машу-

ней. В конце концов, решил просто позвонить супруге. Когда после пятого или шестого гудка ее телефон не ответил, почувствовал неприятный холодок внутри. Еще после десятка гудков вызов прервался, и какая-то девушка приятным голосом произнесла что «абонент не отвечает». Как будто я сам не догадался! Охватило какое-то смутное беспокойство. Успокаивая себя, что ничего не случилось, да и в принципе ничего страшного никогда случиться не может, потому что все ужасы происходят или в кино, или с другими, погнал домой.

Не притормаживая, влетел во двор и чуть не столкнулся лоб в лоб с каким-то темно-зеленым «меринком», который как раз намеревался выехать из двора на улицу. Разъехаться на узкой дворовой дорожке мы с ним никак бы не смогли. Помехи в виде стоящего у тротуара автотранспорта вообще-то были на его стороне. По правилам он должен был подать назад и пропустить меня. Но, постояв несколько секунд на месте и разглядев в салоне за затемненным стеклом мерседеса нескольких молодых людей довольно бандитского вида, я понял, что данная ситуация разрешается не по правилам, а «по понятиям». Понятия у этих бандюков довольно бесхитростны – имеет больше прав тот, кто сильнее. Как же уже достали эти отморозки, никуда от них не деться! Благо-разумно решив, что ждать дальше означает вероятность нарваться на неприятности, подал задом на улицу, пропуская их. «Мерин» с визгом рванул в освободившееся простран-

ство, свернул на дорогу и скрылся.

Ну и народец у нас – сплошной неадекват. Насмотрелись бандитских сериалов и корчат из себя офигенно крутых. С такими мыслями я вышел из лифта и направился к дверям нашей квартиры.

Что-то насторожило, едва я приблизился к двери.

Что-то было не так, как надо.

Ну да, точно. Раньше дверь прилегала плотно к косяку, а сейчас была заметна небольшая щель. Неприятно засосало под ложечкой. Я легонько толкнул дверь – она оказалась не заперта и слегка приоткрылась. Зайдя в прихожую, хотел позвать Машуню, но язык почему-то отказывался повиноваться. От волнения сердце затрепыхалось так, как будто было готово выпрыгнуть из груди. Некоторое время постоял у закрытой двери в комнату, не решаясь надавить. Затем, осторожно приоткрыв её, тихонько вошел в комнату.

Первое, что бросилось в глаза – это моя жена, лежащая на полу около дивана. Вернее, видны были только её ноги. Все остальное закрывал опрокинутый столик. На него Машуня обычно ставила ноутбук, когда работала дома.

Я пытался успокоить себя. Все в порядке, слышишь. Это не идиотский голливудский фильм. Она просто упала в обморок. Моя любимая девочка переутомилась, перенервничала из-за диссертации и упала. Возможно, у неё даже сотрясение мозга, и она не сможет читать и писать пару недель. Мои ноги превратились в вату, я вообще не понимал, как

они двигаются. Сделал еще несколько шагов и, наконец, посмотрел на Машуню.

От увиденного потемнело в глазах. Она лежала лицом вниз, одна рука была прижата телом, другая неестественно вывернута назад. На голову ее был надет полиэтиленовый пакет из какого-то супермаркета. Появилось ощущение, что это происходит не со мной, что я просто случайно оказался вдруг в теле совершенно незнакомого мне человека и сейчас со стороны наблюдаю за разворачивающимся действием. Через какое-то время покину это тело, опять вернусь в свое и благополучно забуду все эти ужасы.

Очнувшись от наваждения, понял, что надо что-то делать. Снял пакет и перевернул тело на спину. Господи, какой ужас! Лицо было перекошено гримасой ужаса и боли. Моя любимая, хорошая! Какой же подонок это с тобой сделал? На ощупь тело казалось теплым, хотя пульс совершенно не прощупывался. Я решил, что если сердце остановилось недавно, то искусственное дыхание вместе с непрямым массажем сердца еще может вернуть ее к жизни. По крайней мере, ничего уже не оставалось, кроме как ухватиться за эту соломинку. Как выполняются эти процедуры, чисто теоретически я знал, хотя самому проводить их никогда не приходилось. Попытался сделать все так, как учили в институте по курсу гражданской обороны.

Не могу сказать, сколько прошло времени, но я уже серьезно устал, а признаков жизни пока не появилось. Решил

позвонить в скорую помощь, а заодно сделать паузу несколько секунд, чтобы чуть-чуть отдышаться.

Быстро описал по телефону ситуацию и вернулся к попыткам вырвать мою девочку из лап смерти.

Сначала приехала милиция, хотя ее и не вызывал. Я почувствовал сзади какое-то движение и обернулся. Двое сотрудников в форме стояли в дверях и внимательно наблюдали за моими действиями. Обнаружив, что я их заметил, один из них подошел и стал рассматривать мою супругу. По мере того, как он стоял и смотрел, мною овладевало раздражение, быстро переходящее в ненависть к этому служителю закона. Не могу сказать точно, чем это было вызвано – может, тем, что он не демонстрировал никакого желания помочь, или тем, что, являясь блюстителем порядка, допустил такое ужасное событие. Наконец, он тронул меня за плечо:

– Ну, ладно, все уже, бесполезно.

Я возразил ему, сказав, что буду продолжать, пока не придут медики. Тот пожал плечами и ничего не ответил. Наконец, приехала скорая помощь. Пара врачей в белых халатах подошли к Машуне, осмотрели ее, попытались нащупать пульс.

А потом констатировали смерть.

Я принялся доказывать им, что они обязаны провести реанимацию. Попросил сделать укол в сердце, кричал, но врач отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, и стал заполнять какой-то бланк.

Опять принялся было за свои реанимационные попытки, но тут уже вмешались мои гости в погонах, схватив меня за локти и оттащив от Машуни. Напрасно я старался высвободиться. Не обращая внимания на брыкания и возмущенные возгласы, меня усадили на стул, продолжая удерживать за руки. Спустя несколько минут один из блюстителей, видимо, полагая, что я уже смирился, отпустил меня, встал и вышел из комнаты. Я и в самом деле уже не пытался сопротивляться. Врач, заполнявший бумаги, время от времени что-то спрашивал, я ему машинально отвечал, не вдаваясь в смысл вопросов.

Милиционер, оставшийся в комнате, в свою очередь отпустил мой локоть и спросил документы. Я порывлся в карманах куртки и достал паспорт. Тот полистал его и сунул себе в карман.

Через некоторое время вернулся второй сотрудник милиции. Только теперь удалось более внимательно его осмотреть. Сержантские погоны, среднего роста. Возраст человека в форме обычно бывает непросто угадать, но, скорее всего, ему должно быть от тридцати до тридцати пяти лет. Смуглое лицо, черные волосы и темные глаза выдавали в нем уроженца южных областей. В то же время тип лица не соответствовал тому, который обычно называют кавказским или восточным. Вернулся он не один, приведя с собой парочку гостей – мужчину и женщину пожилого возраста в домашней одежде и тапочках. Значит, вытащил их из одной из квартир нашего

подъезда. Ну, да, точно – это соседи из квартиры напротив. Я всегда здоровался, когда встречался с ними на лестничной площадке. Машуня даже, насколько знаю, иногда общалась с теткой. Зачем он их привел?

Тем временем чернявый сержант начал что-то говорить соседям. Я постарался сосредоточиться на его словах и понял, что он просит их быть понятыми при осмотре места происшествия. Меня это все как-то абсолютно не трогало. Что ж, видимо, такой порядок. Я к этому времени уже окончательно осознал, что потерял Машуню, и ко всему окружающему относился с совершенным безразличием.

Оба сотрудника приступили к осмотру. Это значило, что они заглядывали под стол и под шкаф и выдвигали ящики. Не покидало чувство какой-то театральности их действий. Будто они сами совершенно не надеются что-либо найти, а лишь создают видимость поисков. Вот, наконец, один из них, не чернявый, а другой, со светлыми волосами, жестом фокусника достал из-за шкафа какой-то предмет и продемонстрировал его присутствующим. Похоже, что его обращение больше всего адресовалось понятым. Я выплыл из тумана и сфокусировался на этом предмете. Какая-то женская сумочка из светлой кожи. Откуда она здесь? У Машуни ее ни разу не видел.

– Прошу понятых обратить внимание на этот предмет. Вы подтверждаете тот факт, что этот предмет находился в этом помещении?

Сотрудник милиции пристально смотрел прямо на пожилую парочку, переводя взгляд с нее на него и обратно. Оба кивнули. Они явно были в шоке от происходящего и до сих пор еще не успели прийти в себя.

– Вы узнаете эту вещь? – теперь уже ко мне обратился нашедший сумку и протянул ее мне. Я машинально взял дамский аксессуар и повертел в руках.

Господи! Сумка как сумка. Чем она могла их так заинтересовать? Во мне шевельнулось смутное подозрение, что этот предмет является ключом к произошедшему. Но трансформироваться во что-то более конкретное это ощущение никак не хотело. Я подал было голос, утверждая, что эту сумку вижу первый раз в жизни, но на меня не обратили никакого внимания. Тем временем врачи уже свернулись. Старший передал одному из сотрудников милиции какие-то бумаги, в которых тот поставил подписи, и оба медика, не прощаясь, покинули квартиру. Чернявый сержант тем временем составил какой-то акт и попросил понятых его подписать. Те подписали и тихо испарились.

– Все – поехали! – обратился ко мне тот, который посветлее, закончив что-то писать и поднявшись со стула.

– Куда? – голова была тяжелой и мутной, я с трудом воспринимал смысл сказанных мне слов.

– Как куда? В отдел. Будешь показания давать.

– А как же она? – я кивнул на тело Машуни.

Я изо всех сил сейчас пытался не воспринимать человека,

лежащего на ковре, как свою супругу. Ту, которая любила взъерошивать мне волосы, а по ночам греться об мою спину. Ту, что звонко и заразительно совсем по-детски смеялась над моими шутками, а сидя за компьютером и работая над диссертацией сосредоточенно грызла ногти.

Я еще раз посмотрел на тело на полу, и подкосились ноги.

– А за ней сейчас приедут, – глухо, как сквозь стенку донесся голос светлого, – ключи давай от квартиры.

Я понял, что спорить с этой парочкой все равно бессмысленно, и подчинился жесту, приглашающему на выход. У дверей обернулся, бросив последний взгляд на нашу уютную комнатку, где мы с Машуней были так счастливы на протяжении почти двух лет.

Меня о чем-то спросили, но горло свел спазм, и я только и смог, что нечленораздельно промычать в ответ.

Отвернулся и сделал шаг через порог.

В другую жизнь.

4

Доехали быстро. Да и чего там ехать-то – отдел находился в соседнем квартале. Поднялись на второй этаж, прошли довольно длинный коридор со множеством дверей и опять спустились по лестнице вниз в какой-то почти неосвещенный закуток. Ну и лабиринты у них здесь. Интересно, почему нельзя было пройти просто через первый этаж? Я в первый

раз находился в этом здании, и в другой ситуации, наверное, разглядывал бы окружающую обстановку с большим интересом. Но сейчас я походил на робота, автоматически переставляющего ноги. Или, скорее, на теленка, которого ведут на бойню. Наконец, передо мной распахнули дверь. В лицо ударил яркий свет. Я шагнул вперед и оказался в небольшом помещении, в котором три письменных стола с мониторами и пара шкафов уже почти не оставляли места ни для чего другого.

За столом, находящемся в самом дальнем углу, сидел парень лет двадцати с небольшим в гражданской одежде. Он поднял голову на звук открывающейся двери, оторвавшись от экрана компьютера. Заметив среди вошедших меня, заметно оживился, маленькие глазки лихорадочно забегали. Я привык доверять первому впечатлению о человеке, так как обычно интуиция в этом плане меня не подводила. При первом же взгляде на сидящего в комнате внутренний голос подсказал, что от этого типа следует ждать любых неприятностей. Если бы меня попросили описать, что именно во внешности этого молодого человека позволило за мгновение сделать такой вывод, я бы надолго задумался. Может, бегающие глазки, или слегка пухлые, как у обиженного ребенка, губы – трудно сказать. Но на этом лице лежала явная печать какой-то глубокой ущербности. Как если бы за маской добропорядочного обывателя скрывался жуткий оскал вампира. Нет, вампир – это слишком красиво для него. Скорее –

Упырь. Решил так его про себя и называть.

– Где? – с ходу произнес он. Видимо, смысл этого незавершенного вопроса был ясен остальным присутствующим, так как чернявый сержант сразу кивнул на своего светлого спутника. Тот протиснулся между мной и столом и передал сидящему черный пластиковый пакет и полупрозрачную папку с какими-то документами. От меня не ускользнуло то, что парень явно возбужден, но всем своим видом тщательно скрывает это. Выдавала его дрожь в руках, да еще взгляд, ни на полсекунды не останавливающийся на одной точке.

– Ну, все, идите, – обратился он к обоим моим конвоирам.

– А ты садись сюда, – он указал на стул перед собой.

– Сам колоть будешь? – спросил чернявый.

– А что, поучаствовать хочешь? – усмехнулся Упырь, – нет, Мелик звонил, просил его Баринову отдать. Серега ему быстро мозг трансплантирует. Да, кстати, может, отвезете его на Нагатинскую? А то дел по горло.

– Не-е, тебе надо – сам вези. Мы вообще сегодня еще не обедали. Сейчас пойдем хоть пиццу себе закажем.

Оба развернулись и направились на выход.

Мы остались один на один с Упырем. Я понял, что еще странного было в его лице. Его рыскающий, слегка исподлобья взгляд, ни на миг не задерживающийся на одном месте, никогда, даже на короткое мгновение, не встречался со взглядом собеседника. Наконец, вспомнил, что мне это напоминает. Среди детишек в обычных школах Москвы в сред-

нем на каждые двадцать-тридцать человек встречается один больной легкой формой шизофрении. В школах с математическим уклоном их еще больше. В московской физико-математической школе, где я учился, было несколько таких учеников. И теперь точно такой же взгляд шизофреника я увидел у сидящего передо мной блюстителя закона.

Господи! Они что – уже психов в милицию стали брать?

Может, он вообще маньяк? И что означает вопрос: «сам колоть будешь?». Это меня, что ли колоть? А зачем? Меня что, в чем-то подозревают?

Неприятный холодок пробежал по спине, вызвав дрожь. Быстрая смена обстановки на некоторое время отвлекла меня от произошедшего дома кошмара. Но теперь я вдруг снова вспомнил Машуню, лежащую на полу, и спазм сдавил горло. Неужели они думают, что это сделал я? Если до этого момента окружающее воспринималось с абсолютным равнодушием, как бы со стороны, то сейчас часть меня возмутилась такой несправедливостью. Мой внутренний голос силился мне что-то сказать, но оформить мысль словами все никак не получалось. В результате так и не сказанная фраза затерялась в дебрях сознания.

Тем временем Упырь закончил свою писанину и стал собирать бумаги в папку. Собрав, встал и обратился ко мне:

– Ну, все, пошли.

На выходе из отделения нас окликнули:

– Эй, Лёха! Куда ты его?

– Да Мелик сказал – на Нагатинскую, к Баринову отвезти.

На улице было уже совсем темно. Холодные мелкие капли хлестали по лицу порывами ветра. В такую погоду хорошо сидеть на теплой кухне и пить чай. Не одному, а вдвоем с женой. Сидеть, говорить долгие разговоры или и вовсе молчать. А потом обнимать друг друга под теплым одеялом.

Никогда, никогда этого уже не будет.

Кваканье сигнализации заставило меня очнуться. Мы с Упырем подошли к машине, темно-зеленому «Мерседесу». При виде машины в подсознании забилась какая-то мысль, но мне так и не удалось ее отловить и вытащить наружу. Как будто эта машина имела какую-то связь с сегодняшним событием. Но в голове была каша, и мысль, попульсировав пару секунд, пропала. Мой конвоир открыл мне заднюю дверь. Я сел на сиденье справа. Слева место было завалено какими-то вещами. Упырь вел машину довольно нервно, часто и резко тормозя и разгоняясь. В момент одного такого торможения вещи, лежавшие на сиденье, свалились на пол, и я машинально принялся их поднимать. Среди рассыпавшихся вещей на полу лежал ноутбук. Судя по всему, он вывалился из сумки. Взял его и положил на сиденье. Надо же! У Машуни такой же...

И тут – вспышка в сознании.

Нет! Не такой же, а этот самый. Вот в углу наклейка – ею Машуня прикрыла царапину, полученную им при случайном падении. Зачем они его забрали? Это что – мародер-

ство, кража с места преступления? Я почувствовал омерзение к таким служителям закона, как сидевший впереди меня Упырь и этой парочке, приехавшей ко мне домой по вызову. Напрягся, пытаюсь вспомнить – а был ли вообще ноутбук в комнате, когда я туда зашел?

Столик, на котором он обычно стоял, лежал опрокинутый. На полу его точно не было. Конечно, оставалась вероятность, что он мог быть у Машуни в сумке, на кухне, или еще где-нибудь там, где я его не мог увидеть. Но в любом случае – если он был, значит, они его украли, а вот если не было – тут все намного серьезнее. Я даже испугался этой пришедшей вдруг страшной догадке – сидевший передо мной мог иметь непосредственное отношение к убийству моей жены. Не в силах поверить в это, постарался отогнать от себя эту мысль, решив, что этого не может быть. Проще считать, что они обычные мародеры и воры, чем убийцы.

Свернули с ярко освещенной улицы и начали плутать по темному, мокрому от дождя двору. Наконец, машина заехала в ворота и остановилась возле небольшого двухэтажного здания. Почти все окна горели – несмотря на довольно поздний час, в доме кипела жизнь. Над крыльцом тускло светила одинокая лампочка. Следом за Упырем я тоже вылез из машины. Закрывая за мной дверь, Упырь бросил взгляд на заднее сиденье, моментально изменившись в лице. Ага! Заметил лежащий вне сумки ноутбук. Я сделал вид, будто ничего не понял и отвернулся. Какое-то время чувствовал, как

он молча буравит меня своим взглядом. Наконец, он снова квакнул сигнализацией машины и слегка подтолкнул меня в направлении крыльца с лампочкой.

За дверью находился довольно просторный холл с рядом стульев вдоль одной стены и широким стеклом – с другой. За стеклом маячил дежурный в форме капитана милиции. Мой провожатый указал на один из стульев, а сам подошел к стеклу и что-то сказал дежурному, показав на меня рукой. Тот кивнул. Упырь направился через холл к одной из дверей, но не успел протянуть руку, чтобы ее открыть, как та вдруг распахнулась, и оттуда показалась фигура человека небольшого роста в штатском. Лицо человека явно выдавало его кавказские корни. Человек, увидав Упыря, оскалил зубы в демонстративной улыбке и протянул ему руку. Тот схватился за нее своей клешней и затряс, полусогнувшись.

– Здравствуй, Алексей! – все так же искусственно улыбаясь, произнес вошедший, – как мама?

– Все хорошо, – тут Упырь назвал его по имени-отчеству, которого я не разобрал, – мама вам привет передает.

– Спасибо, ей тоже передай. Этого ты, что ли, привез? – он кивнул в мою сторону.

– Я, – следующую фразу Упырь произнес очень тихо, практически, шепотом, так что я, как ни старался, ничего не смог разобрать.

– А, понял. Пойдем к Баринову, этот пусть пока здесь посидит.

Они ушли, оставив меня сидеть перед аквариумом дежурной части. Хотя, это, скорее, я был рыбой, за которой наблюдал капитан из-за стекла. Не знаю, сколько времени я там находился. Оставшись наедине с собой, сразу погрузился в невеселые мысли. Перед глазами возникали яркие сцены из нашей такой недолгой, но такой счастливой совместной жизни с Машуней. Они мгновенно вызвали такую жуткую тоску, что я тут же принялся отгонять их от себя, специально стараясь думать о чем-то постороннем. Размышления об открытом мною энергетическом эффекте показались выходом из положения. И действительно, это позволило отвлечься на некоторое время.

Не так давно после нескольких дней работы в библиотеке мне пришла в голову интересная идея. И сейчас я мысленно старался проработать методики экспериментов и набросать список всего необходимого для их проведения. Жаль, что нет клочка бумажки и карандаша. Хотя, ради чего это все теперь?

Время шло. Я продолжал сидеть в холле, никем не востребованный. Люди проходили мимо меня, покидая здание. Похоже, что их рабочий день закончился, и они все торопятся домой. А вот мне торопиться уже некуда.

Наконец, дверь открылась, и в проеме показался Упырь. Он окликнул меня и поманил рукой.

Дверь из холла вела в узкий коридор. По стенам его располагались двери, видимо, в кабинеты. Коридор изгибался

влево, и мой конвоир мягко подтолкнул меня туда. Остановились перед предпоследней дверью. Упырь стукнул в нее пару раз и надавил на ручку.

В кабинете, где я оказался, стояло три письменных стола, но занят был только один. За ним сидел довольно молодой человек лет тридцати с небольшим, плотного телосложения, с приятным открытым лицом. Ну, вот, наконец-то первый нормальный человек попался. А то все какие-то шизики да маньяки. Сейчас он во всем разберется и меня выпустят.

Когда они с Упырем обменивались рукопожатиями, мне на мгновение почудился какой-то налет отвращения, промелькнувший во взгляде хозяина кабинета.

Пока мой мозг по старой привычке перебирал варианты прозвища, которое бы тому лучше всего подошло, сидящий кивнул на стул за столом напротив себя и произнес:

– Старший оперуполномоченный капитан Баринов, – представился он, обращаясь ко мне. Я выдавил в ответ что-то типа «очень приятно» и сел на предложенное место.

Упырь пододвинул стул от соседнего стола с явным намерением расположиться здесь на все время беседы. Этот факт сразу вызвал неприятные эмоции, хотя я и не смог бы объяснить – почему.

Оказалось, что я не одинок в своей неприязни. Лицо Баринова еле уловимо сморщилось.

– Алексей, ты бы ходил в дежурку, а я бы здесь сам поработал.

Упырь что-то буркнул, но встал и направился к выходу.

– Точно! Совсем забыл! Толик же хотел со мной о чем-то побазарить, – последнее он выдал уже на ходу, явно с целью попытаться сохранить лицо передо мной. Я только усмехнулся про себя: его желание замаскировать унижение было видно невооруженным глазом. В момент, когда за Упырем закрылась дверь, почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение.

После ухода Упыря Баринов некоторое время что-то писал у себя в бумагах. От нечего делать я стал осматриваться в кабинете. Ничего особенного. На каждом из столов по древнему монитору. Карта Москвы на стене. Стеллаж с книгами и папками за стеклом.

Наконец, взгляд уперся в листок, приколотый кнопкой к стене, с отпечатанным на нем десятком афоризмов уголовно-милицейского характера. Один из них привлек внимание. «На каждого профессионала всегда найдется один любитель». Интересно, что имел в виду автор? Начал было строить догадки на эту тему, но тут ход моих мыслей прервал обращенный ко мне вопрос.

– Ну, рассказывай – чего это тебе твоя жена так надоела? – вопрос ввел меня в замешательство. Значит, они правда думают, что это я сам убил мою Машуню? Несколько секунд от растерянности не мог ничего ответить. Похоже, капитан Баринов это молчание воспринял по-своему, как признание мною своей вины, и тут же безо всякой паузы продолжил:

– Объясни мне, пожалуйста, такую вещь, – с этими словами он достал из ящика стола какой-то предмет в прозрачном полиэтиленовом пакете и положил его на стол передо мной, – откуда это могло оказаться у тебя в квартире?

Я пригляделся и узнал в этом предмете женскую кожаную сумочку. Ту самую, непонятно откуда взявшуюся, которую милиция нашла у нас дома. Покачал головой.

– Я эту сумку вижу во второй раз в жизни, а первый был, когда ваши люди ее нашли у нас в квартире. У моей жены эту сумку я никогда не видел, и как она у нас оказалась – не знаю. А жену свою я не убивал.

Все это произнес ровно, практически без интонации, так как эмоций уже не осталось. Я как бы разделился на нескольких человек. Один автоматически выполнял необходимые действия и отвечал на вопросы, а другой со стороны наблюдал за всем этим, как за ходом какого-то спектакля. Я заметил, что во время моей короткой речи у Баринова в глазах на миг вспыхнул и тут же погас огонек то ли гнева, то ли раздражения. Не нравится тебе? Конечно, тебе проще выбить признание из невиновного – и дело шито-крыто.

– Зря ты не хочешь сразу признаться, – после некоторой паузы сказал он, – было бы намного проще. А так тебя сейчас передадут гагиевским орлам – они живо дух вышибут. Расскажешь все, что было, и чего не было. Вон там, за дверью Усачев дожидается. Очень просил тебя ему передать. А у него знаешь, какой стиль работы? Привяжет к стулу, пакет

на голову – и будь здоров.

Опять пакет. Почему пакет? У того меня, который сидел и отвечал, вдруг на долю секунды яркой молнией промелькнула и тут же пропала какая-то мысль. Ощущение того, что будто бы упустил что-то очень важное. Такое, что стоит только ухватить, как все сразу встанет на свои места. Но другой, тот, который наблюдал со стороны, сказал: «А не все ли тебе равно? Какой смысл во всем этом, если у тебя больше нет человека, которого ты любил. И наплевать на всех этих Усачевых и орлов, как он их там назвал? Бабиевских, гагиевских? Пусть делают, что хотят.

– А вы знаете, мне уже все равно, – ответил я Баринову, – мне действительно все равно, потому что я потерял любимого человека и не вижу смысла дальше жить. Но подписываться под тем, что это я убил свою жену, не буду. Делайте, что хотите.

И тут, наконец, опять удалось поймать это ощущение, пришедшее, но тут же упорхнувшее пару минут назад. Но в этот раз удалось ухватить его за хвост. То, что где-то на подсознательном уровне казалось странным в этой истории. Сумочка! Откуда она взялась и почему так всех интересует? Я понял, что это – ключевой момент, важная улика какого-то преступления. Но какого, и как она оказалась у нас в квартире? Решил спросить прямо:

– Простите, не знаю, как вас по отчеству, а можно один вопрос?

Не дожидаясь ответа Баринова стороны, продолжил.

– Вот эта сумочка, – я кивнул на лежащий на столе пакет, – откуда она вообще? То есть я знаю, что ее вроде, как нашли у меня дома, хотя и не понимаю – как она там оказалась. Но я хотел бы узнать – чем же она так интересна, что все о ней спрашивают?

Баринов посмотрел на меня внимательнее. Показалось даже, что уважительнее.

– Сергей Викторович.

– Что-что?

– Меня зовут Сергей Викторович. Значит, ты на самом деле не знаешь, откуда она?

Вдруг показалось, что лицо капитана потеряло ту уверенность, которую я совершенно четко наблюдал в начале допроса.

– Нет, я не знаю, что это за сумка и откуда она у нас взялась, но вот сейчас я уверен, что тот ваш сотрудник, который ее нашел, точно знал, где она лежала. Я сначала подумал, что эту сумку недавно купила моя жена, и я просто еще не успел ее увидеть, но вот теперь так уже не думаю. А вот сейчас считаю, что ее подкинули, но только не понимаю – зачем. И еще не понимаю, какая связь между ней и убийством моей жены.

Все это я выпалил на одном дыхании

– А кто именно ее нашел?

– Кто-то из ваших, они не представились. А может, представились, но я не запомнил – не до того было. Такой, высо-

кий, с усами, черный.

– В каком смысле – черный?

– В смысле – брюнет. А, нет. Не он, другой нашел, такой со светлыми волосами, здоровый.

– Понятно. Ну ладно, неважно, это в протоколе должно быть. А Усачев там был?

– Не знаю. Я не знаю вашего Усачева.

– Тот, кто тебя привез сюда.

– По-моему, его не было. Ну да, я его первый раз в отделении увидел.

– Понятно, – опять протянул Баринов и несколько секунд помолчал, – а чем ты вообще занимаешься?

– В последнее время – бомбил, – заметив промелькнувшее в его глазах недоумение, поспешил пояснить, – пассажиров возил, короче, извозом занимался. А до этого технологом на заводе работал.

И вдруг я ему – совершенно незнакомому человеку – начал во всех подробностях рассказывать историю последнего десятка лет своей жизни, начиная с учебы в институте. Видимо, нервное напряжение вызвало необходимость выговориться хоть кому-то. Рассказ мой длился никак не меньше получаса. Даже упомянул, правда, вскользь, то, что, работая на заводе, наткнулся на какой-то интересный эффект и что собирался дальше его изучать. И тут вдруг вспомнил, где нахожусь, и что вообще произошло, запнулся и замолчал. Мой собеседник все время внимательно слушал, не переби-

вая. Когда я остановил свой монолог, то он тоже помолчал немного, затем негромко, так, что, находясь в каком-то метре от него, я еле слышал, произнес:

– В хреновую ты историю попал, братец. Даже не знаю, как тебе помочь.

Он еще помолчал, о чем-то размышляя. За каменным выражением лица угадывалась внутренняя борьба. Несколько раз казалось, что он порывается что-то сказать, но не решается. Неожиданно его молчание прервала резко открывшая дверь. В проеме показался тот самый кавказец, с которым встретился Упырь в холле.

– Ну что? – обратился он к Баринову, явно пытаясь скрыть нетерпение, хотя это у него очень плохо получалось.

– Пока ничего, работаем.

– Выйди-ка на минутку, – он поманил Баринова пальцем.

Как только дверь кабинета за ними захлопнулась, из коридора донеслись слова этого визитера – похоже, какого-то немаленького начальника:

– Ты что, Баринов, совсем нюх потерял? За столько времени не можешь сопляка расколоть? Тебе, по-моему, работа не нравится. Короче, даю тебе еще полчаса, и если через это время чистосердечное не будет лежать у меня на столе, то я его забираю и отдаю другим, а вот тебе это будет очень серьезный минус. Ты меня хорошо понял?

Ответ Баринова не слышал, только что-то нечленораздельное. Да, кажется, я на самом деле попал в какую-то очень

скверную историю. Кому-то очень нужно обвинить меня в убийстве собственной жены. И еще в чем-то, чего пока не знаю. Вот эта злосчастная сумка – улика. Ее мне подбросили менты. Тот, кто ее нашел, не особо долго искал, будто заранее знал, где она находилась – это бросилось в глаза еще тогда, хотя мне и было в тот момент не до того. Он точно знал, где ее искать, потому что или сам подбросил, или ему сказал, где она лежит, тот, кто это сделал. Тот, кто подложил сумку – тот и убил Машуню. Или, по меньшей мере – стал соучастником преступления.

Мне расхотелось просто так умирать.

Только в компании с убийцей.

Вошел сильно помрачневший капитан Баринов. Вот ведь поставили человека перед выбором – любой ценой выбить признание, или будут серьезные неприятности по службе. А он, похоже, уже сам не верит в мою виновность. Это его и мучает. Черт! А ведь если он откажется, меня передадут этим «орлам» и Упырю-Усачеву. Перспектива подвергнуться пыткам заставила все тело покрыться холодным потом. Нет, смерть меня по-прежнему не страшила, но умирать в муках не хотелось, тем более что теперь появилось одно дело, которое необходимо было завершить любой ценой – отомстить за жену.

Баринов сел обратно на свое место и принялся крутить пальцами авторучку. Потом вынул из ящика стола какую-то бумагу и начал заполнять. Молчание затянулось на несколь-

ко минут. Вдруг он неожиданно оторвал взгляд от бумаги, и, глядя мне прямо в глаза, очень тихо, практически шепотом, не шевеля губами, стал говорить:

– Слушай сюда. Если у тебя мозги работают, то выберешь-ся. Будь наготове, следи за обстановкой.

Затем набрал кого-то на мобильном.

– Алексей, зайди, возьми сейчас задержанного, посиди пока с ним в зале, а то меня Меликахметов вызывает.

В кабинет вошел Упырь. Усачев, значит, твоя фамилия. После слов Барина о стиле его работы с подозреваемыми я решил рассмотреть его получше. Вроде рожа как рожа, но было в ней что-то, вызывающее содрогание. Лицо типичного морального урода. Прежде, чем подать такому руку, десять раз подумал бы.

– Что, Серега? Как он? – спросил Усачев. Краем глаза уловил, что лицо Барина при таком фамильярном обращении скривилось, но Упырь, похоже, ничего не заметил.

– Все путем. Клиент практически созрел. Возьми его, в зале посидите – я минут на десять к Мелику зайду.

– Ну, что – пойдём, – Усачев попытался ухватить пальцами за рукав, но я опередил его, резко встав со стула. Реакция моя была чисто инстинктивная – мысль о том, что этот организм сейчас до меня дотронется, вызвала ужас, смешанный с омерзением.

– Эй, не понял! Куда, на? – физиономию перекосило злобой. Он все-таки схватил меня за рукав куртки у локтя, рва-

нул вниз и одновременно ударил коленом в бок. Удар был не очень сильным, но попал в нужное место: боль пронзила тело и вспышкой отозвалась в мозге. Профессионал, однако!

– Ладно, хорош здесь фигней страдать, – вмешался Баринов, – я же сказал – клиент готов. Забирай его и уводи в зал.

В холле, куда я опять вернулся, было довольно темно. Похоже, за время моего здесь отсутствия кто-то выключил половину лампочек. Расположился в том же кресле у стены и уставился в окно с надписью «Дежурная часть». За стеклом сидел уже другой сотрудник в форме с погонами старшего лейтенанта. Мой конвоир зашел к нему в помещение. Похоже, они были хорошо знакомы друг с другом, так как тут же начали о чем-то непринужденно болтать.

Такое положение сохранялось еще в течение десяти минут или чуть более. Затем сквозь стекло я услышал звонок мобильного телефона. Звонили Упырю. Телефонный разговор, в течение которого он несколько раз бросал на меня короткие взгляды, продолжался недолго. Наконец, Упырь положил трубку, еще раз посмотрел на меня и сказал что-то старшему лейтенанту за стеклом. Тот поднял глаза на меня и коротко ответил, кивнув. Затем он вышел из дежурной части и прошел через зал к двери, ведущей в коридор к кабинету Баринова. Щелкнул электрозамок, открывая дверь и выпуская его из зала. Дежурный за стеклом лениво посмотрел на меня и взял со стола газету.

Сердце забило, как перед важным экзаменом.

Как там сказал Баринов? Быть наготове? Может, он это имел в виду? Может, это мой шанс? Просто пробежать до входной двери и выскочить на улицу не представлялось возможным, так как эта дверь, как и ведущая в коридор к кабинетам, открывалась электромагнитным замком, который управлялся дежурным. Оставалось только воспользоваться какой-нибудь хитростью.

Прошло еще пять минут. Я уже начал опасаться возвращения Усачева. Тогда шансы на спасение устремились бы к нулю. Вдруг дежурный взял со стола телефонную трубку и, набрав номер, сказал кому-то на другом конце провода пару слов. Через полминуты открылась третья дверь в зал. Молодой человек в штатском напрямик прошел в помещение за стеклом. Старший лейтенант, сидевший там, тут же встал и покинул дежурную часть, скрывшись за той же дверью, из которой только что вошел сменивший его молодой человек.

Вот это и есть тот самый момент, о котором намекал Баринов. Больше шанса не будет. Я принял как можно более расслабленную позу: закинул ногу на ногу, скрестил пальцы на животе и стал разглядывать потолок. Поза и равнодушное выражение лица разительно отличались от того, что было у меня внутри. Сердце уже не билось, а прыгало. Зубы отбивали неравномерную дробь.

Посидев так с минуту, встал, как можно непринужденнее подошел к окну дежурного и обратился к сидящему там.

– Можно выйти покурить? – я кивнул на дверь на улицу.

Говорить старался спокойно, но давалось это с большим трудом. Человек в штатском лениво поглядел сквозь меня и нажал кнопку. Щелкнул замок. Я толкнул дверь и оказался на свободе.

Не веря до конца своей удаче и словно боясь ее спугнуть, несколько секунд постоял на крыльце, а затем не спеша направился к открытым воротам в решетчатом заборе. Так и подмывало припустить во весь дух прочь отсюда, но приходилось сдерживаться, чтобы не вызвать ни у кого подозрений.

Вот и ворота.

Только собрался перейти на бег, как к воротам из-за угла свернул какой-то автомобиль. Нарочито медленно проследовал мимо этой машины, водитель которой будто специально, пока ехал навстречу, слепил меня фарами, а, поравнявшись – притормозил. Не дай бог, спрашивать сейчас чего станет. Нет, повезло – машина проехала дальше по направлению к зданию милиции. До спасительного угла забора, за которым из окон милиции меня уже не будет видно, осталось каких-то десять метров. Пять. Вот оно – спасение. Зайдя за угол, я побежал так, как не бегал с институтских времен. Тогда на соревнованиях мне иногда удавалось показывать весьма неплохие результаты.

Не обнаружив за собой погони, решил сделать небольшую хитрость на тот случай, если кто-то вдруг увидел, как я завернул за угол забора. Для этого обогнул торец длинного до-

ма и побежал в обратном направлении. Не чувствуя усталости, бежал и бежал темными сырыми дворами, лишь изредка пересекая улицы. Я пробежал километра три, дыхание сбилось, спина вспотела. Решил, что погони уже не будет. Наверняка они подумали, что я ломанусь к метро, и, если и ищут, то, скорее всего, там. Да и не рассчитывают они на такую скорость передвижения. Дальше бежать нет никакого смысла. Сейчас лучше всего было бы зайти в подъезд какого-нибудь дома и переночевать там. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что все подъезды в Москве оборудованы домофонами и кодовыми замками. Единственный вариант – караулить у дверей, пока кто-нибудь не войдет или не выйдет. Обойдя несколько домов, выбрал, как мне показалось, лучший. Во-первых, высота в шестнадцать или семнадцать этажей означала большое количество квартир в подъезде, а, следовательно, повышенную вероятность входа-выхода людей. Во-вторых, насколько я был знаком с планировкой этого типа домов, лестница там отделена от лифтовых площадок. Это значит, что смогу там спокойно перекантоваться хоть несколько дней, и меня никто не потревожит.

Мне еще раз улыбнулась сегодня удача: только присел на скамейку у дверей подъезда, как сзади раздалось приближающееся цоканье каблучков. По мере приближения темп шагов стал снижаться. Черт! Этого еще не хватало! Похоже, со стороны я очень смахиваю на грабителя или насильника. Наконец обладательница каблучков решилась зайти в подъезд.

Прошмыгнула мимо и, не бросив даже мимолетный взгляд в мою сторону, нервным движением приложила магнитный ключ к замку. Не дожидаясь, пока дверь за ней захлопнется, оставив меня на улице, я вскочил с места и попридержал ее рукой. Подождал так некоторое время, надеясь, что вошедшая передо мной девушка успеет уехать на лифте, наконец, решительно открыл и вошел в подъезд. На этот раз мне не повезло – девушка стояла и ждала лифт. При моем появлении на ее лице возникло выражение такого ужаса, что я и сам не на шутку испугался. Не дай бог, закричит еще с перепугу, а в моем положении не стоит привлекать внимание. Поспешил улыбнуться ей как можно приветливей, и не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Я по лестнице, – и тут же побежал наверх.

Остановился на последнем этаже. Сколько же их, интересно, в этом доме? Шестнадцать? Семнадцать? Впрочем, неважно. Сев на ступени перед дверью, ведущей на чердак, прислонился плечом к стене и закрыл глаза, с трудом переводя дыхание. Только теперь я понял, насколько устал. Некоторое время был способен лишь на то, чтобы сидеть вот так с закрытыми глазами, ни о чем не думая и только радуясь вдруг дарованной мне передышке. Постепенно усталость начала отступать. В голове вспыхивали сцены из пережитого дня, яркие, но пока бессвязные. И вдруг, как молнией: нет больше Машуни, они убили ее.

Желание мести заслоняло собой все остальное. Жалость

к Машуне отступила на второй план, так же, как и страх перед ментами-гестаповцами типа этого Усачева. Собственными руками растерзать выроdkов. Кто именно совершил убийство, и зачем – эту головоломку теперь предстояло распутать.

Стоп! Вот этот странный вызов из милиции на место, где вчера похитили девчонку. Получается, что они таким образом задержали меня, а в это время убили мою жену. Я там проторчал почти час, и на это время у меня не было никакого алиби. Судя по всему, на то и рассчитывалось. И если предположить, что звонок действительно имел только эту цель, то налицо жесткая связь между этими двумя преступлениями – убийством и похищением. Значит, это могли быть только менты из нашего отделения или из того, куда я приезжал писать заявление о похищении.

Эта догадка вызвала острый приступ ненависти сразу ко всем без разбору представителям органов. Какую же фамилию назвал тот, который назначал мне встречу на месте, где похитили девчонку? А, впрочем, неважно. Он мог назваться хоть Путиным. Ведь наверняка назвал первое, что пришло в голову. В связи между гибелью Машуни и этим похищением у меня не осталось уже абсолютно никаких сомнений. А как иначе объяснить то, что у нас в квартире «случайно» обнаружилась эта женская сумка. Скорее всего, она принадлежала похищенной девушке.

Неожиданно мелькнул какой-то неопределенный образ,

не до конца оформившаяся мысль. Пакет! У Баринова проскочила фраза про пакет, который мне наденут на голову, если передадут Усачеву. Странное совпадение – Машуню ведь убили, задушив пакетом. А Усачев – это тот самый молодой человек мерзкой наружности, который упустил меня в милиции. Интересно все-таки: то, что мне удалось сбежать – это случайность или специально подстроено капитаном Бариновым? И вообще, у меня создалось впечатление, что Баринов обладает какой-то информацией. Не случайно же мне все время казалось, что тот хочет мне что-то сказать, но не решается. Мелькнула шальная мысль подкараулить его и подробно расспросить. Нет, не стоит. Может, он вовсе и не подстраивал моего побега, а тогда просто возьмет, да арестует и передаст этому Упырю. Жуткая каша воспоминаний о пережитом за последние сутки и довлеющее желание мести не давали сосредоточиться и провести логический анализ фактов. Но в том, что и в похищении, и в убийстве так или иначе замешан Усачев, сомнений уже не осталось.

Значит, по крайней мере, один кандидат на исполнение приговора мести уже имеется. Осталось придумать подходящий способ. Первым желанием было обвязаться взрывчаткой, встретить этого выродка прямо в милиции и рвануть.

Собственная жизнь после смерти жены уже не представляла для меня ценности. Горе было слишком близко и давило со всей тяжестью.

Получив определенную задачу, мозг начал работу. Самым

простым в этом деле было бы изготовить взрывчатку. Для того, у кого в школе любимым предметом была химия, и кто закончил с отличием престижный химический вуз, сделать пару килограммов взрывчатого вещества из того, что продается в хозяйственном магазине, являлось задачей детсадовского уровня.

Я не заметил, как за всеми этими размышлениями прошло никак не менее двух часов. Точное время узнать не было возможности, но из-за того, что лифт перестал ездить туда-сюда, а машины на улице практически исчезли, заключил, что сейчас должна быть уже глубокая ночь. Подступило чувство голода, что неудивительно, так как последний раз я ел еще днем в машине. Можно было бы попробовать поискать ночной магазин, но деньги, как, впрочем, и документы и все остальное отобрали в милиции. Тут вспомнил про тайник, который устроил в машине на случай потери ключа. Достаточно было просто нагнуться и пошарить рукой снизу в моторном отсеке – и можно будет достать ключ и открыть машину. А уж в салоне, во-первых, лежит небольшая заначка из сторублевых и пятисоток, приготовленная на сдачу клиентам и ключ от квартиры, где есть и продукты, и деньги.

Нет, в квартиру сейчас нельзя – можно не сомневаться, что меня там ждут. Может, попозже, через неделю-другую, когда все уляжется.

Представил нашу маленькую, но такую уютную квартирку, и пронзительная мысль о том, что больше никогда не бу-

дет наших разговоров с Машуней, звуков и запахов, доносящихся из кухни, теплого сонного чувства родного человека рядом... Защищало в носу. Захотелось по-детски свернуться прямо здесь на лестнице и заплакать. Похожее чувство я испытал пару лет назад, когда умерла моя мама, но сейчас положение усугублялось ощущением жуткого одиночества и несправедливости.

Тем временем голод усиливался. Вопрос питания надо было как-то решать. В голову приходили только два решения. Первое – рискнуть пробраться в машину и вытащить оттуда мою заначку. Денег в ней хватит на неделю или больше, если, разумеется, найти бесплатное место для ночлега. Риск, конечно, большой. Но в то же время, если мои преследователи дежурят в квартире, то из окон машину видно плохо и есть шанс остаться незамеченным. А если сидят где-то в засаде поблизости, то, если буду действовать осторожно, сумею их обнаружить.

Еще вариант – зайти к отцу.

Мысль эта вызывала двойственные ощущения – с одной стороны, я, несмотря ни на что, продолжал испытывать к нему сыновние чувства, хотя наши отношения никогда не ладились. В то же время не мог забыть того, как он поступил со мной после смерти мамы. Ведь не прошло и месяца с момента, как моя мама, с которой он прожил тридцать лет, слегла и через считанные дни умерла в больнице, а он уже привел в дом какую-то тетку. Но это, по большому счету, можно счи-

тать личным делом. Хуже всего было резкое изменение его отношения ко мне, и до того-то не слишком-то родственного. При каждой встрече приходилось слышать оскорбления в свой адрес и обвинения в том, что я будто бы только и думаю, как бы прибрать к рукам квартиру, а его самого выгнать на улицу. И хотя время от времени я звонил ему, чтобы узнать, как дела, сейчас вероятность в очередной раз услышать отцовский голос стала для меня настоящей пыткой. Вот уж воистину прав был классик, утверждая, что москвичей испортил квартирный вопрос. Хотя для того, чтобы увидеть – чьи здесь торчат уши, не было необходимости особо всматриваться. Насколько я понял, у нынешней отцовской пассии подрастал бездельник-сынок, и ей очень хотелось сделать кровиночке неплохой подарок. Я воспринимался этой теткой как конкурент на имущество, принадлежащее ей, по ее мнению, по праву.

Можно было бы попробовать зайти к моему родителю без звонка, объяснить ситуацию, но не было уверенности в том, что меня не вытолкают взащей. А может быть еще хуже – тетка поймет, что ей подвернулся идеальный способ избавиться от конкурента, и потихоньку вызовет милицию.

Другие способы добыть хоть немного денег на еду в голову не шли. После недолгого раздумья решил пойти по первому варианту – залезть в свою машину. Туда банально было ближе идти пешком, ну и, к тому же, всегда оставалась вероятность того, что мои враги догадаются устроить засаду у отца.

Очень не хотелось покидать уютное местечко, но выхода не было – незаметно залезть в машину можно было только в темноте, а ждать до вечера следующего дня без еды и питья было весьма проблематично. Сразу встать и пойти не было никаких сил. Прикинув, что пешком до дома идти около часа, а до рассвета – не меньше четырех, решил часок подремать. Нервное напряжение, жесткий и холодный бетон ступенек да голод выгнали меня на улицу раньше, чем намечал.

Шел дворами, стараясь не выходить на магистрали. Если не считать того, что пару раз приходилось шарахаться от автомобильных фар, добрался без приключений. Вот он – мой дом. До вчерашнего дня его вид вызывал теплые чувства, хоть и являлся он временным жильем. Теперь же что-то в его облике показалось зловещим. Если бы сейчас из окон выглянуло привидение, то меня бы это ничуть не удивило. «Девятка» моя стояла на том же месте, где ее оставил – метрах в пятидесяти от подъезда. Для того, чтобы ее увидеть, возможному наблюдателю из нашей квартиры пришлось бы почти высунуться из окна. Я присел в кустах напротив дома и стал наблюдать за окнами квартиры. Ничего подозрительного. Оставалась вероятность того, что засада может укрываться в каком-нибудь автомобиле, стоящем около дома.

Я осмотрелся.

Вроде все машины вокруг местные. И уже приготовился подойти к своей, как вдруг заметил напротив соседнего подъезда автомобиль, который до этого никогда здесь не ви-

дел. Какая-то темная «шестерка» с затемненными стеклами. Происходящее в салоне этой машины разобрать было совершенно невозможно. Но позиция у тех, кто мог находиться внутри, была абсолютно выигрышной. В поле их зрения попадали как входная дверь подъезда, так и обе боковые стороны моей машины. Может, мои опасения напрасны, и кто-то из соседнего двора не нашел у себя место, или в гости к кому приехал? Минут десять или около того я сидел в кустах, наблюдая за этой шестеркой. Ничего подозрительного. И когда уже решил, что подозрения мои не имеют под собой оснований, и собрался покинуть свое укрытие, вдруг за темными стеклами что-то блеснуло. Какой-то желтый огонек загорелся на пару секунд и погас. Там явно прикуривали сигарету. Значит, внутри кто-то есть. А зачем сидеть ночью в машине, кроме как не по мою душу? Холодный пот прошиб, добавив влаги и без того промокшей от дождя спине. Черт! Ведь еще несколько секунд – и я был бы схвачен.

Первым желанием было отказаться от выполнения задачи и ретироваться. Спустя некоторое время, поразмыслив, решил все-таки рискнуть. Наблюдателям были видны бока моей «девятки», но через заднюю дверь, если не поднимать ее до конца, можно было бы попытаться проникнуть в салон. Самым опасным в этой операции было достать ключ из моторного отсека.

Приняв решение, я лег на землю и ползком начал пробираться к своей машине. Господи, как же мне «повезло» с по-

годой. Пока полз по траве – было еще терпимо, хотя и чересчур сыро, но на пути оказался участок голой глины, обогнуть который было нереально. Так и пришлось, чертыхаясь про себя, ползти по уши в грязи. Интересно – на кого буду похож, когда закончу это дело? Хотя надо еще суметь это дело успешно завершить, а на кого буду похож – сейчас не так важно.

Вот, наконец, ладонь ухватилась за край бордюра. Еще несколько движений – и удалось втиснуться в пространство между передом моей машины и задом следующей. Пошарив рукой по защите картера, нащупал ключ. Огибать «девятку» пришлось тоже ползком, но я решил проделать этот путь не по грязи, а по асфальту. Пока полз эти четыре метра, больше всего опасался услышать звук открывающейся двери той шестерки, но обошлось. Осторожно приоткрыл заднюю дверь. Со стороны машины с вероятными наблюдателями никаких телодвижений не замечалось. Хорошо, что сигнализация последние две недели была отключена, так как начала барахлить, а то сейчас была бы серьезная проблема. Подложив под дверь, чтобы не захлопнулась до конца, вовремя попавшийся под руку молоток, ужом протиснулся внутрь.

Забравшись в салон, первым делом лег на заднее сиденье, закрыл глаза и несколько минут провел в таком положении, переводя дух. Машина сейчас воспринималась как кусочек родного пространства, хоть небольшой, зато свой. Но, как ни жаль, покинуть это пространство нужно было как можно

быстрее.

Вот она – заначка. Пересчитал деньги – три пятисотки и десять сотенных бумажек. Если экономить и тратить только на еду, то может хватить на пару недель. А там – как сложится. Никаких планов на более длительный период я не строил. Взял ключи от квартиры, фонарик и складной перочинный нож. Больше решил ничего не брать. Если что-то еще понадобится, то потом можно будет повторить этот трюк. Уже собираясь покинуть машину, вспомнил, что техталон и права тоже в салоне, под сиденьем – несколько дней назад оставил их там, да так и забывал каждый раз забрать. Весьма кстати. Их тоже взял.

Обратно ползти решил не по грязи, а по асфальту вдоль бордюра, хотя такой путь был длиннее. Настроение было приподнятым – как-никак, удалось удачно провернуть такую рискованную операцию. Еще пять метров по-пластунски – и вот он – спасительный угол здания трансформаторной будки, за которой можно будет спокойно подняться на ноги и отойти на безопасное расстояние.

Отдалившись где-то на километр, решил остановиться. Заметил лавочку у подъезда и направился туда. Уселся под свет и стал себя рассматривать. Какой ужас! Цвет куртки и джинсов вообще не определялся, потому что все стало бурым от впитавшейся грязи. В таком виде не то что по улицам расхаживать – ни в один подъезд не пустят. Увидят наши добрые и отзывчивые граждане, что такой бомж пробрался в

дом, и моментально милицию вызовут. Хотя их тоже можно понять. Мало кому охота видеть в своем доме всякое дерьмо от подобного рода постояльцев.

Казалось бы, простейшая задача – постирать одежду показалась невыполнимой. Настолько, что даже вызвало ступор и краткий приступ депрессии. Были бы у меня друзья – пошел бы к кому-нибудь из них. Но ни с бывшими одноклассниками, ни с сокурсниками из института отношений я не поддерживал. Да, собственно, самые лучшие – те, с кем стоило бы дружить, уже уехали за кордон. А о чем я мог бы говорить с остальными? О футболе, машинах? Или о бабах?

После нескольких секунд паники пришла, наконец, идея. Где-то краем уха я слышал, что существуют такие прачечные, в которых люди стирают все сами за небольшие деньги. При слове «прачечная» в голове возник образ двухэтажного кирпичного здания с соответствующей надписью сверху. Вроде бы это где-то недалеко. Еще некоторое время судорожных попыток вспомнить – где же конкретно мог видеть это здание, и вдруг – озарение. Ну да, это же совсем рядом, где-то с пару километров. Всего каких-то двадцать минут ходьбы.

И километры, и минуты дались мне с большим трудом. Холодный порывистый ветер насквозь продувал промокшую от дождя и грязи одежду. Усталость гириями повисла на ногах. Сколько же я прошел за сегодня? Подсчеты помогали отвлечься и скоротать путь. По моим прикидкам выходило,

что с момента, как удалось сбежать из милиции, пешком и бегом я преодолел уж никак не менее пятнадцати километров. Причем, половину этой дистанции – под дождем, плюс еще и ползание по грязи. Если после всех этих подвигов не заболелю, то смогу считаться настоящим героем. Но в такое счастье уже не верилось. На мгновение идея подхватить воспаление легких и отдать концы показалась очень эффективным способом избавиться от всех проблем. Разочаровывало в данном исходе лишь то, что не получилось бы никого взять с собой за компанию. А очень хотелось. Мысль о том, что уроды, убившие мою Машуню, останутся безнаказанными, вызвала приступ жуткой, до темноты в глазах, ярости.

Нет, сейчас умирать никак нельзя.

За раздумьями не заметил, как подошел к зданию с надписью «прачечная-химчистка». Ну вот: память не обманула меня. Подойдя к дверям, прочел часы работы. Круглосуточно. Это удача. Толкнул дверь – заперта. На тот случай, если дежурный персонал просто дремлет, запершись, решил подергать дверь и постучать. Через пару минут моих усилий сквозь стекло дверей показалось сонное помятое женское лицо.

– Чего надо? – да, уж. Приветливо здесь встречают клиентов.

– Здравствуйте! – начал я, и так ничего не услышав в ответ, сообщил, что хотел бы постирать вещи.

Женщина за стеклянной дверью, как мне показалось, критически осмотрела меня. Сейчас, когда глаза привыкли к

неяркому свету, бившему из-за ее спины, удалось, наконец, ее рассмотреть. Лет пятьдесят-пятьдесят пять, довольно полная, в голубом халате.

– А чего так поздно? – до меня дошло, что я не догадался заготовить легенду. Придется сочинять на ходу.

– Извините, что я в таком виде. Жена из дома выгнала, по дороге поскользнулся и в грязь упал. Вот такая история.

Во взгляде тетки сверкнуло презрение.

– А ну-ка, пошел отсюда! Пьянь вонючая! Давай-давай, проваливай, а то сейчас быстро ментовку вызову.

От обиды я был готов вцепиться ей в горло. Этот жалкий огрызок человеческого общества без образования и культуры имеет наглость так обращаться со мной. Похоже, тетку мучает комплекс неполноценности, и каждый выпавший шанс унижить более слабого она использует на полную катушку. Захотелось ей ответить, но не сумел от растерянности подобрать слов. Просто молча развернулся и двинулся прочь.

Появились машины и прохожие. Было прохладно. Тело ничего не чувствовало, но люди, идущие навстречу, ежились от осенней мороси и октябрьского ветра. Скоро начнет светать. Если срочно не придумать выход из этой ситуации, то будет беда. И тут взгляд наткнулся на нишу с торца длинного девятиэтажного дома. Вниз, к двери вели ступеньки. Это же вход в подвал! А там тепло и тихо. Если повезет, то можно будет перекантоваться несколько дней. Осторожно спустил-

ся по темной лестнице вниз. Резко ударивший в нос запах предупредил об опасности наступить в кучу дерьма. Этой радости только не хватает! На двери висел замок. Это вызвало разочарование, но ненадолго. Приглядевшись, понял, что его довольно легко сорвать, если найти какой-нибудь металлический стержень. Поднялся наверх и обошел дом в поисках помойки. Так и есть – среди баков с мусором одиноко торчал старый ободранный торшер. Его стальная трубчатая стойка представляла собой как раз именно то, что мне нужно. Прямо на месте отломал абажур и подставку. Ну что ж, приятель, извини, что так получилось – служил ты своим хозяевам верой и правдой, послужишь теперь мне.

Стальной стержень стойки точно зашел под дужку замка. Одно движение – и замок полетел на землю. Я открыл дверь. Оттуда дыхнуло теплом и сыростью. Зашел вовнутрь и закрыл за собой дверь, потом подумал, открыл и подобрал с земли замок и стойку торшера.

Все. За закрытой дверью подвала почувствовал себя в относительной безопасности. Даже крошечная тьма, царившая здесь, играла на руку. По крайней мере, если кто войдет в подвал, то сразу не обнаружит мое присутствие. Достал из кармана взятый из машины фонарик. Надо же – как чувствовал, что пригодится. Яркий бело-голубой луч прорезал темноту и уперся в переплетение толстых труб, смахивающих сейчас на сказочных змеев. Одна обмазана каким-то составом, видимо, теплоизоляцией. Значит, должна быть теплой.

Точно. Рука почувствовала исходящее от поверхности приятное тепло. Захотелось лечь на эту трубу, обнять ее и лежать так до конца времен. Решил, что разумнее будет раздеться и разложить на ней одежду для просушки. Раздеться пришлось догола, так как мокрым было все, включая трусы и майку.

Мелькнула мысль, что если кто-то, не дай Бог, войдет сейчас сюда, то застанет меня в таком виде. Вернулся к выходу и посветил на дверь фонариком. Стальная трубка от торшера точно входила в ручку двери, упираясь при этом в стену. В случае, если давить станут сильно, то не спасет, но, по крайней мере, это даст несколько секунд, которыми я смогу эффективно воспользоваться для того, чтобы забиться куда-нибудь в дальний угол. Мелькнула мысль испортить освещение, показавшаяся дельной. Посветил на стену около двери. Так и есть. Вот он – выключатель. Пару минут покопался ножом, вскрыл его, оторвал один проводок от контакта и поставил крышку опять на место. Ну вот. Теперь, кто бы ни пришел – быстро меня здесь не найдут.

Хотелось пройти на разведку вглубь подвала, который мог тянуться метров на двести – в соответствии с длиной дома. Луч фонарика упирался в перегородку, сложенную из блоков, но в ней чернел проход, ведущий в соседнее отделение. В конце концов, отходить от одежды я посчитал неразумным. Ладно, через два, максимум, три часа высохнет – тогда можно будет сходить. Сейчас решил хорошенько осмотреть

ближайшие окрестности. Удача! У стены за трубами заметил стопку листов пенопласта. Разложил их на полу и развалился в полный рост. Вот оно – счастье. Голый, в подвале на полу, но в тепле и относительной безопасности. Сначала лежал, свернувшись калачиком, и пытался вспомнить все, даже, на первый взгляд, малозначительные подробности, сложить из них логически стройную систему. Но мысли путались, перепрыгивая с одного на другое, как мультяшные зайцы. Чувство голода пропало. Осталось только всепоглощающее желание спать.

5

Пробуждение было резким, без переходов. Первое мгновение не мог понять – где нахожусь. Затем вспомнилось все. Опять навалилась жуткая тоска, перекрывающая все остальное, даже мысли о возможных путях выхода из этой, мягко говоря, сложной ситуации. Потрогал одежду – все высохло. Сколько же времени я проспал? Сквозь малюсенькие окошечки в стенах пробивался свет с улицы. По крайней мере, сейчас от девяти утра до пяти вечера. Точнее определить не представлялось возможным. Вслед за мной проснулось и чувство голода, скрутив живот спазмом. Похоже, придется покинуть мое убежище в поисках пропитания, чего делать сейчас очень не хотелось – настораживала близость к нашему отделению милиции. Может, удастся дотерпеть до темно-

ты. Для начала решил заняться чисткой одежды.

Грязь превратилась в твердую корку, легко отскакивающую кусками. Я принялся усиленно тереть одежду руками. После довольно продолжительной работы твердых участков больше не прощупывалось. Осветил фонариком джинсы и куртку. Джинсы, в принципе, уже можно было надевать, но куртку следовало бы еще протереть мокрой тряпкой. Натянул джинсы, перед этим несколько раз энергично их встряхнув. Еще раз, критически осмотрев куртку, решил порыскать по подвалу в поисках чего-нибудь, чем можно ее окончательно очистить.

В следующей же секции удалось обнаружить отходящий от толстой трубы вентиль. Попробовал его повернуть – маховик подался, раздалось шипение, и из изогнутого конца засочилась вода. Теперь осталось найти тряпку. Еще десять минут поисков – и искомое найдено. пожалел в свое время купить налобный фонарик, а теперь приходится мучиться. Во рту держать фонарь так, как это показывают в голливудских фильмах, не хотелось, а куртку в процессе очистки приходилось придерживать второй рукой. Так или иначе, но с задачей справился. Посветил на одежду, критически все осмотрел – вроде, все нормально, можно выходить.

На улице недолгий осенний пасмурный день подходил к концу. Дождя не было, что уже радовало. Решил не испытывать судьбу, гуляя по району, где в любой момент мог встретить кого-нибудь из моих врагов. Поэтому пошел в ближай-

ший супермаркет. Буханка черного хлеба, кусок сыра, пакет кефира – все, что надо человеку для получения необходимых для функционирования жиров, белков и углеводов. Была бы газовая или керосиновая плитка – купил бы еще яйца. На такой диете можно очень долгое время сидеть безо всякого вреда для здоровья, затрачивая на питание всего пятьдесят рублей в день. Проходя к кассе, заметил маленькие свечки в металлических поддончиках по смешной цене. Решил взять один пакет, где их было с полсотни штук. Обратный путь к моему пристанищу обошелся без приключений.

Насчет свечек идея оказалась весьма продуктивной. Огонек хоть и тусклый, зато руки свободны и батарейки не тратятся. Ужин при свечах даже в сыром грязном подвале все равно имеет налет романтичности. Живое пламя гипнотизирует, заставляя смотреть на себя, не отрываясь. В завораживающем действии огня на человека есть, наверное, что-то от первобытных пещерных времен. Ну, вот и закончена моя первая за сутки трапеза. Набитый желудок потянул в сон, как камень ко дну. В самой дальней от входа секции с помощью нескольких сложенных картонных коробок устроил себе уютное спальное место. Ну, вот – теперь условия просто райские. Так можно хоть несколько лет жить. Интересно, подумал я, устраиваясь на своей импровизированной постели, почему в этом подвале нет ни бомжей, ни гастарбайтеров? Может, их гоняют отсюда? Тогда и меня тоже погонят. Ну, да ладно – что будет – то будет, а жить надо сейчас.

Лежа с закрытыми глазами я уже в который раз начал перебирать в уме все факты, пытаясь выстроить из них стройную логическую цепочку.

Итак, по порядку.

Звонок со стороны этого, якобы сотрудника милиции, судя по всему, имел целью задержать меня, а, заодно, лишить алиби.

Звонивший был в курсе того, что я стал свидетелем похищения девушки, значит, он или сам сотрудник, или тесно связан с милицией.

Во всей этой цепочке ключевое звено – сумка, которую подбросили в нашу квартиру. Она – улика какого-то преступления.

А подбросил тот, кто убил Машуню.

Возможно, хотели просто отвлечь меня и в это время подложить вещдок, а тут моя несчастная жена оказалась у них поперек дороги. Но в чем меня хотели обвинить? И почему именно меня? Вон сколько кандидатов по улицам ходит – хватай любого бомжа и делай с ним, что хочешь. Тем более что Баринов раскрыл мне глаза на методы работы следователей с подозреваемыми.

Может, это как-то связано с моими исследованиями?

Но я же никому ничего не говорил. Кроме Машуни.

Может, она кому-нибудь проболталась? Представил на миг ситуацию, как она рассказывает об этом одной из своих подруг. И тут же понял, что подобный вариант исключен.

У нее просто не было никого, кому она могла бы доверить такой секрет. Мы оба настолько много надежд возлагали на успех моих исследований, что она не сказала бы никому ни слова просто из боязни сглазить. Так и подружки у нее остались только на работе. Хотя, подружки – это громко сказано, так, приятельницы. Она мало с ними общалась, и все больше на темы, касающиеся этой самой работы. Насколько знаю, пару раз к нам в гости напрашивалась одна из ее сокурсниц, когда-то жившая с ней в одной комнате в студенческом общежитии, но Машуня каждый раз ее отшивала. Очень подозреваю, что причиной такого отношения к подругам была боязнь допускать их до меня.

Сцены из нашей счастливой совместной жизни, проплывшие перед глазами, отвлекли от логических размышлений и вызвали сначала смертельную тоску, а затем не менее сильную жажду мести. Усилием воли вернулся к своему расследованию. Нет. Мои исследования тут совершенно ни при чем. Но кому и в чем я мог помешать настолько сильно, что пришлось разрабатывать целую операцию, задействовать кучу людей. Причем, людей приличного статуса. Этот, Мелик, или как там назвал его Баринов, судя по важному виду и тону – большой начальник. Сидел в соседнем кабинете и ждал, когда Баринов меня расколлет. Отчего вдруг такой интерес к моей скромной персоне?

И тут меня осенило. Ведь я уже начал было составлять логическую цепочку, но простой вывод только сейчас пришел

в голову. Тот, кто мне звонил и назначал встречу, больше ничего про меня не знал, кроме того, что я был свидетелем похищения. Иначе он, скорее всего, придумал бы какой-нибудь другой повод. Значит, единственной причиной их визита в квартиру и убийства Машуни было именно это! То, что я стал свидетелем похищения! И неизвестная мне сумочка, по-видимому, принадлежала той девушке с остановки. Значит, за то, что я стал свидетелем, меня хотят сделать обвиняемым. Ну, видимо, такой уж стиль работы у нашей доблестной милиции: кто первый увидел – тот и виноват. И теперь еще убийство собственной жены припишут до кучи. А, может, еще парочку нераскрытых дел.

Хотя, стоп! Ну, предположим, под пытками подпишу признательные показания. Но ведь я же должен буду показать – куда дел девчонку. А, впрочем, могут придумать страшную историю про то, как я сжег ее в печке, а пепел развеял по ветру. Кажется, нечто подобное уже приходилось слышать. Но возможен и другой вариант – они прекрасно знают, где находится труп похищенной девушки. Может, они ее уже нашли и теперь не хотят иметь «висяк». Ну, да. Конечно, труп найден. Иначе – откуда сумочка?

Значит, мы сейчас можем сделать такие предположения. Найдено тело девчонки, и тут оказывается, что был свидетель, который видел процесс похищения и похитителей. Искать настоящих преступников – головная боль, гораздо проще подбросить свидетелю неопровержимые улики и под пыт-

ками заставить признаться в похищении и убийстве. В таком случае, показания этого свидетеля автоматически становятся ложными. Мол, пытался таким способом отвести от себя подозрения. И ведь кандидатура моя на эту роль довольно удачная – товарищ нигде не работает, занимается нелегальным извозом, значит, по определению – темный антиобщественный элемент.

Теория получилась довольно стройная. По крайней мере, никаких противоречий не видно. Только вот пошло у них не по плану – у меня дома наткнулись на Машуню. Да еще и я сбежал.

Эти гады должны получить за все по полной программе.

И я занялся единственным делом, способным доставить сейчас положительные эмоции – принялся рисовать в своем воображении красочные картины того, как, наконец, справедливость торжествует, а убийцы моей Машуни получают заслуженную кару.

Вопрос о способе мести даже не ставился. Конечно, если бы за моей спиной стояла серьезная организация, ну или на худой конец пара-тройка друзей-спецназовцев, то я бы, наверное, попытался поймать где-нибудь этого Усачева да допросить его как следует. Его же методами. Но нет у меня, к несчастью, ни того ни другого. Даже в армии я не служил. Зато есть прекрасное образование. И для профессионального химика, еще в школе частенько подменявшего учителя на уроке, способ был однозначным – ну, разумеется, бомба, как

я и представлял себе в самом начале. Я бы ее сделал даже из воздуха. И это вовсе не фигура речи. На самом деле из воздуха можно сделать очень мощную взрывчатую смесь. Засада в том, что для этого необходимо специальное оборудование для сжижения воздуха и выделения из него кислорода, да и в использовании такая взрывчатка не так удобна – по мере испарения жидкого кислорода приходит в негодность.

Самый простой вариант с точки зрения самого процесса приготовления, да и приобретения компонентов – это смесь аммиачной селитры с соляной и алюминиевой пудрой. Энергия взрыва такой смеси примерно, как у тротила, детонирует довольно легко. Намного сложнее другая задача: доставить бомбу по назначению. Здесь уже пришлось бы поворочать извилинами.

Еще вчера, не раздумывая, подорвал бы себя прямо в логове этих оборотней в погонах. Но с обязательным условием – забрать с собой Усачева. Сейчас же задумался о том, чтобы попробовать минимизировать ущерб, например, все осуществить ночью, когда в отделении будет поменьше народу. Главное – подловить момент, когда Упырь совершенно точно будет внутри. Чтобы все здание сложилось, как карточный домик, достаточно будет килограммов двадцать в тротиловом эквиваленте, если рвануть их в нужном месте. Пронести на себе такое количество взрывчатки возможно. Проблема в другом. По прошествии суток жажда мести, хотя и не убавилась, но умирать таким способом уже расхотелось.

Нет, мысли о собственной смерти совершенно не пугали. Не хотелось лишь мириться с бессмысленностью всех предыдущих лет моего существования.

Неужели я вот так просто исчезну без следа и пользы? И про этот открытый мною эффект так никто и не узнает, и человечество не будет осчастливлено новым источником энергии? Нет, я твердо решил довести эту тему до конца. И совсем не для того, чтобы получить известность или богатство. С высоты пережитых событий эти цели, за которые бьются обыватели, готовые идти ради их достижения на любые преступления, мне уже казались ничтожными. Я не могу сказать, что больше мною двигало – простое любопытство или желание осчастливить человечество, но завершить исследования стало уже идеей фикс.

Таким образом, самоподрыв отменялся. Но доставить другим способом в здание пару десятков кило взрывчатки представлялось практически неосуществимым делом. То, что можно забросить рукой в окно, ограничивается одним-двумя килограммами. Ну, можно сделать небольшую ракету. Все равно это два-три, ну, максимум, четыре килограмма.

И тут вдруг в памяти блеснуло воспоминание из детства, вместе с которым в голову пришла спасительная идея. Как и почти все те, кто осознанно связывает свою дальнейшую судьбу с химией, в детстве я злоупотреблял занятиями пиротехникой. Грубо говоря, мастерил и взрывал разные бомбоч-

ки. Просто чудо, что у меня сохранились оба глаза и десять пальцев на двух руках, так как были моменты, когда легко мог лишиться не только упомянутых частей тела, но и головы.

Одно время я увлекался тем, что называют иногда боеприпасами объемного взрыва, а в обиходе – вакуумными бомбами. Принцип действия этих боеприпасов прост – в каком-либо объеме распыляется горючее вещество и поджигается. Если взрыв происходит в помещении, то ударная волна легко сносит железобетонные перегородки и перекрытия. А после волны сжатия идет волна разряжения, которая сплющивает здание, как картонную коробку. Я экспериментировал со многими горючими веществами. Здесь важно, чтобы была высокая скорость распространения ударной волны, и широкий интервал концентраций воспламенения смеси вещества с воздухом. В военном деле обычно применяют окись этилена. Но это вещество, хоть и недорого и широко используется в химическом синтезе, не продается в магазинах. У меня самые лучшие результаты получались с медицинским эфиром. И тогда же возникла идея растворить в эфире на сильном холоде газ ацетилен и использовать такой раствор. При комнатной температуре сосуд с этой «адской газировкой» будет находиться под давлением. Если быстро разрушить сосуд, например, с помощью взрыва внутри него порохового патрона, состав начнет сам распыляться в воздухе. Пределы взрывоопасных концентраций, что у эфира, что у ацетилена очень

широкие. При воспламенении ацетилен не просто загорится, а еще будет разлагаться со взрывом, так как его молекула очень неустойчива. В результате, по моим расчетам эта система должна была дать энергию взрыва почти в два раза большую, чем стандартно используемая окись этилена. В закрытом помещении такой килограммовый заряд дал бы эффект, аналогичный ведру тротила. А уж найти метод забросить пару килограммов на несколько десятков метров не является неразрешимой задачей. Тогда, пятнадцать лет назад, испытать в действии эту идею не получилось. А вот сейчас как раз возник очень удобный повод.

Все эти мысли улучшили настроение. По крайней мере, появилась, наконец, цель, ради которой стоило еще пожить. За этими размышлениями сам не заметил, как заснул.

Проснулся моментально от постороннего звука. В подвале находились люди, похоже, двое. Они тихо переговаривались, затем раздался щелчок и один из них негромко выругался. Ага, видимо, попытался включить свет, но не получилось. Опять негромкий неразборчивый разговор, а затем хлопнувшая дверь и тишина. Понятно – сейчас вернутся с фонариком. А если поняли, что здесь кто-то есть, то, возможно, и с подмогой. Надо делать ноги, пока не поздно. Я быстро натянул куртку, схватил пакет со свечками, остатки ужина и тихонько подошел к двери. Кто их знает – может, один остался караулить. Стараясь не производить шума, приоткрыл дверь и заглянул в щелочку. Так и есть – на фоне светлеющего

утреннего неба маячила фигура. Ну, придется прорываться. Если сидеть здесь и ждать, когда придет его напарник с фонарем и подмогой, то будет только хуже.

Решительно открыв дверь, спокойно и уверенно начал подниматься по лестнице. Наблюдатель повернул ко мне лицо и явно захотел что-то сказать, даже открыл было рот, но что-то в выражении моей физиономии заставило его отказаться от своих намерений. Пока не скрылся за углом здания, ощущал на своей спине его взгляд. Как жаль! Спалилось такое отличное место. В принципе, можно попытаться найти еще такой же подвал, но хотелось чего-нибудь более надежного. Такого, откуда не нужно быть готовым в любой момент бежать сломя голову. Что-то типа общежития для иногородних рабочих. Ведь должны же быть такие общежития. Но это стоит денег, хотя я понятия не имел – каких. А ведь еще там наверняка спросят паспорт, который остался в милиции.

Так я шел не спеша не менее получаса, пытаюсь найти какой-нибудь выход из ситуации. Нет, без посторонней помощи, пожалуй, не обойтись. Поговорка «не имей сто рублей, а имей сто друзей» приобрела для меня сейчас особый смысл – не то, что сто, а даже одного друга, к которому можно было бы сейчас прийти со своими проблемами в надежде на помощь, у меня не было. Нет, конечно, как и у всякого нормального человека, в школе и в институте у меня были товарищи, с которыми мы весело проводили время. Но по прошествии нескольких лет оказалось, что кроме этого самого

веселого времяпровождения у меня с ними не было ничего общего. Так что тема просить помощи у друзей отметалась начисто.

Оставались родственники, но кроме своего отца и родителей Машуни я ни с кем не общался. При мысли о последних спина покрылась холодным потом. Чёрт! А они ведь еще ничего не знают. Как-то придется им рассказать. Только представил себе, как захожу к ним и говорю что-то типа «извините, а вашей дочки больше нет, её убили, а меня обвиняют в убийстве», спина покрылась испариной. Хорошие интеллигентные люди, ну за что им такое горе?

Нет! Лучше это мероприятие отложу. Поэтому решил сначала заехать к своему отцу. Решение это далось с некоторым трудом. Но в данной ситуации поехать к отцу все-таки показалось наилучшим решением.

Что еще очень сильно напрягало, так это то, что квартира отца находилась в том же округе, что и мои враги – оборотни в погонах. Но тут уже выбирать не приходится. Пешком до него отсюда часа два, не меньше, а ноги и так отваливаются – не отошли еще, видать, после вчерашнего марафона. Тратить на метро двадцать пять рублей давила жаба – на эти деньги я полдня могу питаться. Тут вспомнил, что есть еще один путь – на электричке. Десять минут на своих двоих до станции, потом одна остановка, и еще минут двадцать пешком. Причем, там уже дорога идет через парк, где можно сесть где-нибудь на лавочку и позавтракать. Спешить

смысла не было – отец мог быть на работе. Он только что вышел на пенсию, но работу из материальных соображений пока не бросал: преподавал электротехнику в местном техникуме. Тетку свою, похоже, там же и подцепил. Или она его. Это уж, с какой стороны посмотреть.

Сто лет не был в парке. Ну, если быть точным, то не меньше десяти. Мальчишкой лазал по руинам екатерининского дворца, а теперь здесь всё отреставрировали. Белый мрамор колонн сверкал на фоне темно-красного кирпича стен. Красиво, ничего не скажешь. Но эта красота почему-то вселяла грусть. Не сразу, но понял причину этого чувства – навсегда стерт еще один след из детства. Словно кто-то постепенно рвет пуповину, соединяющую меня с моим прошлым. Усмехнулся невесело, вспомнив анекдот про «сердобольного» ветеринара, из жалости отрубаящего собаке хвост по частям.

Сел на лавочку и не спеша, под любопытными взглядами гуляющих мамаш с колясками и престарелых парочек, стал доедать вчерашний ужин. Спешить и в самом деле было некуда, но уже через полчаса такого сидения стало казаться, что все вокруг только тем и заняты, что рассматривают меня в упор. Критически оглядев себя, не заметил ничего, заслуживающего особого внимания. Наверное, паранойя. Тем не менее, решил поменять дислокацию. Обертку от продуктов сложил в пакет, сунул его в урну, медленно встал и пошел потихоньку прогулочным шагом по усыпанной гравием тро-

пинке.

До дома отца добрался уже под вечер. Вот, наконец, он. Дом, в котором прошла большая часть моей жизни. И всего-то пару лет здесь не живу, а вот нет уже того чувства, которое всегда возникает при взгляде на своё жилище. Скорее всего, этот переход произошел после смерти мамы, когда отец привел домой эту свою Нину. Мне, честно говоря, так ни разу и не довелось ее увидеть, но заочно к ней сложилось стойкое неприятие. Со стороны могло бы показаться, что это просто проявление ревности и эгоизма. Возможно, отчасти и так, но я просто не верил в искренность ее чувств к моему отцу, который на два десятка лет старше ее.

Горели окна на кухне и в одной из комнат. Значит, кто-то дома есть. Начал молиться про себя, чтобы там был только один отец.

Поднялся на нужный этаж, встал перед новой железной дверью, которой раньше не было, вздохнул и нажал на звонок.

Отец открыл дверь в домашнем халате. Вид у него был несколько растерянный.

– О! Привет! Чего это ты без предупреждения?

– Да так получилось, телефон посеял.

Он продолжал стоять в проеме двери, загораживая собой проход. Повисла пауза. Наконец, видимо, до него дошла неловкость ситуации, и он отступил, открыв дверь пошире. Я зашел в квартиру.

– Коля! Кто там? – раздался женский голос из большой комнаты.

Тьфу ты, черт. Я-то надеялся, что ее дома нет. Ну, теперь уже все – поздняк метаться.

– Это Олег, мой сын, Нинуся.

Ну, надо же – «Нинуся». Быстро же он освоился после смерти мамы. Пока я раздевался, отец несколько раз порывался что-то спросить, да все никак не решался. Правильно, всему свое время. Обстоятельный рассказ требует соответствующего антуража. Наконец, снял куртку и ботинки. Безуспешно порыскал глазами в поисках тапок. Значит, придется идти босиком.

– Пап, у меня тут кое-что произошло. Очень серьезные вещи. Мы можем об этом поговорить наедине, безо всяких ненужных свидетелей?

Из дверей в большую комнату показалась женская фигура, на ходу завязывающая пояс халата. Так вот ты какая – охотница на квартиры вдовцов. Моему взору предстала среднего роста женщина лет сорока-сорока пяти, слегка полная. Лицо довольно симпатичное. Разумеется, в этом лице я тут же обнаружил хищные черты. Отец открыл было рот, но лишь бросив взгляд на нее, проглотил фразу.

– У меня от Нины Васильевны секретов нет. Так что, если хочешь что сказать – говори при ней.

Господи! Какие же методы дрессировки применяет эта хищница? Я всегда помнил отца как человека властного и

не терпящего возражений, из-за чего у нас с ним частенько происходили конфликты. Но сейчас его просто не узнавал. В любой роли мог бы его представить, но никак не в роли подкаблучника. Что теперь – разворачиваться и уходить? Или, может, соврать что-нибудь? Насчет последнего у меня всегда были проблемы. Физиономия меня сразу выдавала. Наверное, лучше рискнуть и рассказать правду. Пришлось кивнуть головой и проследовать на кухню.

Рассказ получился долгим и на удивление связным. По ходу повествования никто меня не перебивал. Остановился на моменте, когда достал из машины деньги с правами и техталлоном. Слушатели мои молчали. Наконец, отец произнес:

– Да... я всегда считал, что ты глуп. Но не думал, что до такой степени. Ты, оказывается, просто идиот. Всю жизнь у тебя какие-то проблемы. Вот у меня никогда не было никаких проблем, потому что я работаю головой, а ты – уж не знаю – чем, – отец распалялся все больше и больше.

Я испугался, что сейчас начнется истерика.

Похоже, он решил, что я собираюсь впутать его в свои проблемы. Фраза о том, что он всегда считал, будто я глуп, мгновенно вызвала чувство обиды. Ну, как же так – я же считался лучшим студентом в институте чуть ли не за все время его существования. Умудрился закончить ВУЗ на год раньше срока, перескочив через курс, да еще и с отличием. Потом в исследовательском институте меня считали очень перспективным. Если бы не крайняя необходимость зарабаты-

вать деньги, то давно бы уже защитился и работал за границей. Но спорить с отцом было не конструктивно. Я это понял еще в детстве. Он просто не мог позволить себе проиграть в споре, и никакие аргументы оппонента не брались в расчет. Эта его закрытость для любой информации, неспособность принять то, что выходило за рамки созданной им для себя модели вселенной, сильно вредило ему в жизни, хотя он и не осознавал этого, перекладывая вину за свои неудачи на окружающих. Поэтому сейчас решил благоразумно проглотить обиду и постараться аккуратно прервать этот, грозивший стать нескончаемым, монолог.

– Подожди, ты можешь сказать – что я конкретно сделал не так?

– Да ты все сделал не так! – его было уже не остановить.

Что называется – пошел вразнос.

– Ты всегда был источником проблем! – продолжал отец, – если бы ты меня слушал, то все было бы в порядке, но ты просто идиот, и у тебя всегда все было и будет не так, как надо.

Ну, вот, началось! Стандартная форма общения со дня смерти мамы. Я уже приподнялся было, чтобы побереечь нервы и закончить этот деструктивный разговор, как тут в ситуацию вмешался третий участник – Нина, до того молча стоявшая в дверях и наблюдавшая за нашим диалогом. Она подошла к отцу сзади, положила ему руки на плечи и тихо сказала:

– Коленька, не надо нервничать. Может быть, Олег не виноват в том, что случилось? Давай подумаем, что здесь можно сделать.

Отец мгновенно остыл, как если бы на него вылили ушат холодной воды. Я был просто шокирован такой его реакцией. Вот это дрессировка! Если бы мама решилась подобным образом встрять в разговор, реакция была бы прямо противоположной. Она что, ему в еду что-то подмешивает? Так или иначе, ее вмешательство предотвратило мой уход. Я даже метнул на нее благодарный взгляд. Наши глаза встретились, и она улыбнулась в ответ. А что? Может, она вполне неплохая тётка? Вполне возможно, что ей и квартира-то не нужна.

Так или иначе, но разговор перетек в конструктивное русло. Было решено, что надолго оставаться мне здесь нельзя, так как в самое ближайшее время оборотни обязательно выйдут на эту квартиру. Мне лучше всего пересидеть какое-то время на даче. Завтра же написать и отнести заявление в прокуратуру, причем отнести его взялась сама Нина. У нее, как оказалось, подруга работает помощником прокурора. Нина была уверена, что в течение недели, ну, максимум, месяца, не просто удастся снять с меня все обвинения, а еще и покарать убийц моей жены. Честно говоря, насчет покарать – я мечтал сделать это сам. Те восемь или десять лет, которые они получают за смерть Машуни, никак не могли меня удовлетворить. Отец обещал одолжить немного де-

нег на первое время, а дальше надо искать способ где-нибудь подработать.

Время было к ужину. На столе появилась снедь и бутылка коньяка. Аромат жареного мяса чуть не вызвал помутнение мозга. Приходилось делать над собой усилие, чтобы не выходить в поглощении пищи за рамки приличия. Закончили беседу уже за полночь. Постелили мне в маленькой комнате – моей, той, в которой я провел свои детство и юность. Только прислонив голову к подушке, понял, насколько устал. Попытался подумать над планом действий, над заявлением в прокуратуру, но мысли убегали от меня, словно мальки в пруду, не давая ухватить. Последней, перед тем, как провалиться в черный бездонный тоннель, была мысль о том, что эта Нина – довольно неплохая тетка, но тут же перед глазами возникло мамино лицо, заставив ужаснуться такому кошунству.

Пробуждение было таким резким и неожиданным, что первые несколько секунд мне пришлось вспоминать – где вообще нахожусь. Сначала не понял, что меня могло разбудить, но затем услышал шорох и скрип входной двери. Кто-то потихоньку вышел из квартиры. Будучи в напряжении после всего случившегося, каждое явление я уже воспринимал с подозрением. Потихоньку, стараясь не производить даже мельчайшего шороха, встал с постели и вышел в прихожую. Во мраке ярко светилась тонкая щель входной двери. Интересно – кто это мог среди ночи выйти из квартиры, а самое главное – зачем. Я приблизился к двери, и мне показалось,

что слышу доносящийся снаружи разговор. Припал ухом к щели, затаив дыхание. Так и есть. Снаружи отчетливо доносился голос Нины. Но вот слова ее заставили волосы подняться дыбом.

– Разыскивается по подозрению в двух убийствах, – доносилось из-за двери, – да, он сейчас здесь, – и она начала называть адрес.

Я на цыпочках вернулся обратно в спальню. Какой кошмар! Просто чудо, что так вовремя проснулся. Сколько же у меня времени? Минут десять? Что-то мне подсказывало, что и на пять минут лучше не рассчитывать. В историях про армию говорят, что солдат должен уметь одеться за сорок пять секунд. Думаю, сейчас перекрыл этот норматив раза в два. Вышел в прихожую, столкнувшись в дверях с этой змеей в обличье ангела.

– Олеженька! Ты куда это собрался, дорогой?

Вот это да! Только сейчас, фактически, обрекла меня на пытки, а, может, даже мучительную смерть, и – «Олеженька». Собрал все самообладание, только бы не дать ей понять, что все знаю.

– Да, вспомнил сейчас: кое-что из машины надо забрать, – постарался сказать как можно непринужденнее, быстро надевая при этом ботинки.

– Да куда же ты, на ночь глядя-то? Завтра заберешь, а лучше папе скажешь – он съездит, возьмет. А то еще вдруг там засада.

С этими словами она схватила с вешалки мою куртку, явно намереваясь не отдавать мне ее. Ну, надо же – какая забота! Меня, несмотря на осознание всей серьезности момента, чуть смех не начал разбирать. Все еще пытаюсь сохранить лицо, аккуратно взял обеими руками куртку и потянул на себя. Хватка моей противницы не ослабевала, даже наоборот – она сжала пальцы так, что побелели костяшки. На шум из большой комнаты показался отец. Не вмешиваясь пока в ситуацию, просто стоял в дверях и наблюдал за нашей борьбой. Если он придет к ней на помощь, придется убегать без куртки, чего я допустить никак не мог. Там находились чрезвычайно полезные в моем нынешнем положении ножик и фонарик. Да и права с документами на машину терять совсем не улыбалось. Наконец, заметив движение отца в нашу сторону, понял, что терять больше нечего, и что есть силы рванул куртку на себя. Честно признаться, на такой эффект я никак не рассчитывал. Крепкая ткань выдержала мой рывок. Пальцы моей противницы тоже. Нина, не устояв на ногах, упала на пол. Даже лежа она не отпускала свою добычу, так что мне пришлось выволочь ее на лестницу. Только там она, наконец, разжала руки. Перелетая вниз по лестнице через десяток ступеней, пока не выскочил из подъезда, продолжал слышать за спиной ее истошные вопли.

Не разбирая дороги, бросился прочь от дома, как если бы встретил там скопище вурдалаков или зомби с окровавленными клыками. Забегая за угол соседнего дома, боковым

зрением отметил свет фар притормозившей у подъезда машины. Кажется, это по мою душу. Осознание данного факта заставило прибавить прыти. Что-то в последнее время я слишком много стал бегать. Еще с месяц такой жизни, и вполне можно будет выступать на олимпийских играх.

Пробежав с километр и оказавшись в двух кварталах от дома, перешел на шаг. Немного в стороне заметил детскую площадку с малюсеньким, почти игрушечным деревянным домиком. Замечательное место для того, чтобы посидеть и отдышаться. Будем надеяться, что ради моей поимки не будут устраивать оцепление всего района и поиски с собаками, как в фильмах про фашистов и партизан. Свернул туда и забрался вовнутрь. Половина досок из этой детской избушки была выломана, в щели задувал пронизывающий октябрьский ветер, но всё лучше, чем под открытым небом.

Который же сейчас час, интересно? А, ладно, не так важно. Больше всего сейчас волновало одно: знал ли отец о том, что собиралась сделать его пассия? Очень не хотелось верить в то, что эта змея звонила с его ведома. Осознание того, что мой отец способен на такое мерзкое предательство, было просто невыносимым. А, хотя... Ведь каждый преступник, даже самый отъявленный маньяк-убийца всегда придумывает то или иное оправдание для своих деяний. Так и отец. Ведь мог же внушить себе, что я все вру, что на самом деле виновен в том, что мне приписывают. Люди всегда охотно верят в то, что им выгодно. И наоборот. А тут еще и заинтере-

сованные лица, имеющие, прямо-таки, гипнотическое влияние. А ведь какова гадина! Мгновенно уловила, что в одно действие убирает конкурента на квартиру. Ведь, если бы она не вмешалась в спор, через пару минут меня бы уже там не было. Интересно, на что вообще способны такие женщины из-за квартиры в Москве. Наверное, более правильно было бы – на что они не способны.

Какая-то смертельная тоска разливалась по телу. Не сразу осознал – что это. Потом понял. Это порвалась еще одна ниточка, связывающая меня с прошлым. У меня больше нет отца.

Оставалось только одно место, где можно было бы получить помощь – родители моей Машуни. И хотя я пытался придумать всяческие аргументы, чтобы отсрочить предстоящую ужасную процедуру, но, тем не менее, разумом понимал, что рано или поздно это все равно придется сделать.

Они жили в Обнинске, в городе на севере Калужской области. В советское время это был наукоград ядерщиков, закрытый город ученых, трудившихся на передовых рубежах научного фронта. Сейчас от бывшего великолепия уже мало что осталось. Если не считать осыпающуюся штукатурку фасадов и колонн монументальных зданий атомных институтов пятидесятых годов постройки. Разбитые дороги, мусор на улицах, да рожи местных алкашей – типичная картина для провинциального городка центра европейской части России. Приезжая в гости к родителям Машуни, и глядя на всю эту

разруху, никак не мог поверить в столь славное и совсем недавнее прошлое этого города.

В Обнинск мы ездили на машине, но еще туда можно было попасть по железной дороге. Сколько стоит билет, я не знал, но это меня и не волновало – так или иначе придется ехать зайцем. Надо было доехать до вокзала. Тратиться на метро не хотелось. В автобусах понаставили турникетов, так что оставался только один способ бесплатно добраться в центр столицы – электричка.

Где-то с полчаса шел до станции. На платформе – ни души. Одинокая лампочка над окошком кассы бросала тусклое пятно желтого света на часы, показывающие четыре утра. Судя по расписанию, ближайшая электричка на Москву будет почти через час. Пришлось все это время изучать окрестности.

С горем пополам уже под вечер добрался до Обнинска. Без приключений не обошлось – приходилось перелезать через решетки с риском напороться задницей на острые металлические штыри, два раза перебежать по платформе от контролеров в компании с толпой таких же безбилетников. Раз меня даже ссадили с поезда, и пришлось ждать следующего. Да уж, непроста участь зайца в нашей стране. Больше всего опасался попасть в милицию. Ведь кто его знает – может, меня уже в федеральный розыск подали.

Привокзальная площадь встретила лужами и порывами холодного ветра. Березы в сквере трясли желтыми останками

ми своих некогда роскошных шевелюр. Многоголосье водителей маршруток, малопонятной скороговоркой зазывающих пассажиров в свои желтые гробы на колесах. И все это, как многотонным прессом, придавлено низким свинцовым небом. Господи, где же я все это видел? Не обстановку, что вокруг, а ее неуловимый дух, эту депрессивную атмосферу, которую невозможно описать словами, а можно лишь почувствовать. И тут вдруг вспомнил. В детстве мама водила меня в Третьяковскую галерею. Так вот, точь-в-точь такое же чувство тоски и безысходности, как и сейчас, у меня вызвали картины русской природы художника Саврасова. И, казалось бы, настолько давно все это было, что и следа в памяти не должно было остаться. А ведь нет же, стоило только чуть зацепить краешек этого ощущения, как оно опять обрушилось с тяжестью многотонной глыбы. Летом, все-таки, здесь намного веселее. Из оцепенения вывел чуть не оглушивший вопль водителя маршрутки, по виду, гастарбайтера из какой-то южной республики, зазывающего куда-то с ним поехать. Отмахнувшись от него, как от назойливой мухи, побрел прочь. Благо, идти здесь не так далеко, даже не торопясь, не более получаса.

Вот, наконец, и дом родителей моей супруги. Утопающая в зелени летом, а сейчас просто окруженная полуголыми стволами лип и кленов кирпичная пятиэтажка. Чем ближе я был к заветной двери подъезда, тем неувереннее становился шаг. Ноги сковала слабость и предательская дрожь в коле-

нях. Никак не мог предположить, что ноша окажется такой тяжелой. А ведь те два часа, пока ехал в электричке, все формулировал и повторял про себя слова, которые должен был сказать. Бесполезно. Из того тумана, что сейчас стоял в голове, я не был в состоянии ничего выловить. Будучи не в силах войти в подъезд, присел на рядом лавочку. Посидел минут десять – пятнадцать, немного успокоился. Дрожь в коленях притихла. Ну, с богом! Встал и решительно направился вверх по лестнице.

Дверь открыла мама Машуни. Последний раз я видел ее чуть больше месяца назад. В памяти моей она осталась как нестарая и еще довольно стройная женщина чуть старше пятидесяти. Но сейчас просто ужаснулся ее виду. В первую секунду решил, что передо мной какая-то старуха. Даже подумал было, что ошибся квартирой. Я просто не мог поверить, что человек способен так внезапно состариться. Мое замешательство вызвало затянувшуюся паузу. Я стоял, как истукан, не смея даже поздороваться.

– Ты... ты... – первой нарушила она молчание, и затем, вдруг, громко закричала, – Володя! Иди сюда! Глянь, кто здесь!

Её затрясло. Я всерьез забеспокоился, как бы ее не хватил удар. В дверях показался тесть – отец Машуни. Этот до мозга костей интеллигент сейчас имел такой вид, что я счел необходимым на всякий случай отступить на пару шагов. И правильно – он сделал движение, будто хотел взять меня за

грудки.

– И ты еще имеешь наглость прийти в этот дом? Ты – подонок, убивший нашу девочку, – он сделал шаг в мою сторону, я, в свою очередь, отступил еще. От растерянности не в силах подобрать слова, я продолжал и продолжал отступать вниз по лестнице.

– Я не убивал ее. Они ее убили и все подстроили, – наконец сумел выдать из себя срывающимся голосом, – я любил вашу дочь. Я докажу, что я ни в чем не виноват!

Последние слова я уже кричал на бегу, в полете вниз по лестнице.

Опять бег. Когда же это все закончится? Довольно быстро – стоит только остановиться – с невеселой усмешкой ответил на свой же вопрос. И ведь как же быстро гады вышли на Машуниных родителей. Интересно, приезжали или просто позвонили? В любом случае, уже через несколько минут будут знать, что я здесь. Возвращаться в Москву на электричке всерьез опасался. Честно говоря, автобус тоже не внушал особого доверия. Ездят они не так уж часто, и не будет особой проблемой проверять их всех на посту ДПС. Еще очень смутил тот факт, что за билет на автобус пришлось бы отдать довольно значительную часть моих золотовалютных резервов. Так я и не мог никак принять никакого решения, то блуждая вокруг вокзала, то сидя на лавочке в сквере. Заметил пристальный взгляд, брошенный в мою сторону сотрудником милиции. Не спеша, сделав как можно бо-

лее равнодушно-расслабленный вид, встал и перешел на другую сторону железной дороги. Вроде, пронесло. Осознание опасности быть задержанным первым же патрулем заставило ускорить принятие решения. Поэтому, когда над ухом прозвучало, усиленное мегафоном «Отправляется автобус Обнинск-Серпухов», не раздумывая, бросился в готовые уже закрыться двери.

Успел. Двери захлопнулись, едва не прищепив спину. Автобус тронулся. Я огляделся в поисках свободного места. Похоже, у местного населения этот маршрут пользуется повышенной популярностью. Единственное сиденье, куда можно было бы опустить задницу, соседствовало с бритой наголо бандитского вида личностью примерно моего возраста, ну, или может, чуть постарше. Парень оторвал взгляд от окна и уставился на меня. Господи, ну и рожа! Неудивительно, что никто больше не изъявил желание сесть рядом. Решив, что лучше всю дорогу стоять, чем терпеть рядом с собой подобное существо, я отвернулся и схватился за поручень.

– Эй, братан! – раздалось за спиной.

Судя по всему, это ко мне. Я не спеша обернулся через плечо.

Точно. Бандюган у окна смотрел на меня.

– Давай сюда, здесь свободно.

Проигнорировать подобное предложение означало высокую вероятность нарваться на проблемы.

Товарищ не спеша отхлебывал пиво прямо из горлышка

бутылки. Я плюхнулся на место рядом с ним и увидел протянутую ладонь.

– Олег.

Ну вот, тетка, значит. Пожал ему руку и ответил.

– Аналогично.

– Чего?

– Тоже Олег.

Лицо соседа расплылось в улыбке.

– Да ты чего? В натуре? Прикольно!

Сосед, видимо, никак не мог спокойно сидеть и пить свое пиво в одиночестве. Сначала он донимал меня расспросами, на которые приходилось давать разные односложные и уклончивые ответы, потом начал сам рассказывать про свою непростую жизнь. Изложив мне историю последних своих пятнадцати лет, из которых половину он отсидел в колонии, сосед сделал потрясающий по своей простоте вывод: «все менты – суки, и всё дерьмо в жизни только от них». В свете последних событий я готов был с ним согласиться. Уловив одобрительную реакцию, собеседник достал бутылку пива и протянул мне. Никогда не позволил бы себе пить с незнакомым человеком, тем более в автобусе. Вдобавок с человеком, явно имеющим нелады с законом. Но тут вдруг стало настолько наплевать и на приличия, и на очевидную опасность подобного рода поступков, что лишь поблагодарил его и принял подношение. То ли с голодухи, а может, от усталости, но одна-единственная бутылка крепкого пива изряд-

но ударила в голову. Тезка, похоже, имел с собой серьезный запас. Заметив, что первую бутылку я уже уговорил, тут же достал из сумки вторую. Её взял уже без колебаний.

Не помню, сколько я выпил, но к концу пути мы стали лучшими друзьями, горланили песни, громко вели философские споры за жизнь, энергично при этом жестикулируя, одним словом – вызываясь вели себя в глазах окружающих. Кондукторша сделала уже несколько замечаний и пригрозила вызвать милицию. При слове «милиция» вдруг резко пришло осознание того, кто я, где я и что со мною произошло в последние дни. Несмотря на неадекватное состояние, встретиться с милицией совершенно не тянуло. Черт! Ведь тетка на самом деле спокойно может вызвать по мобильному милицию. Я не на шутку запаниковал.

– Братан! Ты дальше куда? А то я на Большевику выхожу, – обратился ко мне мой новый друг. А что? Ведь это выход. Я моментально принял решение.

– Ну, так я с тобой.

На выходе из автобуса оглянулся на кондукторшу. Её взгляд выражал такое облегчение, будто тетка избежала визита к стоматологу.

Тезка первым делом повел меня в магазин. Там скинулись на четыре пива. Пришлось раскошелиться – пить за его счет было бы неприличным. Пока шли к нему домой, что-то грызло изнутри. Небольшая часть моего я – благоразумная и рациональная, пыталась еле слышным шепотом досту-

чаться до сознания, указывая на неправильность такого поведения, но она уже не имела права голоса. Сперва еще пытался оправдаться перед собой, придумать какие-то причины, но потом просто махнул рукой: а не наплевать ли вообще на все? Да какой смысл соблюдать приличия и благоразумно себя вести, когда у меня убили любимого человека, и в любой момент могут убить меня самого. Так что к дому моего нового друга я подходил уже совершенно не испытывая угрызений совести.

Оказалось, что мой новый знакомый живет в коммуналке, находящейся на первом этаже довольно ветхого двухэтажного здания барачного типа. Я раньше даже не догадывался о существовании подобных жилых строений. И тем более, не мог предполагать того, что, начиная с пятидесятого километра от столицы, в такого рода домах проживает довольно значительная часть населения. Тезка толкнул обшарпанную деревянную дверь, и мы оказались в темном и тесном коридоре квартиры. Было тихо, в нос ударила какая-то невообразимая смесь застарелых табачных отложений, лежалой грязной одежды, пролитого когда-то алкоголя и еще бог весть чего. За всю свою жизнь ни разу не ощущал подобного аромата. Странно. Мои представления о коммунальных квартирах включали в себя обязательные детские крики, громкую ругань домохозяек и прочие признаки перенаселенности, а тут – полнейшая тишина. Я не удержался от того, чтобы не спросить его об этом.

– Короче, тут такая фигня: сосед мой Иван сел недавно, а Ольга, тоже соседка, в Москве работает, там снимает, приезжает раз в месяц. Пыталась комнату сдать, так, кого пускала – ни хрена не платят. Вот пустая теперь и стоит ее комната. Тут Ванькина бывшая жена приходила, все смотрела, как бы его комнату сдать или вообще продать. Но, я так думаю – дело это гиблое. Какой дурак сюда придет жить?

С этим утверждением спорить было трудно. В этом городишке, да пусть даже и в самом Серпухове, нормальную работу вряд ли найдешь, а в Москву ездить – часов шесть каждый день в оба конца. Так что снимать смогут только местные алкаши, а от них денег днем с огнем не увидишь.

Тем временем, позвонив с минуту ключами и при этом несколько раз выругавшись, тезка, наконец, расправился с замком своей комнаты.

– Чего стоишь? Давай, заходи! – позвал он уже из-за двери, – жрать, правда, нет ни хрена, да из бухла только пиво.

Я шагнул через порог. Обстановочка та еще, но, признаться, ничего другого увидеть и не ожидал. Комната средних размеров, метров пятнадцать или чуть больше. Но явный недостаток мебели и довольно высокие потолки создавали ощущение простора. Лакированный шкаф эпохи развитого социализма, этажерка, видевшая, наверное, еще отца народов, да приставленный к облезлому деревянному подоконнику стол, накрытый когда-то бывшей белой, а теперь непонятного цвета, местами драной, и прожженной сигаретами

скатертью.

– Слышь, братан! – опять обратился ко мне Тезка, – ты давай, садись. Щас пивас додавим по-быстрому.

Он продолжал говорить, вынимая из своей сумки и выставляя на стол четыре бутылки пива.

– Ко мне через полчаса один чел зайти должен на пару минут. Бабло занести должен, – сделав паузу, которую можно назвать многозначительной, тезка, хитро прищурившись, улыбнулся во весь рот, обнажив при этом штук пять золотых зубов, и добавил, – гонорар за одно дельце.

Интересно, за какое такое дельце он должен получить гонорар? Уж, наверное, не книгу написал. Спросить постеснялся. В подобных вещах есть одно очень важное правило: чем меньше знаешь, тем дольше живешь.

Но у собеседника моего, видимо под воздействием изрядной дозы алкоголя, язык никак не мог держаться за зубами, и его понесло.

– У меня погоняло – Волын, я тут на Большевики самый крутой. Здесь сейчас вообще одни бакланы остались. Из старых авторитетов кого посадили, кто разъехался. В Москву, в основном. Хотя, вот, Саня Князь, тот в Сочи подался. Меня звал с собой. Да что мне там делать – в Сочах этих? Лохов, что ли, на пляже разводить? А здесь я – киллер, – с последними словами он оценивающе поглядел на меня, задрал нос и явно пытаюсь выяснить произведенное впечатление.

Несколько дней назад – до известных событий – встреча

с профессиональным убийцей вселила бы в меня ужас. Но сейчас я даже не удивлялся своей реакции. Ничего особенного, подумаешь – киллер. Да и чем, интересно, киллеры без погон хуже, или лучше, тех, других, в милицейских погонах, от которых мне приходится сейчас спастись?

– Прикольно... – протянул я, чувствуя, что собеседник ждет от меня какого-нибудь отклика. Больше ничего выдавить из себя не смог. Тезка выглядел заметно обескураженным. Наверное, ждал от меня что-то типа: «Ух, ты! Настоящий киллер? Что – прямо как в кино, да?».

– Слушай, братан, а у тебя есть погоняло? Нету? А ты, вообще, кто по жизни? Химик? У меня сосед Гарик, вон, – он мотнул неопределенно головой, – в соседнем доме живет. Тот тоже химик, на химии четыре года отмотал.

Узнав, что я настоящий химик, то есть, учился этому делу в институте и работал по специальности в науке, а не уголовник, тезка заметно заинтересовался.

– Слышь, братан, а ты взрывчатку сварганить можешь?

Вопрос вызвал горькую усмешку. Знал бы мой новый товарищ, как часто в последнюю пару дней я думал об этих вещах. Не сумев скрыть некоторого чувства превосходства, сказал, что уж взрывчатку-то смогу сделать из чего угодно. Услышав ответ, Тезка преобразился в лице.

– Братан, давай вместе работать. Мы такие дела сможем крутить, что мама не горюй! Да ты не очкуй! – заметил он мое замешательство, – я с заказчиком сам все утрясать буду.

Твое дело будет только клепать бомбочки. А я их уже сам куда надо буду ложить. Погоняло твое будет – Химик.

Мне оставалось только согласно кивнуть. Другого выбора в данной ситуации я не видел. Отказываться от подобных предложений бывает очень опасно для здоровья. Никто не помешает мне при первом же удобном моменте просто тихо улизнуть по-английски, не попрощавшись. Не будет же он меня пристегивать наручниками к батарее.

Тезка достал из кармана телефон и посмотрел на время.

– Блин! Твою мать! Братан, слушай, сейчас сюда придет человек от заказчика. Сам понимаешь, если на тебя здесь наткнется, такой косяк мне на фиг не нужен. Вот, смотри! – он полез в карман и выудил оттуда тысячную купюру, – прогуляйся пока в магазин, помнишь – заходили туда, когда от остановки сюда шли. Возьми водяры пузыря четыре, пива литра два и на остальное – закуски: колбаски, там, грибочков маринованных, короче, сам сообразишь.

Не успел я высказать вслух мысль о том, что четыре бутылки на двоих, да еще после пива – это явный перебор, как мой тезка добавил:

– Вечером кенты придут. Отмечать будем.

А! Тогда понятно. Интересно только – что отмечать? Я взял купюру и вышел в прихожую.

– Где-нибудь с полчаса погуляй, раньше не приходи, – услышал вдогонку.

Значит, долгих бесед с «человеком от заказчика» не ожи-

дается. Похоже, на самом деле должен только деньги принести.

Дорога до магазина заняла не более двух минут, хотя я и старался идти как можно неторопливее. Мысли вертелись в голове, словно детская карусель. Или, скорее, качели, потому что металась из одной крайности в другую. На выходе из подъезда, первой мыслью было немедленно дать деру. Без всяких сомнений, так бы и поступил, если бы не эта злощастная тысячерублевка, которую дал мой тезка. Ну, не мог допустить, чтобы про меня подумали, будто я мелкий жулик, позарившийся на чужие деньги.

По мере продвижения к магазину менялся и характер размышлений. Через минуту я уже вполне спокойно относился к тому, чтобы перекантоваться у тезки неделю-другую, а там, глядишь, ситуация с моими оборотнями разрулится сама собой. На подходе к магазину откуда-то из темноты сознания пробилась даже мерзкая мыслишка: «А может, все-таки, принять предложение? Чего тебе терять-то? А так, по крайней мере, появятся условия для исполнения планов местности».

Нет! Убивать людей за деньги – это все-таки довольно мерзко. Чем, скажите, я буду тогда отличаться от тех, кому сам собираюсь мстить? И постарался поскорее запинать эту мыслишку туда, откуда она выползла.

Тёзка говорил про «кентов», которые должны зайти к нему вечером. И что – я буду сидеть выпивать с местными

бандитами? От представившейся на мгновение картины – я среди уголовников – всего передернуло. Нет, надо валить отсюда. Взявшись за ручку двери магазина, твердо решил для себя: сейчас вернусь, занесу выпивку с закуской, и, не дожидаясь гостей, по какому-нибудь предлогу выйду на улицу. А там – ноги в руки и деру.

6

Подходя, нагруженный пакетами с закуской-выпивкой, к подъезду дома тетки, молился, чтобы у того не оказалось ни «человека от заказчика», ни друзей-уголовников. Вот и дверь в его коммуналку. Поставил на пол пакет, чтобы нажать кнопку звонка, и замер с устойчивым ощущением дежавю. Дверь была неплотно прикрыта, между ней и коробкой наличествовала небольшая щель. Мгновенно вернулись воспоминания совсем недавнего прошлого, оказавшиеся временно погребенными под изрядным слоем алкоголя и свежих впечатлений. Обычная, казалось бы, щель в двери теперь вызывала у меня стойкие ассоциации со смертельной опасностью.

Минуту или более постоял, прислушиваясь к происходящему в квартире. Изнутри не доносилось ни звука. Это тоже настораживало – тетка, по идее, должен был выдавать свое присутствие какими-нибудь шумами. Слегка надавил на дверь. Она поддалась. Еще немного подождал на пороге,

стараясь уловить хоть какой-то звук. Ничего. Полнейшая тишина.

Первым желанием было бросить все и бежать отсюда. Но что-то, чему я не мог найти рационального объяснения, удерживало меня от этого шага. Будто груз ответственности за этого едва знакомого мне человека не давал мне сейчас просто так покинуть его в момент серьезных неприятностей. Решив еще немного постоять в надежде поймать хоть какой-нибудь звук из квартиры, приоткрыл дверь пошире и почти просунул голову в щель. Но спокойно послушать мне так и не дали – сверху, со второго этажа вдруг раздался щелчок открываемого замка. Сталкиваться нос к носу с соседями тетки у дверей его квартиры как-то совершенно не хотелось. Не дожидаясь, пока меня увидят, я тихонько проскользнул в темноту прихожей, затворив за собой дверь. Но стоило отпустить руку, как тут же обнажилась предательская полоска света. Тем временем, шаги приближались. Человек спускался по лестнице и прошел уже половину марша. Пришлось прижать дверь рукой, и так держать, пока шаги не затихли на улице. Рука нащупала щеколду. Осторожно, стараясь не издать ни шороха, запер ее.

Теперь ничего не мешало постоять пару минут, в надежде по звукам угадать происходящее в квартире. Но тщетно: абсолютно ничего не доносилось до моих ушей. Темная вязкая тишина в прихожей тетки создавала ощущение гробницы. В сознание заползли почти забытые страхи из детства, когда

в темноте под каждым шкафом мерещились жуткие фантастические твари из фильмов ужасов. Сердце бешено заколотилось. Все это до боли напоминало только позавчера испытанное мною. Стремясь успокоить себя, начал строить разные предположения, объясняющие отсутствие моего новоиспеченного знакомого при открытой двери в квартиру. Но все они больше напоминали автотренинг для самовнушения. Логичного объяснения я не видел. Разве что только предположить, что он не запер дверь за тем «человеком от заказчика», которого ожидал, а после лег спать. Что-то подсказывало, что вероятность такого события не намного выше нуля. Дальше стоять и ждать у моря погоды не имело смысла. Теперь уже специально издавая как можно больше шума, я щелкнул выключателем и решительно направился к двери в комнату местного киллера.

Луч света от тусклой лампочки, висящей в прихожей на куске провода без абажура, пробиваясь из-за моей спины, слегка осветил знакомую обстановку. На полу около стола темнела некая бесформенная масса. Не решаясь включить свет в комнате, я сделал два или три шага вперед и наклонился, всматриваясь. Масса приняла очертания лежащего спиной вверх человека, не подающего явных признаков жизни. Слегка похлопав его по спине и не дождавшись никакой реакции, набрался храбрости и, схватившись обеими руками за плечо, перевернул его на спину. Сомнений уже не оставалось – передо мной был мой тезка. Вернее, его бездыханный

труп, так как одного взгляда на лицо было достаточно для того, чтобы развеять все иллюзии на эту тему.

Я плотно задернул занавески и включил свет. Тезка лежал, уставившись в потолок мертвым неподвижным взглядом. Под ним на пол натекла совсем небольшая лужица крови. На первый взгляд – никаких повреждений, которые могли стать причиной смерти. Вдруг почувствовал на ладонях что-то липкое. Кровь. Измазался, пока с ним возился. На его черном свитере кровь была практически незаметна. Присмотревшись повнимательнее, обнаружил небольшой порез, как раз напротив сердца. Ну вот, все ясно – очередное убийство. Господи! Как же мне везет! За пару дней два убийства при схожих обстоятельствах – ну это просто как два снаряда подряд в одну воронку. Хотя, говорят, на войне такое случается.

Но в отличие от смерти Машуни, эта гибель особой загадки не представляла. Все очень просто: киллер ждет человека от заказчика с гонораром за выполненное задание. Убирая исполнителя, заказчик, как говорится, совмещает полезное с приятным – экономит деньги и замечает следы. Когда же это произошло? Гулял я минут сорок, может, чуть больше. Сказать точнее не имея ни часов, ни мобильного не получится. По крайней мере, когда выходил, только начинало смеркаться, а возвращался уже по темноте. Тезка просил погулять с полчаса, значит, был уверен, что этого времени ему с запасом хватит, чтобы уладить свои дела.

Превозмогая страх перед покойником, потрогал его ладонь. Судя по тому, что она была намного холоднее, чем должна быть у живого человека, смерть наступила довольно давно. Насколько, не будучи экспертом, я сказать не мог. Но, по крайней мере, с убийцей мы разминулись с запасом. Скорее всего, тот уже давно следил за домом жертвы, увидел, что мы зашли вдвоем, и стал ждать удобного момента. Зашел к Тезке сразу после моего ухода. То есть, похоже, с момента убийства прошло не менее полчаса.

Я опустился на стул, поглядел еще раз на лежащее на полу тело и тут, как груз булыжников из кузова самосвала прямо на голову: «Господи! Да ведь я же опять попал!»

Черт! Черт! Ну, за что мне все эти приключения? Мало было проблем – теперь еще одно убийство. А что я, интересно, хотел получить, когда шел бухать с уголовником? Эту проблему на свою задницу я сам себе нашел. Теперь надо успокоиться и взять себя в руки. Находиться в одном помещении с трупом было не по себе. Тем более что убийца мог быть совсем рядом. Первой мыслью было выскочить из квартиры и бежать без оглядки. Я даже схватил было куртку с вешалки, подошел к двери на лестницу и взялся рукой за замок. Но в этот момент снаружи послышался сначала хлопок подъездной двери, а затем шаги по лестнице. Это меня остановило. Встретаться нос к носу со свидетелями совсем не хотелось. Затаив дыхание, вслушивался в приближающийся топот. Шаги, после секундной заминки у моей двери, стали

удаляться. С облегчением выдохнул. Нет, сейчас выходить нельзя. Нужно дождаться ночи. Возникшая пауза частично сняла возбуждение. Руки дрожали уже не так сильно. Слабость в ногах тоже потихоньку стала исчезать. Пошел на кухню, сел там на стул, не зажигая свет, закрыл глаза и начал думать.

Да, ничего не скажешь – своим врагам я сильно облегчил работу. Ничего за уши теперь притягивать не надо. Вот, пожалуйста – труп, а вот он – я. А скажу, что разминулся с убийцей на несколько минут – смеяться будут до упаду. Два убийства за двое суток. Да еще и ту девушку после похищения наверняка тоже убили. Всего, значит, уже три получается. Так вы, батенька маньяк!

Я еще раз взглянул на труп Тезки. Какой-то час назад человек строил планы на будущее, радовался знакомству с экспертом по взрывчатке, ждал денег. А сейчас вот лежит в виде семи десятков кило биомассы. Несмотря на то, что совсем недавно я про себя обзывал его придурком, бандитом и алкашом и собирался потихоньку свалить, не попросившись, сейчас мне было его жаль. Несмотря на его недостатки, парень не заслуживал того, что с ним сделали.

А мысли все были только об одном – что теперь делать? Если сейчас просто сбежать, то труп все равно рано или поздно обнаружат, снимут отпечатки пальцев, найдут свидетелей, видевших меня с ним, и все. Лет десять, а то и пятнадцать мне впаяют со спокойной совестью. Значит, надо из-

бавляться от главной улики – труп. Наверное, проще всего было бы сделать пожар. Барак старый, перекрытия деревянные – полыхнет моментально. Ни одной целой деревяшки не окажется. Вряд ли, найдя обгорелый скелет, станут докапываться до истинной причины смерти местного алкаша и бывшего зека, явно асоциального элемента. Сгорел – и дело с концом. Но представил себе это дело и сразу понял – нет, не смогу я этого сделать. Не смогу оставить без жилья кучу народа. А если, не дай Бог, сгорит еще кто. Зачем мне такая жизнь, чтобы до конца дней совесть мучила? Так что этот вариант отпал, едва появившись.

Чей-то ехидный голос внутри меня ласково осведомился, как же я такой правильный, собираюсь поднять на воздух отделение милиции вместе с содержимым.

Но там совсем по-другому. Там не люди, а убийцы и оборотни в погонах. Даже если среди них и найдется парочка людей, не замешанных лично в преступлениях, все равно они в курсе – чем занимаются их сослуживцы. А если знают и молчат, и продолжают служить с теми под одной крышей, значит, соучастники.

Господи! Что же делать? Я лихорадочно пытался придумать способ избавиться от тела, как вдруг, словно гром среди ясного неба, в гробовой тишине квартиры раздалась популярная блатная песенка. «Владимирский централ, ветер северный» – надрывался печальный хриплый бас.

От неожиданности чуть не упал со стула. Потом дошло,

что это такой звонок. Мобильник звонил, не переставая. Звук раздавался из комнаты с трупом, и в этом была какая-то мистика. На цыпочках подошел к двери в комнату. Да, так и есть – звонит там. Открыть дверь и сделать шаг вовнутрь казалось невыполнимой задачей. Наконец, собравшись с духом, я сделал это. Так и есть: телефон громко и злобно вопил, подпрыгивая на столе. Захотелось его заткнуть, но вовремя решил, что благоразумнее будет дожидаться, пока перестанет сам. Песенка заглохла на полуслове. Странно. Очень уж долго ждали на другом конце линии. А вдруг это кто-то из местных? По телефону не получилось, так пешком придут. Мысль о том, что сюда в любой момент могут наведаться друзья только что убитого местного бандюка, которые вряд ли поверят, что я «случайно мимо проходил», заставила похолодеть. Ведь в комнате горит свет, значит, понятно, что дома кто-то должен быть. Только сейчас до меня дошло, что квартира на первом этаже. Хорошо хоть занавески плотные, а то все происходящее было бы, как в аквариуме.

Выключил свет.

Что ж, лучше поздно, чем никогда. Может, звонили не местные. А даже, если и местные, то могли не видеть, что окно светится.

Зажег фонарик и подошел к столу, избегая смотреть на покойника. Отыскал среди лежащей на столе посуды телефон и выключил его. Теперь, если его друзья и придут сюда и наберут его номер, стоя за дверью, то из квартиры уже не

будет доноситься звонок. Но все-таки очень хотелось надеяться, что никаких гостей не будет. Пошел на кухню, чтобы не находиться рядом с мертвецом. Хотелось просто спокойно посидеть с полчаса.

Спокойно посидеть не дали. Не прошло и десяти минут, как раздался стук в дверь квартиры. Медленно, больше всего на свете боясь задеть в темноте за что-либо, прокрался в прихожую и, затаив дыхание, прислушался. За дверью стояла тишина. Совершенно точно на той стороне слушали, пытаюсь понять, что происходит в квартире. Может быть, даже приложив ухо к двери. Я уже устал не дышать, но боялся, что тяжелое дыхание обнаружит меня. Больше всего интересовало то, когда именно они стали слушать – после того, как постучали, или до. Особого шума я, конечно, не издавал, пока сидел на кухне, но кто его знает. Мог кашлянуть нечаянно, например. Как же здорово, что я успел выключить телефон. Ведь наверняка сейчас пытаются ему дозвониться. Интересно, сколько их там за дверью? Тезка обмолвился, что должны прийти гости, обмывать гонорар.

Нетрудно себе представить, какого рода гостей мог ждать мой новый знакомец. Эти при малейшем подозрении на что-то неладное могут и дверь вышибить. А если увидят меня рядом с трупом – устроят суд Линча. Можно не сомневаться. Но подойти вплотную и послушать не решился, так же, как и покинуть прихожую. Не знаю, сколько я так стоял в неудобной позе, не шевелясь, но мне показалось, что прошла веч-

ность. Наконец, за дверью послышался сначала шорох, а затем приглушенные голоса. Ушли? Как можно медленнее переступая ногами, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине. Прислушавшись, понял, что на лестнице продолжают находиться люди. Вполголоса они обсуждали факт отсутствия своего товарища. Имя его они не упоминали, всегда используя кличку – «Волын». Из разговора я понял, что за дверью стоят трое, и они очень недовольны отсутствием их друга, который кому-то из них должен денег. Эти друзья еще не менее получаса сидели на лестнице, пока в конце концов им это не надоело и они не покинули подъезд. От долгого нахождения в неудобной позе у меня затекли ноги, поэтому, услышав удаляющиеся шаги и хлопнувшую дверь, я испытал ни с чем не сравнимое облегчение.

Откуда-то из глубин памяти выплыл слоган: «они всегда возвращаются». Да, скорее всего, это же относится и к недавним визитерам. Для этого есть как минимум две причины: товарищ должен денег и обещал проставиться. Факт их повторного визита так сильно уже не пугал – вряд ли они будут ломать дверь. Если, конечно, я сам не дам для этого повод. Поэтому моя задача – сидеть тихо. Уйти из квартиры в ближайшие несколько часов тоже не получится – наверняка за окнами и входом в дом установили наблюдение. Придется ждать до глубокой ночи. Чтобы скоротать время и обдумать дальнейшие действия, пошел на кухню. Сначала взял было с собой бутылку пива из тех, что купил, пока здесь убивали

моего тезку, но при некотором размышлении решил больше не пить. Похоже, мне скоро очень понадобятся ясность ума и хорошая координация движений.

Сел на стул и стал делать самое полезное в подобной ситуации – думать.

7

Главная задача – избавиться от тела. Как говорили в одном фильме про плохих бандитов и хороших милиционеров, а, может, наоборот, не помню точно: «нет тела – нет дела». Если не найдут труп, то и человек официально будет продолжать жить. Мало ли, куда он мог исчезнуть. На север на заработки подался, или вообще за границу.

Если бы я был профессиональным преступником, то, скорее всего, просто разделал бы тело на мелкие части и вынес за несколько раз.

Представил себя с кухонным ножом, разрезающим человеческую плоть на куски, и чуть не вырвало.

Нет, исключено, я на такое не способен. Придется тащить целиком в ближайший лесок и там закапывать. Но покойник, хоть и не отличался богатырским телосложением, все равно килограммов семьдесят точно весил. Я, конечно, не слабак, но пронести такой вес, возможно, несколько сотен метров, не решился бы.

В обычной ситуации.

Но сейчас – другое дело.

Начал пытаться как можно подробнее вспомнить окружение дома. В стороне магазина, куда я бегал за бухлом, только какие-то гаражи. Ничего похожего на лес вроде бы не видел. Есть лесок по пути сюда от трассы, за автобусной остановкой, но небольшой. Да и место там больно людное. Хотя, часа в три ночи, особенно, если дождик пойдет, вряд ли кто туда нос покажет. Да и тащить не так далеко – от силы метров двести. Да, кстати, ведь еще и лопату где-то надо найти.

После недолгих размышлений созрел следующий план действий.

Сначала упаковываю тезку так, чтобы его удобно было нести. Потом ищу лопату. Если нахожу, то часа в три ночи иду в лесок к остановке копать могилу, затем возвращаюсь за телом и несу его на похороны. Если лопаты в квартире нет, то чуть пораньше, где-нибудь, в час ночи иду на прогулку по окрестностям в поисках подходящего водоема. Наверняка поблизости найдется какой-нибудь пруд или речка, где можно будет утопить тело. Этот вариант мне совершенно не нравился и годился, разве что, в качестве резервного. Мало того, что непонятно было, где искать этот самый водоем, так смущало еще то, что, насколько я знал, утопленники через какое-то время всплывают. Получить такой сюрприз очень не хотелось. Но что делать? Если не удастся найти лопату, то придется действовать по этому плану.

Стараясь не шуметь и подсвечивая себе фонариком, при-

нялся копать в прихожей. Если здесь нету, то и искать по комнатам нет большого смысла. Вряд ли кто будет держать у себя в комнате подобный инструмент. Когда в прихожей не осталось уголка, куда бы не залез, и я уже чертыхался про себя, полагая, что придется действовать по плану «Б», пришла мысль проверить в ванной комнате и туалете. И точно: под ванной обнаружился целый арсенал сельхозинвентаря. Вдох облегчения вырвался из моей груди. Значит, все-таки, вариант «А».

Не меньше часа возился с уборкой помещения от следов крови. Несколько раз меня чуть не вывернуло наизнанку. Кровь отвратительно пахла ржавыми гвоздями. Чтобы не делать шума, приходилось полоскать тряпки под тоненькой струйкой воды. Это сильно замедляло выполнение задачи. Критически посмотрев на результаты работы, остался вполне доволен. Конечно, при свете фонарика мог чего-то не разглядеть. Тем более что, насколько я знал из фильмов про милицию, у криминалистов имеются специальные лампы, в лучах которых пятна крови ярко светятся. Но расчет мой был на то, что никаких криминалистов здесь никогда не будет, так как никого не должно заинтересовать исчезновение простого местного пьяницы и, к тому же, явно криминального элемента.

Теперь пришло время упаковать труп. Моя прежняя деятельность совсем не предоставила опыта общения с покойниками, поэтому необходимость манипуляций с мертвецом

очень сильно напрягала. Хотя и внашал я себе, что следует бояться живых, а не мертвых, не мог отделаться от ощущения того, что он вдруг сейчас откроет глаза и заговорит. А то еще и схватит за горло. С горем пополам получилось замотать труп в одеяло, перевязав бельевыми веревками. Я заставлял себя не заострять внимание на то, каким холодным и тяжелым стало тело Тезки. Закончил, когда в соседних домах уже почти не было горящих окон. Ну вот, значит, скоро выходить копать могилу.

И тут пришло откровение. Ведь тело в могиле займет приличный объем, и если поместить обратно всю выкопанную землю, то над могилой вырастет предательский холмик. А если не всю, свежевыкопанная земля будет сигнализировать о захоронении. Да и в любом случае не удастся собрать всю извлеченную землю, а ее остатки на почве сразу все расскажут тому, кто умеет видеть. Вот, что значит – никогда не занимался такими вещами. Решение пришло на удивление быстро. Получается, всю землю из ямы надо выкидывать на кусок пленки или, на худой конец, ткани, а потом часть ее утащить куда-нибудь подальше. Еще пять минут поисков, и вот отличная находка – клеенчатая скатерть со стола на кухне.

Я взял лопату, скатерть и направился к выходу из квартиры. Какое-то время постоял у двери, прислушиваясь. Вроде, все тихо. Потихоньку открыл замок. Медленно, миллиметр за миллиметром стал открывать дверь. Когда щель стала до-

статочно широкой, чтобы в нее заглянуть, осмотрелся. Все чисто. Быстро распахнул дверь и так же быстро закрыл её за собой. Перед тем, как покинуть квартиру, из окон внимательно осмотрел подходы к дому. Ничего подозрительного не заметил. Но все равно, когда вышел на лестницу, было слегка не по себе. Стоп! Мысль обожгла, заставив руку, уже схватившуюся было за дверь, остановиться. Я что, собираюсь оставить квартиру открытой? Значит, надо искать ключи. Положил ношу и вернулся в комнату. Стараясь не смотреть на упакованное тело, пошарил глазами вокруг. На спинке стула висела куртка Тезки – наверняка ключи там. Точно – в кармане звякнула связка.

Сперва хотел было переложить ключи к себе, но тут в голову пришла, как показалось, дельная мысль: надеть сейчас на улицу куртку Тезки. Моя-то легкая ветровочка из тонкой синтетической ткани явно не по сезону. Ветром продувает, дождем промокает, а тут толстая прочная натуральная кожа, да еще и с теплой подкладкой. Померил – оказалось впору. Как раз нормально будет, чтобы полночи орудовать лопатой под дождем и промозглым ветром. Вернусь – переоденусь обратно. Сделав пару шагов к двери, вернулся, переложил все ценные вещи из моей куртки в тезкину. На всякий случай.

Еще в прихожей вытащил связку ключей, выбрал наиболее подходящий, вставил и прокрутил. Работает. Лучше подобрать заранее, а не возиться с ключами на лестничной пло-

щадке. Прислушался к обстановке снаружи – ни звука. Ну, теперь, как говорится, с Богом! Схватив скатерть и лопату, решительно распахнул дверь и шагнул из квартиры. Крутанул ключ на два оборота и спустился по лестнице к выходу на улицу.

Подходящее место искал недолго. За автобусной остановкой был небольшой перелесок глубиной метров двести, так что никакой случайный прохожий с дороги в такую темень при всем желании ничего не смог бы рассмотреть. Да и прохожих-то, похоже, сейчас днем с огнем не найдешь. Один раз только по дороге проехала машина, едва завидев свет фар которой я поспешил заблаговременно отойти с обочины в кусты. Городок словно вымер. Может, погода виновата?

Остановившись в выборе места, штыком лопаты разметил очертания будущего последнего пристанища моего тезки, ровными квадратами стороной сантиметров по тридцать снял слой дерна, аккуратно складывая куски рядом со скатертью землей вверх, и принялся копать. Тупая механическая работа, не требующая постоянного принятия решений, к каковой относится и копка могил, весьма способствует размышлениям. Но обилие впечатлений последних дней, боль от утраты Машуни и гнет грозившей опасности совершенно не давали собраться. Мысли роились тучей насекомых. Ощущение, будто невозможно задержать взгляд на одном предмете более секунды, так как все резко меняет свое направление, вырывается, и на месте одного вопроса тут же появля-

ется другой. Не удавалось сосредоточиться на решении конкретной задачи, которую предстояло выполнить в самое ближайшее время – транспортировке сюда тела горе-киллера. И дело было не только и не столько в опасности этого мероприятия, так как всегда был риск нарваться на нежелательного свидетеля. Я до сих пор так и не смог придумать способа, с помощью которого можно было бы переместить тушу килограммов в семьдесят на три сотни метров безо всяких технических устройств. На горбу бы его, наверное, донес. Но в том, что сумею взвалить его на спину без посторонней помощи, были очень большие сомнения. В фильмах про войну девочки-санитарки волоком вытаскивали здоровенных раненых мужиков с поля боя. Представил, как волочу по земле тело тезки, и стало плохо.

Насколько я слышал, стандарт глубины могилы – два метра, но, прокопав сантиметров шестьдесят и потратив на это не меньше часа, решил, что для данного конкретного случая хватит и полутора. Затем дело пошло еще медленнее, так что, когда стенки оказались чуть выше пояса, я понял, что надо прекращать. Воткнув лопату в твердое глинистое дно, выкарабкался по склизким стенкам наверх. Постоял немного, при свете фонарика оценивая плоды своего труда. Ладно, пойдет!

На обратном пути озирался по сторонам в надежде, что повезет найти хоть какую-нибудь тележку или тачку, но тщетно. При подходе к дому тезки решил сделать небольшой

кряк, с тем, чтобы подойти к нему, имея возможность еще издалека оценить обстановку. Я обогнул угол дома напротив, и впереди показался знакомый подъезд.

Стоп! Я остановился как вкопанный – на первом этаже одиноко светилось окно. Окно в квартире убитого тезки. А тот ли это дом? Может, в темноте просто заблудился? Чтобы удостовериться в том, что я не ошибся, пришлось выйти на дорогу. Ну, да – вон там магазин, с другой стороны какие-то гаражи. Пока гулял, ожидая, пока тезка улаживал вопросы с «человеком от заказчика», удалось неплохо ознакомиться с окрестностями. Значит, никаких сомнений – в комнате убитого кто-то есть. Интересно – кто? Может, уже наряд милиции? Тогда мне надо валить отсюда, и чем скорее, тем лучше. А то пустят сейчас собачку по следу, и мне крышка. На сколько же я опоздал? Эх, надо было тезку сразу тащить. Но теперь уже, как говорится, поезд ушел. Наверняка найдется куча свидетелей, видевших, как мы заходили вдвоем. Какая-нибудь глазастая старушка даст мои подробные приметы, и все – гулять мне на свободе до первого патруля.

В глубине души продолжала теплиться надежда на то, что с окном я все-таки обознался. Решил проверить и снова зашел во двор. У подъезда тезки за время моего отсутствия появилась машина. Какой-то «жигуль», похоже, «шестерка». Милиция? Надписей вроде не видно. Хотя это ведь может быть какая-то оперативная машина. Любопытство перевесило страх. Я выбрал удачную позицию в полусотне метров и

стал наблюдать. Долго ждать не пришлось – минут через пять дверь подъезда открылась, и в проеме показался, озираясь, лысый, крепко сбитый мужик в кожаной куртке лет тридцати с небольшим. Больше смахивает на бандита, чем на стража порядка. Хотя, кто их сейчас разберет. Выйдя на улицу, он распахнул дверь шире и, придерживая ее ботинком, развернулся спиной ко мне и стал помогать вытаскивать что-то через проем тому, кто пока еще находился внутри. Наконец, на улице появилась вся процессия. Кроме лысого мужика, вышедшего первым, я увидел еще двух парней помоложе, с трудом тащивших длинный и явно тяжелый сверток, в котором легко узнавалось лично мною упакованное тело тетки. Лысый мужик открыл багажник, и они все вместе быстро затолкали тещку туда. Затем вся троица села в машину. Резкий старт с перегазовкой, и, мигнув пару раз на прощанье фонарями стоп-сигналов, «жигуль» скрылся из виду.

Похоже, ребята решили выполнить мою работу. Ну и, как говорится, флаг им в руки. Немного поразмыслив, понял, что произошло. Друзья моего тещки, похоже, не отказались от затеи проникнуть к нему. Что вполне естественно с их стороны, если учесть, что кому-то из них он должен денег, да и к тому же обещал «накрыть поляну». А увидев своего друга мертвым, оказались перед таким же выбором, что и я несколько часов назад. И точно так же поразмыслив, решили, что вызов милиции не сулит им ничего хорошего. Остается только надеяться, что друга своего они нормально по-

хоронят, а не выкинут где-нибудь на пустыре. Все же в их интересах, чтобы он нигде не всплыл.

Ну, тетка, да будет земля тебе пухом!

Осознав, что отпала необходимость в выполнении такой тягостной работы, что угнетала меня все последние часы, я испытал настоящую эйфорию. Спустя секунду вспомнил, что оставил в квартире свою куртку и следующую минуту стоял, борясь между инстинктом самосохранения и, даже не жадностью, потому что стоила она совсем немного, а просто жалостью к привычной вещи. Осторожность взяла верх, и я побрел, куда глаза глядят. Куртку все равно было жаль. Мы ее покупали на рынке вместе с Машуней, и она была одним из немногих оставшихся материальных символов связи с прошлым.

Ноги сами вынесли на трассу. Дальше продолжил двигаться в сторону Серпухова, шарахаясь в кусты от света фар приближающихся машин. Который же сейчас час? На мгновение пожалел, что не взял тезкин телефон, но тут же решил, что таскать с собой мобильник убитого – все равно, что самому себе вырыть могилу. Еще в самом начале пути почувствовал озноб, который со временем только усиливался. Когда дошел до моста через довольно широкую речку, уже всего трясло не по-детски. Похоже, все-таки простудился. Хожение под промозглым дождем в тонкой курточке принесло свои плоды.

При свете фонарей оглядел себя. Господи, какой кошмар!

Весь в глине с ног до головы. Решив, что показываться в городе в таком виде не только неприлично, но и просто опасно, спустился к воде, пытаясь то руками, то пучками вырванной травы смыть грязь. После довольно долгих усилий это, в некоторой степени, удалось. По крайней мере, уже не выглядел так, будто мною играли в футбол на болоте.

Пока чистился, пару раз от слабости и головокружения чуть не свалился в мутные бурлящие воды реки. Слава Богу, обошлось, но, видимо, дело серьезное: надо лечиться, а то ведь так недолго и ноги протянуть. Накинул куртку, безуспешно пытаясь застегнуть ее онемевшими от ледяной воды пальцами, поднялся на мост и побрел дальше, по направлению к вокзалу, указанному стрелкой дорожного знака. Небо начало сереть, предвещая утро.

Каждый шаг приходилось делать усилием воли. Ничего не замечая вокруг, волочил ноги, повинуюсь одной цели: во что бы то ни стало дойти до вокзала. Хотя, если поразмыслить, вряд ли я нашел бы там доброго волшебника, вмиг решившего все мои проблемы. Но мозг был уже практически неработоспособен. Максимум, что он мог сделать – это дать телу хоть какую-нибудь близкую реально выполнимую задачу.

В детстве читал книгу про летчика Маресьева, который полз по зимнему лесу восемнадцать дней с отмороженными ногами. Тогда мне показалось, что это почти невозможно. Сейчас, когда мне предстояло на здоровых ногах, хоть и в простуженном состоянии, пройти какие-то восемь-десять

километров, и для этого я вынужден был прикладывать нечеловеческие усилия, решил, что автор книги преувеличил или вообще все придумал. Человек не способен на такое, чтобы спасти себе жизнь. Разве что им двигала бы какая-то очень важная цель. Гораздо более важная, чем спасение собственной шкуры. Стремление спасти жизнь близких, например. Или ненависть к врагу и жажда мести. Последнее умозаключение тут же вызвало ассоциативный ряд, связанный с гибелью моей Машуни.

Перед глазами возникло ее мертвое, искаженное гримасой боли лицо, тут же сменившееся мерзкой физиономией Упыря, несомненно, причастного к ее смерти.

Затем всплыли довольные тупые хари тех двух ментов, что приехали по вызову. И что – я им все это так и прощу? Накативший приступ ненависти и с новой силой проснувшаяся жажда мести свершили чудо – слабость и головокружение почти пропали, даже озноб куда-то делся. Будто допинг принял. Вот уж поистине, сознание управляет бытием.

Вот, наконец, и вокзальная площадь. Аккуратное, приятного бежевого цвета, здание вокзала. Бросил взгляд на квадратный циферблат часов на самом верху – восемь с копейками. На последних метрах действие допинга пропало, и я еле доковылял до дверей. Внутри ждал неприятный сюрприз: в зал ожидания без билетов не пускали. Пришлось идти к кассе и брать билет до ближайшей станции. Благо, что очередь было небольшая.

Зал ожидания был почти пустой. Я сразу направился к самому дальнему от входа месту и только успел подумать: «как же мало человеку нужно для счастья», едва почувствовав твердый пластик кресла под задницей, как провалился в черную пустоту.

– Эй, уважаемый! – что-то трясло меня, и я никак не мог понять – снится мне это, или происходит наяву. Тряска не прекращалась, и я слегка приоткрыл глаза. Передо мной торчали ноги в серых форменных милицейских штанах. Ноги почему-то располагались под прямым углом к вертикальному положению. Тряска усилилась. Наконец, сознание полностью вернулось в реальность, и я понял, что ноги-то как раз находятся в правильном положении, а горизонтально располагаюсь я сам. И ноги эти принадлежат сотруднику милиции, довольно энергично трясущему меня за плечо. Сел, пытаюсь сфокусировать зрение. До конца это так и не удалось. Голова закружилась, и только рука блюстителя порядка, цепко держащая меня, не дала снова лечь. Три пятнадцать – машинально отметил время на часах, висящих на стене зала ожидания. Да, неплохо так подремал.

– Уважаемый, можно ваши документы?

С некоторым опозданием до меня дошло, что обращаются ко мне. Я начал хлопать себя по карманам, пытаюсь на ходу выдумать причину, почему у меня их с собой сейчас нет. И тут ладонь ударилась обо что-то твердое в левой стороне груди. Черт! Вот уж, правда – совсем мозгов нет – не догадался

проверить содержимое тескиной куртки. Полез во внутренний карман и выудил оттуда паспорт. Едва успел раскрыть, как патрульный выхватил его у меня из рук. Чудом удалось разобрать фамилию и отчество. Остается только надеяться, что дату рождения проверять не станет.

– Куда путь держим?

– В Москву.

– Выпивали? – надо же, какой вежливый попался – все на «вы». Даже удивительно. С тех пор, как выпивал, времени прошло уже достаточно, для того, чтобы запах улетучился, поэтому со спокойной совестью можно утверждать, что не употреблял.

– Нет, просто заболел.

Услышав это, страж закона инстинктивно сделал полшага назад и отдал обратно паспорт. Это неосознанное, но хорошо различаемое со стороны движение развеселило, хотя я и не подал вида, что заметил что-либо.

– А зачем в Москву?

О, Господи! Какой же ты любопытный! Когда же ты отста-нешь, наконец, от меня?

– Работаю там. Химиком. Технологом. На заводе, – медленно, расставляя паузы между словами, ответил я.

– На каком заводе? – недоверчивым взглядом окинул меня с ног до головы. Ну, да, технологи, в его представлении, не бывают по уши в засохшей грязи. Хотя и потерял я полчаса под мостом на чистку, все равно выглядел как натуральный

бомж.

– Опытное производство ВНИИХТ. Лихоборская набережная, дом одиннадцать, – я мгновенно вспомнил, где проходил институтскую производственную практику, и добавил, – секретное оборонное предприятие, «почтовый ящик».

В глазах у патрульного мелькнуло уважение. Он козырнул, пожелал счастливого пути и повернулся спиной. Ну, слава Богу! По всему телу разлилась волна облегчения. Но страж порядка, сделав несколько шагов, вдруг неожиданно остановился и развернулся. Черт! Ну что ты еще придумал?

– Вон там, в соседнем здании, – он слегка махнул рукой в сторону, – есть медпункт. Вы бы сходили туда.

– Да, спасибо, конечно. Еще чуть-чуть посижу и обязательно схожу.

Встать и куда-то идти сейчас было практически невыполнимой задачей. Я закрыл глаза и тут же полетел в черный бездонный колодец.

– Молодой человек!

Кажется, это снова ко мне. Ну, почему же мне никак не дадут спокойно отдохнуть? Я открыл глаза и тут же забился в кашле. Оказывается, пока спал, тело опять приняло горизонтальное положение. Сел, но кашель никак не прекращался. Когда через некоторое время слегка отпустило, я обнаружил перед собой женщину средних лет в белом халате с надетой поверх него курткой и рядом с ней опять того же патрульного, что ранее подходил ко мне. Женщина внима-

тельно глядела мне прямо в глаза. Затем взяла руку и стала мерить пульс.

– Надо к нам вести, – отпустив, наконец, мою руку, обратилась она к патрульному.

– Вставай, в санчасть сейчас пойдешь.

Похоже, и в самом деле так будет лучше. Кивнул головой и попытался встать. Но не рассчитал силы – закружилась голова, ноги подкосились, и я повалился врачихе прямо на руки. Ситуацию спас вовремя подскочивший патрульный. Поддерживая вдвоем за локти, меня вывели из зала и потащили по улице. Слава Богу, недолго, хотя во время пути несколько раз приходилось останавливаться, когда меня одолевали приступы кашля. Метров через двести показалось одноэтажное строение барачного типа непонятного – не то грязно-желтого, не то бежевого цвета за невысоким забором из металлической сетки. Барак настолько не имел ничего общего с тем, как, в моем представлении, должно выглядеть медицинское учреждение, что где-то в глубине зашевелилось нехорошее подозрение. На секунду возникло даже желание вырваться и убежать, но тут заметил табличку над дверью, гласившую, что этот барак действительно является медсанчастью железнодорожной станции «Серпухов». Дверь открылась, и в нос ударил медицинский дух, который ни с чем не спутать.

Патрульный тут же скрылся, как мавр, сделавший свое дело, и я остался наедине с врачихой, которая завела меня в

кабинет, сунула термометр и заставила раздеться до пояса.

– Фамилия, имя, отчество, – спросила она, не отрывая головы от заполняемых документов. Я ответил, назвав данные тезки.

– Адрес?

Черт! Что же делать? Не могу же я сказать, что забыл свой адрес. А также дату рождения. Тут на помощь подоспел очередной приступ кашля. Сделав вид, что совершенно не могу говорить, дотянулся до куртки, вынул паспорт и протянул ей.

Наконец, врачиха закончила свою писанину, сунула в уши трубки стетоскопа и занялась мной. Судя по тому, что тетка нахмурилась и покачала головой, дела мои обстояли не самым лучшим образом.

– Доктор, я буду жить? – произнес я полушутливым – насколько позволяла обстановка – тоном.

– Не знаю, – ответила она вполне серьезно, так, что вмиг улетучилось всякое желание шутить, – больше всего похоже на воспаление легких, причем в тяжелой форме. Так что вероятность летального исхода довольно высокая.

Несмотря на всю серьезность ее тона, в этот самый летальный исход я все равно не поверил. Столько пережить, чудом вырваться из лап оборотней в погонах, чтобы вот так глупо умереть от простуды? Нет, так не бывает! Это было бы просто каким-то издевательством.

– В больницу сейчас поедешь. Я не шучу. Если не начать сейчас интенсивное лечение, то на самом деле через пару

дней можешь умереть. Когда начались симптомы?

– Да, совсем недавно. Фактически, сегодня утром.

– Сегодня утром? Ну, вот видишь, как прогрессирует болезнь.

Тетка явно приготовилась уговаривать, ожидая с моей стороны наиболее распространенную реакцию обычного человека на необходимость лечь в больницу. Но вот как раз меня-то уговаривать было совершенно не нужно. Даже наоборот – сейчас я видел в этом прекрасную возможность пусть на короткое время, но решить проблемы кормежки и крыши над головой. Главное, не демонстрировать радость очень уж откровенно, а то это может вызвать совсем ненужные в моем положении подозрения.

Так или иначе, не прошло и получаса, как выдавший виды УАЗик с красным крестом доставил меня в утопающую в глубине соснового бора больницу, где меня быстро оприходовали в инфекционное отделение.

8

В палате, куда меня определили, находилось еще десять человек. Не пять звезд, конечно, но на лучшее, честно говоря, и не рассчитывал. Я слышал, что в провинциальных больницах люди вообще в коридорах лежат. Мне выделили койку в центре палаты, еще одна соседняя была свободна. Я бы, конечно, предпочел место в углу, но все угловые были

заняты. Ладно, будут освобождаться – попробую переехать.

Первый день прошел без особых событий: уколы каждые восемь часов, процедуры. Кормежка, в принципе, нормальная – жить можно. За сутки мое состояние заметно улучшилось. Я спокойно мог передвигаться самостоятельно без опасения потерять равновесие и грохнуться на пол. Возможность спокойно полежать в мягкой теплой постели с закрытыми глазами наедине со своими мыслями – боже, как же мне не доставало этого в последние дни! Это же настоящее счастье. Единственное, что сильно портило настроение – шумная компания из трех-четырех молодых людей. Время от времени кто-нибудь из них откалывал очередную тупую остроу, над которой они дружно ржали во всю глотку. Каждый раз это происходило, как назло, именно в тот момент, когда я пытался сосредоточиться на какой-либо мысли.

Время от времени начинал было уже подбирать слова, чтобы попросить их вести себя потише, но всякий раз приходил к пониманию того, что просто не знаю, как общаться с подобными существами. Обычно такие особи на вежливое обращение реагируют как на проявление слабости. А слабость для подобных зверьков является резким и ясным сигналом – «передо мной – добыча». Тем более, если вокруг еще присутствуют зрители, перед которыми нужно обязательно подтвердить занимаемую в стае иерархическую ступень.

Но в то же время слишком жесткое требование с еще большей долей вероятности вызовет агрессию с их стороны. Если

вдруг они решили, что ваша ступень ниже, чем у них, то реакция будет быстрой и максимально грубой. Разговаривать с ними надо на их языке, которому мне негде было учиться. О чем я теперь жалел.

Утром следующего дня, как раз перед самым завтраком, почувствовал какое-то непонятное оживление в палате. Открыл глаза и увидел, что все население, за исключением разве что совсем дряхлых стариков, начали суетиться, на лицах появилось возбужденное выражение, какое обычно бывает у алкоголиков в предвкушении выпивки. Некоторые стали произвольно приглаживать ладонями волосы. Это всеобщее возбуждение заинтриговало. Я даже приподнялся спиной на подушку.

Наконец, благодаря отпущенной одним из той самой шумной компании скабресной шутке, догадался, что на дежурство в нашем отделении заступила какая-то молодая и симпатичная врачиха. И ее появление у нас не заставило себя долго ждать.

– Здравствуйте, мальчишки! – и миг, словно еще несколько ярких ламп зажглось в палате. Да, теперь стало очень понятным то легкое помешательство, которое охватило мужчин перед ее визитом. Высокого роста, с длинными каштановыми волосами и большими голубыми глазами, молодая, лет тридцать или около того, стройная, красивая. Одним словом, мечта любого самца. Такие всегда имеют сногшибательный успех у сильной половины. Но именно поэтому я за подоб-

ными представительницами слабого пола никогда не пытался приударять. Конкуренция, которая происходит у мужиков в их присутствии, со стороны выглядит весьма глупо. По крайней мере, мне так всегда казалось. И я еще со школьной скамьи считал, что участвовать в таком состязании – значит, в какой-то степени унижать свое достоинство. Возможно, я подсознательно ощущал – открыто демонстрировать свою заинтересованность в чем-либо – значит чувствовать неуверенность в том, что ты этого достоин. Но женщины, в основном, достаются тем, кто их активно добивается.

Хотя меня это абсолютно не огорчает – ведь мне все равно досталась лучшая из всех. Тут я представил мою жену, мою Машуню и почувствовал глухое раздражение от атмосферы суматохи вокруг. Боль утраты кольнула ножом в самое сердце. Меня захлестнуло ею целиком. Тем временем Наталья – так звали врачиху – деловито обошла всех, расспросила о самочувствии. Подошла к моей кровати, поглядела на прикрепленную в ногах табличку с графиком температуры.

– На что жалуемся, больной?

Интересное обращение к пациентам у медперсонала. Ведь обратишься так к человеку в нормальной обстановке – непременно оскорбится. В обычной жизни если больной, так обязательно на голову. Хотя, здесь здоровых и не должно быть. Значит, все правильно.

Я вежливо ответил, что уже намного лучше, боли в груди почти исчезли, кашель мучает меньше. Пока говорил, за-

метил, что в её глазах цвета горного озера появился интерес. В другое время в ответ на это обязательно выдал бы какую-нибудь шутку. Не то чтобы начал флиртовать, а просто из вежливости дать понять молодой красивой женщине, что она мне интересна. Мне кажется, всем женщинам важно чувствовать к себе мужской интерес. Но сейчас я был на это просто не способен. Пережитое постоянно давило грузом, не давая расслабиться ни на мгновение. Кажется, она осталась разочарована моим неприветливым тоном. Не обижайся! Я ведь совсем не хотел тебя обидеть. Если бы ты знала, что со мной произошло, то поняла бы.

– Если все будет так идти дальше, то дней через десять можно будет выписываться – сказала она довольно холодно, тут же повернувшись ко мне спиной. Значит, все-таки, обиделась, а зря. Похоже, женщины, привыкшие к повышенному интересу у мужчин, уже простое отсутствие знаков внимания воспринимают как оскорбление.

Тем временем все шло своим чередом. Дни проходили, похожие один на другой, словно вороны на линии электропередач. Организм потихоньку приходил в нормальное состояние – слабости уже практически не ощущал, боль в груди пропала, да и кашель стал намного легче. Я стал готовиться к скорой выписке. Поздно вечером, когда выключали свет и все, наконец, утихомиривались, строил планы на будущее. То, что мне вдруг совершенно случайно достался чужой паспорт, который, вдобавок ко всему, никогда не будет считать-

ся утерянным, облегчало мою ситуацию. По крайней мере, проверка документов мне будет не страшна – рожа моего тезки на фотографии не так уж сильно отличается от моей собственной. Если, конечно, постричься налысо. Но еще лучше бороду отрастить. Она неплохо маскирует.

Насчет бороды я впервые подумал, когда, умываясь, взглянул на свою обросшую физиономию в зеркало. Сперва хотел попросить кого-нибудь из медперсонала купить в киоске бритвенный прибор и ликвидировать недельную щетину. Но, поразмыслив, решил, что борода может пригодиться.

К шумной компании молодежи я уже привык. Видимо, так же, как привыкают к громким звукам живущие рядом с железной дорогой или аэродромом. Но взамен появилась другая напасть – необычайно въедливый и любопытный мужичонка, который занимал соседнюю кровать. Я просто не знал, куда спрятаться от его постоянных расспросов. Он доставал меня везде, где только можно. Если бы из нашего отделения выпускали, то еще можно было попробовать уйти куда-нибудь подальше, но мы, инфекционники, сидели взаперти, как в тюрьме. Уйти можно было разве что в туалет или общий зал. В туалете долго не просидишь, в зале мужики обычно смотрели по телевизору футбол или дурацкие сериалы. Где бы я не находился, этот тип тут же прилипал ко мне, начиная рассказывать о себе и навязчиво пытаясь выудить хоть какие-нибудь сведения обо мне.

Поначалу закралось подозрение, что он засланный каза-

чок из органов, но внешность его очень слабо увязывалась с представлением об облике тайного агента: небольшого роста, плюгавенький, с маленькими близко посаженными прямо-таки свиными глазками. Хотя внешний вид часто бывает обманчив.

На всякий случай придумал себе легенду, которая, мне хотелось надеяться, помогла бы избежать лишних расспросов насчет потенциальных общих знакомых. По этой легенде я сам работаю в Москве, куда приехал из Петрозаводска, а в поселке Большевик просто прописался у малознакомых людей за деньги. Место работы в столице указал то же самое, что и патрульному на вокзале. Петрозаводск также всплыл не случайно. Там я был несколько лет назад по служебным делам и успел немного познакомиться с городом. Любопытный мужик вряд ли был там хотя бы раз.

Оставались считанные дни до выписки, когда вдруг освободилась кровать в углу. Не теряя времени, побежал к дежурному врачу договариваться о переселении. Хоть три-четыре дня полежать как белый человек, к тому же подальше от потенциального тайного агента в лице разговорчивого соседа. В этот день дежурила Наталья, и я надеялся, что она даст добро на переселение. К тому времени она уже забыла свою обиду на меня. Во второе на моей памяти дежурство симпатичной докторши я похвалил её улыбку, которая способствовала выздоровлению даже самых тяжелобольных пациентов. И стройную фигуру, чтобы наверняка. Наталья рас-

таяла.

Все получилось, как и ожидал. Добро на переселение мне дали, и я побежал обратно в палату. Картина, увиденная мною, заставила застыть в дверях. Один из той самой шумной компании, как раз самый молодой и крикливый, свернув и сбросив на пол находившиеся на освободившейся кровати матрас и постельные принадлежности, деловито размещал на ней свою постель.

Этот пиратский захват на некоторое время ввел меня в ступор. Секунд двадцать я просто стоял в проеме и молча смотрел на это безобразие. Но затем постепенно нараставшее возмущение подвело к осознанию необходимости вмешаться в ситуацию. Еще несколько секунд подбирал слова.

– Эй, братан! – наконец, обратился к захватчику, – мне Наталья только что разрешила занять это место.

Сообразив, что это относится к нему, оппонент на какое-то время сделал паузу в своих манипуляциях с кроватью и обернулся в мою сторону. Посмотрел на меня оценивающе и пренебрежительно.

– Слушай, чувак, – негромко сквозь зубы проговорил он, – а где ты раньше-то был? Все, поздняк! Это место теперь – мое!

– Я у Натальи разрешение спрашивал, – сделал я попытку возразить, уже подсознательно ощущая, что без конфликта разрешить спор в мою сторону, скорее всего, не удастся.

– Те чё, в натуре, не догоняешь? Надо было шконку зани-

мать, а не бегать разрешение спрашивать.

Драться за место я не видел никакого смысла, поэтому наиболее разумным выходом было просто уступить. Хотелось только уступить так, чтобы не потерять при этом чувства собственного достоинства. Плохо, что опыта коммуникации с представителями таких социальных слоев я не приобрел. Было бы гораздо проще улаживать подобные ситуации. После довольно затянувшейся паузы, удалось выдать из себя:

– Ну, ладно, братан! Короче, я понял – типа, в большой семье ничем не щелкай. Хрен с ним – мне все равно скоро выписываться, – и постарался изобразить на лице примирительную улыбку.

– Давай-давай, вали нафиг, – метнул в мою сторону торжествующий взгляд захватчик. Что же за урод-то такой – никак не может без того, чтобы лишний раз не унижить человека. Казалось бы, противник отступил, ну прояви ты хоть капельку великодушия, дай возможность сохранить лицо. Ты же добился того, чего хотел – зачем плодить врагов? Нет, похоже, никогда я не научусь общаться с подобными моральными уродами. Пришлось проглотить. Дальнейшее развитие конфликта грозило перерасти в открытые боевые действия. Подонка этого я не боялся – физически он был развит заметно хуже меня. Но, учитывая потенциальную поддержку в виде пары таких же ублюдков-дружков, перевес был бы явно не на моей стороне. Да и вообще, не буду же я драться

в больнице. Ладно, действительно, хрен бы с ним. Два-три дня как-нибудь потерплю. И лег на свою старую койку, от-вернувшись к окну.

Я закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на пла-нах на ближайшее будущее.

Каких-то пару недель назад даже помыслить не мог о том, что со мной такое может произойти.

Господи, может, все мне снится? Похищение, убийства, побег, больница. Может, сейчас проснусь в нашей маленькой съемной квартирке, увижу рядом мою Машуню, расскажу ей про этот кошмарный бред, вместе посмеемся, и все опять будет как прежде.

Но долго наслаждаться своими мыслями мне так и не уда-лось.

– Эй, чмо! – раздался возглас из того самого угла, где находилась койка, на которую я так неудачно претендовал. Оклик был достаточно громким, чтобы резко вырвать меня из задумчивой отрешенности. Автором его был захватчик кровати. Я не отнес его возглас на свой счет. Просто выру-гался про себя за то, что в очередной раз эти придурки от-влекают от размышлений. И уж тем более не принял это в свой адрес.

– Эй, я тебе говорю! Как там тебя? Оглох, что ли? – снова донесся этот же голос с узнаваемыми наигранными уголов-но-бандитскими интонациями. Палата вмиг притихла, как природа перед грозой. До меня дошло, что это обращение,

скорее всего, относится ко мне. Я не спеша приподнялся на кровати и развернул голову. Так и есть, парень смотрел прямо на меня. Боковым зрением отметил, что в мою сторону устремлены взгляды всех остальных присутствующих в палате.

– О! Откликнулся. Значит, теперь тебя так и будут звать, – глядя прямо в глаза, произнес он, – будешь мне еду из столовки носить. Ты понял, чмо?

К такому обороту я совсем не был готов, но подсознательно уже чувствовал, что без драки из ситуации выкрутиться не получится. Черт! Ну почему я пошел в химики, а не в психологи? Психолог бы, наверное, разрулил. И вот такой же выродок, как этот, убил мою жену. Мысль эта, едва оформившись, наполнила голову злой тяжестью. Через секунду я уже смотрел на своего противника совсем другими глазами.

Передо мной теперь был не просто агрессивный придурок. Сейчас он превратился в смертельного врага, виновного в смерти любимой женщины.

Я медленно встал и, не отрывая взгляда от его лица, молча пошел прямо на него. В глазах потемнело от приступа необъяснимой, просто звериной ярости. Уж не знаю, что в этот момент выражала моя физиономия, но когда до него оставалась пара метров, в его глазах явственно промелькнуло выражение ужаса. Он начал подниматься с кровати, и в тот момент, когда его голова оказалась на уровне моих плеч, я не раздумывая, совершенно автоматически провел ему в скулу

хук левой.

Результат был ошеломляющим: парень отлетел на метр в сторону и рухнул в пространство между койками. «Надо же, – удивился сидевший во мне сторонний наблюдатель, – а ведь лет пять не тренировался». Когда-то я действительно занимался боксом, но это было в прошлом. Глаза застилал кровавый туман, и я уже себя не контролировал. Поле зрения сузилось до размеров лица моего врага. Все напряжение последних дней вылилось сейчас в эту всепоглощающую ненависть. Вдруг показалось, что этот гад сейчас олицетворяет все то зло, которое обрушилось на меня. Я схватил его за лямки майки и поволок по полу к выходу. Перед дверью он попытался встать, но я не позволил ему этого, с размаху вре-зав кулаком прямо между глаз. Враг упал и затих. Не знаю, что бы я с ним сделал, если бы кто-то вдруг не схватил меня сзади за руки. Очень может быть, что просто забил бы ногами до смерти. Почувствовав нападение с тыла, наугад двинул назад ногой и саданул, не глядя, локтями. Сзади взвыли, и руки, пытавшиеся меня удержать, разжались – значит, попал удачно. Развернувшись вполоборота, обнаружил, что нападавшим был один из дружков моего врага. Тот с выражением непередаваемого ужаса на лице отшатнулся, явно не собираясь разделять судьбу своего приятеля.

Но, в общем-то, свое дело он сделал – спас своего дружка. Этой секундной паузы мне хватило, чтобы восстановить над собой контроль. Я повернулся к поверженному врагу боком,

и, обводя взглядом всю палату, задерживаясь, главным образом, на его друзьях, медленно и тихо произнес:

– Если хоть одна сука еще мне такое скажет – будет то же самое.

Никто из присутствующих не издал ни звука. В полнейшей тишине я подошел к своей койке и уже собрался, было лечь, как вдруг распахнулась входная дверь, и в проеме показались дежурный врач с медсестрой.

– Что у вас здесь произошло? – фальцетом выкрикнул врач, испуганно наблюдая за тем, как моя жертва ползала по полу, безуспешно пытаясь встать на ноги. За время моего пребывания в больнице этот доктор дежурил всего пару раз. Он с самого начала мне не понравился. Прежде всего, своим совершенно формальным подходом к исполнению обязанностей. Да и внешность его никак не могла вызвать уважения – небольшого росточка, с заметно выделяющимся брюшком и глубокой залысиной. С пациентами особо не разговаривал, подойдет, задаст стандартный вопрос о самочувствии и, не дожидаясь ответа, бежит дальше. Похоже, сейчас он как раз сменил Наталью.

– Да все нормально. Леха тут споткнулся и упал, вот об угол кровати стукнулся, – раздался голос, кажется, кого-то из его друзей. Ага, значит, его зовут Леха. Ну, слава Богу, выручил. А то перебраться из больницы прямо в милицию как-то совсем не хотелось.

Доктор недоверчиво поглядел на говорившего, затем пе-

ревел взгляд на, наконец-то, поднявшегося Леху.

– Что с вами?

– Нормально все, – выкашлял из себя страдалец, покачиваясь и делая машинальные движения руками, будто отряхивая с боков невидимую пыль.

– Вы действительно сами упали? – глядя ему в глаза, продолжал доктор.

– Упал, – пробурчал он себе под нос.

Врач стал внимательно рассматривать его физиономию, затем, схватив пальцами за нижнюю челюсть, начал поворачивать голову туда-сюда. Я заметил, что вокруг глаз захватчика койки уже начали расплываться темные круги. Не очень-то похоже на падение. Но, судя по всему, доктор решил особо не заморачиваться. Разжал пальцы и велел парню лечь на кровать.

Побитый захватчик слегка кивнул и сделал было шаг в сторону моей несостоявшейся койки, но тут вдруг замешкался, бросив на меня быстрый взгляд. Я отвернулся, усмехнувшись. Бедняга не знал, лишился ли он своего приобретения, и из-за этого пребывал в явной растерянности. Дурак! Так ничего и не понял. Мне достаточно было уже того, что я защитил свое достоинство, а койка – что ж, я сам признал ее за ним, и захватывать чужое имущество считал не вправе.

Правильно оценив ситуацию, он, не глядя в мою сторону, уверенным шагом проследовал в угол и плюхнулся на койку. Дверь за доктором закрылась, но гнетущее гробовое молча-

ние в палате оставалось еще долго. На завтрак в столовой тоже не было обычного оживления. Каждый молча пережевывал свою порцию, а закончив, так же беззвучно относил грязную посуду и шел на выход. Я обратил внимание, что за столом вокруг меня образовалось обширное пустое пространство, как если бы я страдал проказой. Не стал исключением даже надоевший мне своими расспросами мужичонка, раньше всегда подсаживающийся рядом. Побитый Леха пошел в курилку, следом потянулись два его приятеля. Один в дверях слегка обернулся, взглянув на меня искоса. Взгляд этот зародил какую-то смутную тревогу. Я допил свой чай, отнес посуду на столик в углу и пошел в палату.

Несколько человек, видимо, те, кто не курит, уже находились на своих местах. Остальные постепенно подтягивались из курилки. Последней в палату вернулась компания палатных террористов, во главе со своим побитым командиром. С их возвращением, как ни странно, намного шумнее не стало, вели они себя на удивление тихо, не хохотали и разговаривали вполголоса. Это меня сильно обрадовало, так как дало возможность спокойно лежать, погружившись в свои мысли. Тишина способствовала раздумьям, но её было недостаточно. Воспоминания хаотично вертелись в голове, устраивая там форменный бардак. К многочисленным событиям последних дней добавилось еще и сегодняшнее происшествие. Что же мне так везет? Карму подпортил кто-то что ли? После пары часов такого лежания мне так и не удалось наметить

никакого путного плана действий на ближайшее после выписки из больницы время. Попросить что ли успокоительно-го? Для начала решил сходить в туалет. Может, небольшая прогулка поможет слегка развеяться и разбить бесконечную чехарду в черепной коробке.

На выходе из туалета чуть не столкнулся с надоевшим мне своими расспросами любопытным мужичонкой из нашей палаты. Машинально буркнув извинение, я уже готов был продолжить свой путь в палату, но тот вдруг, приложив палец к своим губам, начал мягко заталкивать меня обратно. Честно говоря, в первый момент я просто растерялся и стал инстинктивно сопротивляться. Мелькнула мысль, что товарищ имеет нетрадиционную ориентацию и сейчас начнет приставать. Но затем дошло, что тот просто хочет сообщить что-то по секрету.

Оглядевшись по сторонам и заглянув под двери кабинок, он удостоверился, что в туалете никого нет и начал говорить быстрым шепотом, постоянно бросая косые взгляды на входную дверь.

– Слушай, Олег, ты, я смотрю, нормальный парень. И козла этого правильно наказал. Но только, похоже, ты получил большой геморрой, – тут он сделал небольшую паузу.

Я слушал его, не перебивая. Раз уж начал говорить – говори все. Какой такой геморрой? Тем временем, мой осведомитель продолжал.

– Этот Волчок, ну, кого ты побил, чувак непростой. Он

по бакланке отсидел года три, вышел как раз с месяц назад. Сам, конечно, урод уродом, но корчит из себя правильного пацана. Так вот, слушай, – он еще больше понизил голос, – Волчок сейчас в курилке своим кентам сказал, что тебя замочит.

Господи, вот напугал! А я-то подумал, что вправду что-то серьезное. Заметив улыбку, мой собеседник заметно разо-злился и даже слегка повысил голос.

– Слушай! Ты вообще ни фига не врубаешься. Я же тебе сказал: он играет правильного пацана. Раз сказал при свидетелях, что замочит, то должен замочить в течение суток. А если не сделает – значит, никакой он не правильный пацан, раз за базар ответить не может, а простой фуфлыжник. А ты знаешь, что делают с фуфлыжниками, которые за пацанов играют?

Я покачал головой, хотя и догадывался, что ничего хорошего. Меж тем собеседник продолжал.

– Я знаю его, он на Пролетарке живет от меня через дом. Отец его лет двадцать отсидел, а сам он с детства с бандюками тусовался. В этой компании его запросто могут и опустить, так что выхода у него нет. Короче, я тебе сказал, дальше думай сам. Понял?

И тут до меня дошло, что количество моих проблем увеличивается. За что же мне такое наказание? Жуткая обида нахлынула океанской волной. Именно обида, а не страх. Обида за то, что все эти приключения, в конце концов, угро-

бят меня еще до того, как я сумею раскрыть тайну гибели моей Машуни и отомстить ее убийцам. Интересно, что в этой ситуации посоветует мой неожиданный помощник?

– И что, по-твоему, я сейчас должен делать?

– Валить нафиг отсюда.

Замечательно! Валить. А как это сделать, если выход из инфекционного отделения всегда на замке. Я высказал эти соображения моему собеседнику. Мужичонка пожал плечами.

– Слушай! Ну что мне тебя всему учить что ли? Сам подумай что-нибудь, – и, подумав секунду, уже спокойнее, добавил, – ночью подойди к дежурной медсестре, дай ей рублей сто, скажи, что к девке надо в город на несколько часов. Понял? Короче, все, давай! Я тебе ничего не говорил, – и он махнул головой в сторону выхода, показывая, что разговор окончен.

Весь день прошел в напряжении. К вечеру атмосфера в палате потихоньку стала входить в привычное русло. Разговоры стали громче, даже со стороны компании молодых придурков время от времени раздавался смех. Я все время вслушивался в их разговоры, пытаюсь уловить хоть что-нибудь, что имело бы касательство ко мне. Но кроме тупых шуток и рассказов о своих дурацких похождениях, ничего не удалось разобрать. В конце концов, закралось сомнение – а, часом, не сгущает ли краски мой добровольный помощник? Может, не так уж все и страшно? Ну, сказал человек в сердцах «убью

его», ну, мало ли, кто чего может сказать в подобной ситуации? Я вон не один раз на улице видел, как ребенок ревет во весь голос, а мать шлепает его и кричит: «я тебя сейчас убью!». Но это же совсем не значит, что она и вправду собралась его убивать. А все эти рассказы про воровские законы – может, так оно и было лет двадцать или тридцать назад. Мужичонке ведь за пятьдесят, и все его знания в этой области, скорее всего, давно потеряли актуальность. Да и вообще, если разобраться, как этот придурок собрался меня убивать? Зарежет во сне прямо в палате? Или подкараулит, когда выйду в туалет? И что – он рассчитывает остаться безнаказанным? Ведь обязательно будет расследование, и он неизбежно станет главным подозреваемым. Может, он задумал сразу после убийства сделать отсюда ноги? Но тогда тем более у следствия не будет никаких сомнений в том, кто это сделал.

Скорее всего, с помощью таких рассуждений я просто пытался сам себя успокоить, не желая делать резких телодвижений. Уходить в неизвестность из места, где тепло и неплохо кормят, всего лишь из-за маловероятной гипотетической опасности, казалось совершеннейшим абсурдом.

В таких вот мыслях день и прошел. Наконец, наступило время отхода ко сну и в палате выключили свет. Несмотря на все мои попытки самоуспокоения, через час понял, что заснуть, скорее всего, не получится. Тогда стал размышлять о возможных причинах моих злключениях. Очень важно было получить ответ на вопрос: можно ли было избежать всех

этих несчастий? Что я сделал не так? В то же время из подсознания не уходило ощущения тщетности такого анализа. Что толку от того, что пойму – какие совершил ошибки. Все равно, нет у меня машины времени, чтобы все исправить. Ведь Машуню уже не вернуть. А все остальное, в сравнении с этим, не имеет абсолютно никакого значения.

Тем не менее, мозг автономно продолжал делать свое дело. Хотя весь этот круговорот событий и не давал толком сосредоточиться, все равно простейший анализ фактов подсказывал, что беды начались после того, как я заявил о похищении девушки на остановке. В пользу того, что гибель моей супруги и это событие должны иметь связь, говорит тот факт, что меня явно специально вызвали ложным звонком и продержали на приличном расстоянии от дома, пока ее убивали. Получается, что если бы я не заявлял о том, что увидел, то ничего бы не произошло? Ну, да, мучила бы потом совесть какое-то время, но потом все бы забылось.

И тут, представив себе такую ситуацию, понял, что на тот момент поступить иначе и не мог. То есть был обречен уже изначально. Нет, конечно, если бы кто-то мне сказал, чем это все чревато, я, разумеется, наплевал бы на все угрызения совести. Тем более что, как показала жизнь, мое заявление в милицию на судьбу девчонки все равно никак не повлияло. Но прислушавшись к себе, осознал, что даже если бы и нашлся такой оракул, в тот момент я бы ему просто не поверил. Потому что еще пару недель назад был абсолютно уве-

рен, что все, что со мной произошло, бывает только в дешевых триллерах или криминальных сериалах.

Так я лежал в тишине уснувшей палаты с закрытыми глазами часа два, а, может, больше. Вывод, который следовал из всех этих моих размышлений, был до безобразия простым, и вместе с тем циничным: если тебе вдруг посчастливилось стать свидетелем преступления – не торопись обращаться в органы.

А время меж тем плавно сочилось, отсчитывая свои минуты и секунды. Вот уже закончились хождения моих соседей «в туалет – покурить», прокрались в палату футбольные болельщики, смотревшие какой-то вечерний матч по телевизору. Откуда-то начал раздаваться храп.

Сон никак не шел. Было тревожно.

Конечно, я понимал, что причина этих волнений – сегодняшнее происшествие и предупреждение доброжелателя-мужичонки. Нет, это же просто бред! Идти на убийство прямо в больнице, да еще и предварительно рассказав об этом кому ни попадя. Рассудок отказывался признавать реальность угрозы.

Я прислушался к звукам из того угла, где располагалось спальное место моего врага, но там все было тихо. Слегка настораживало некоторое напряжение в поведении моего врага и его приятелей перед отходом ко сну. Никакого обычного трепачества со смешками до глубокой ночи. Тихо просочились после вечернего перекура и молча разошлись по своим местам.

Я всячески отгонял от себя опасения грозящей опасности.

Интересно, а почему все-таки большинство людей категорически отторгает мысль о том, что именно с ними может случиться какая-нибудь трагедия? Вот и я в данном случае ничем от них не отличаюсь. Хотя кому-кому, а уж мне-то после событий последних дней вообще пора стать параноиком. И я приступил к самокопанию, пытаюсь выяснить мотивы людей вообще и свои, в данной конкретной ситуации. Ну почему никак не хочу сейчас поверить в то, что этот побитый мною ублюдок всерьез собирается меня убить? Вот с женщинами, например, все понятно – ими движет иррациональное суеверное опасение «накликать беду». В том смысле, что если думать про плохое и готовиться к плохому, то оно обязательно произойдет. И наоборот. Например, оружие в доме держать нельзя, потому что оружие стреляет, а любая стрельба – это очень плохо. А вот огнетушитель – это к пожару.

Но в моем случае причина все-таки в чем-то другом. И тут, наконец, дошло. Это же обычная лень. Потому что признать существование опасности – значит делать что-то, что позволило бы данную опасность избежать. В частности, мне сейчас следовало бы делать отсюда ноги, и как можно скорее.

Но что значит бежать? Променять теплое место, где вдобавок еще и бесплатно кормят, на сырую холодную неизвестность, где меня ищут убийцы в погонах?

И хотя в качестве обычной защитной реакции самоуспо-

коения мне бы сейчас очень хотелось отмахнуться от полученной информации и спокойно уснуть, в глубине души все равно сидел и скрипел параноик, никак не давая расслабиться.

«Господи!» – который раз за последние несколько дней возопил возмущенный внутренний голос, задавая один и тот же риторический вопрос, – «почему же я все время вляпываюсь во всякие мерзкие истории?».

Рациональная часть моего «я» прекрасно осознавала, что не нужно ходить к гадалке для того, чтобы получить ответ. Причина в том, что я – неадекват. В самом прямом смысле этого слова. Мои действия неадекватны обстановке. Но это вполне естественно, ведь мое формирование как личности проходило в совершенно другой действительности. С детства я слышал, что воровать и врать – плохо, что агрессивность – признак глупости, а силу применять можно только для защиты. Только вот в том мире, где я волею судьбы очутился, все эти принципы, похоже, вывернуты наизнанку. И теперь для того, чтобы перестать постоянно получать проблемы на свою задницу, мне надо поменять свою природу, то есть стать соответствующим окружению. Грубо говоря, стать другим человеком.

А, может, проще было бы поменять обстановку? Ведь для этого нужно всего-навсего оказаться среди нормальных адекватных людей, устроиться на приличную работу. А еще найти жилье. Но жилье, даже комнатка в квартире у ка-

кой-нибудь бабульки, стоит денег. Значит, последовательность такая: сначала работу, а потом жилье. Но работать первое время придется, не имея жилья. Как это осуществить на практике – непонятно.

Черт! Всего-навсего! А ведь есть еще одна проблемка – на меня хотят повесить убийство и похищение, которое, скорее всего, тоже убийство. Это тоже как-то надо решать. Потому что если меня объявили в розыск, то на свободе мне долго не гулять. А там камера, пытки и «чистосердечное признание». А потом просто умру. Например, от сердечной недостаточности. Или совершу «самоубийство». И в никому не нужных отчетах напишут: «преступник не выдержал тяжести содеянного». Не будут же они, в самом деле, доводить до суда дело, где все шито белыми нитками. Как там у них? «Дело закрыто в связи со смертью обвиняемого»? Вот и мое дело так закроют.

Как уже не раз осознавал, оставаясь наедине с самим собой, смерти я не боялся. Боялся пыток. Плюс к этому, совершенно не хотелось, чтобы меня все считали преступником и убийцей Машуни. Я горел жадой успеть отомстить ее убийцам. Не хотелось умирать, не исполнив свой долг перед ней.

Была и еще одна причина, по которой не хотелось умирать. Я чувствовал, что обязан докопаться до сути открытого мной явления, создать на его основе новый источник энергии и принести этим пользу человечеству. Звучит громко и честолюбиво, но я на самом деле хотел этого. Не зря же, в

самом деле, поглощал кислород на планете столько лет.

И тут я задумался. А ведь этот чертов энергетический эффект во всем и виновен!

Не открыл бы его – не уволили бы меня с работы. Соответственно, не надо мне было бы бомбить на машине, и не вляпался бы я тогда во всю эту историю. Получается, что все эти бедствия – расплата за открытие.

Или жертвоприношение.

Да, не любит природа просто так приоткрывать свои тайны.

Где-то читал, что в древности перед тем, как начать строить крепость или храм, на месте будущего строительства приносили человеческую жертву, и затем тело закапывали под фундамент. Чтобы здание лучше стояло. Со мной, судя по всему, похожая история. Ну, что ж, тогда, получается, есть надежда, что из этой затеи может выйти что-нибудь путное.

Мысли мои между тем опять вернулись к самой, так сказать, актуальной проблеме. Я не мог решить – реальна ли угроза моей жизни со стороны этого Волчка, или же нет.

Не знаю, сколько времени пролежал так в раздумьях. Часа два, может, больше. Мозг уже готов был провалиться в сон, но тут со стороны мочевого пузыря пришло ощущение дискомфорта. Идти в туалет было лень, и какое-то время еще надеялся, что и так удастся уснуть. Но после непродолжительной борьбы мочевой пузырь победил. Стараясь не скри-

петь пружинами кровати и не шаркать тапками, встал и потащился на выход. Уже в коридоре, когда закрывал за собой дверь, из палаты послышался легкий шорох. В тот момент я не придавал этому особого значения, просто отметил про себя, и направился к туалету в дальний конец коридора.

Могильная тишина туалета вызвала неприятные ассоциации со склепом. Тихое журчание воды, сочившейся из неисправного унитаза, лишь подчеркивало это сравнение. Вдруг со стороны коридора донесся еле слышный скрип двери, а затем шаги. Вернее, шагов-то как раз и не было слышно, а о том, что по коридору идет человек, можно было догадаться только по скрипу деревянных половиц. Древний инстинкт, оставшийся еще от животных предков, моментально заставил напрячься. Зачем кому-то надо красться бесшумно, если у него нет никаких враждебных намерений? Я притаился за дверью, бросив взгляд по сторонам в поисках хоть какого-нибудь оружия. На глаза попала деревянная швабра. Как говорится, на безрыбье и рак – рыба. Осторожно, чтобы не громыхнуть шваброй о стальное ведро, взял ее в руки. Крадущийся тем временем достиг туалета, но не стал входить сразу внутрь, тихонько постояв несколько секунд в дверном проеме.

Уже почти не осталось сомнений в том, что человек за дверью представляет для меня угрозу. Опасность, притаившаяся совсем рядом, скрываемая от глаз лишь несколькими сантиметрами дерева, заставила шевелиться волосы. Сердце

билось так, что казалось, его слышно аж в коридоре. Между тем человек, притаившийся за дверью, наконец, сделал шаг через порог и крадучись направился в глубь туалета. Когда он оказался в поле моего зрения, я смог убедиться в том, в чем почти уже не сомневался.

Этим человеком был побитый мною сегодня Леха-Волчок.

Правую руку он держал за спиной и в ней в свете лампы блеснуло узкое лезвие ножа. Все ясно – мне в очередной раз повезло попасть в смертельно опасный переплет. Я стоял, лишь слегка прикрытый дверью, и молился, чтобы он не обернулся. Мелькнувшее было желание ударить его сзади шваброй по голове быстро испарилось, так как из своего положения мгновенно и бесшумно подготовиться к удару не вышло бы. Молитвы были услышаны: мой враг, не оборачиваясь, прокрался прямо к кабинкам. Через несколько секунд он убедится, что там никого нет. Это время надо попытаться как-то использовать.

Я неслышно шагнул из-за двери и взял свое оружие наизготовку. Швабра против ножа, интересно – кто кого? И в этот момент мой противник оказался лицом к лицу передо мной. Судя по его расширившимся глазам, для него мое появление было полной неожиданностью. Необходимо было без промедления использовать фактор внезапности. Сделать замах для удара не позволяла теснота помещения, и я просто совершил выпад вперед, концом палки, словно штыком,

изо всей силы ткнув его в живот. Удар получился настолько быстрым, что мой враг не успел сделать даже движения, чтобы защититься. Он только охнул и рухнул на пол, выронив нож и схватившись за живот.

Несколько мгновений постоял над ним, не зная, что делать дальше. Вспомнилась услышанная где-то поговорка: «смертельный враг, оставленный в живых, становится вдвое опаснее». Поднял швабру, чтобы добить его ударом по затылку, но понял, что ударить беспомощно лежащего на полу человека не способен. Пнул ногой нож, который, зазвенев о кафель пола, вылетел из туалета в коридор, и пошел прочь. В дверях обернулся на своего поверженного врага. Тот представлял собой жалкое зрелище, продолжая лежать, скрючившись и тихо постанывая. Все, хватит с меня этих дурацких игр. Надо валить отсюда, пока этот урод не оклемался. Похоже, мой доброжелатель-мужичонка сказал правду. Этот не успокоится, пока не прирежет меня. В коридоре носком тапка на всякий случай загнал нож в нишу под батареей у окна и пошел в палату.

В палате было тихо, хотя я подозревал, что приятели Волчка не спят, дожидаясь результатов его вылазки. Тем не менее, когда я зашел, никто не окликнул. Наверно поняли, что это я вернулся, а не он. Что ж, будет им сюрприз. Сейчас главное – смотреть отсюда, пока не поднялся шум. И я начал тихо, но быстро одеваться. По пути на лестницу мельком бросил взгляд в туалет. Волчок уже не лежал, а сидел

на полу с закрытыми глазами, вытянув ноги, прислонившись спиной к стене, и держался руками за живот. Похоже, здорово ему досталось. На мгновение внутри зашевелилось что-то вроде жалости, но тут же вспомнил, что этот подонок только что хотел меня просто зарезать, как барана, и это чувство моментально улетучилось.

Спустился по лестнице на первый этаж. Дежурной медсестры на месте нет – явно где-нибудь дрыхнет. Ну и слава Богу – хоть удастся покинуть это заведение незамеченным. Я нажал ручку и толкнул дверь.

Дверь отказывалась поддаваться, надавил сильнее – тот же результат. Все ясно – закрыта на замок. Может, удастся вылезти через окно? Бесполезно. Окна, расположенные по концам коридора, не открывались по причине отсутствия ручек. Можно было открыть только верхнюю фрамугу, но в такую щель могла просочиться разве что кошка, да и то не слишком толстая. Значит, выбора особо нет – надо искать медсестру и просить, чтобы выпустила.

И, чертыхаясь про себя, пошел проверять помещения для медперсонала. Одна из дверей поддалась под нажимом. В кабинете тускло светила настольная лампа, медсестра – довольно пожилая тетка – спала на коротеньком диванчике. Ну вот, найти – нашел, а как теперь ее будить-то? Ладно, слава Богу, что здесь спит, а не укатила куда-нибудь. От наших эскулапов всего можно ожидать. Я кашлянул, прочистив горло, и произнес негромко:

– Прошу прощения!

Реакцией на мою фразу было лишь еле заметное шевеление. Пришлось повторить уже громче, для верности слегка постучав пальцами по ее плечу. Тетка встрепенулась, села на диван и взглянула на меня вытаращенными от испуга глазами.

– Что такое? Ты кто?

– Да все в порядке, я из двадцать восьмой палаты. Мне бы выйти сейчас на пару часов.

– Ты что – совсем с ума сошел? Сколько сейчас времени? Иди спать, никаких выйти.

Я решил выдвинуть аргумент, обычно безотказно действующий на работников медицины и правоохранительных органов. Покопавшись в кармане, извлек оттуда сторублевую купюру и поднес к ее лицу. Взгляд тут же изменился. В нем уже была заметна внутренняя борьба. Так как исход этой борьбы был пока непредсказуем, решил удвоить силу аргумента, вытащив еще одну бумажку такого же достоинства. Теперь главное, чтобы ее жадность не сыграла со мной злую шутку. А то захочет сейчас за мой счет решить все свои материальные проблемы.

– Больше нет. И так последнее отдаю, – поспешил отрезать в ответ на блеснувшие жадно-вопросительные искорки в ее глазах.

Тетка схватила купюры и начала нащупывать ногами тапки.

– Давай, пошли. Смотри только у меня, чтобы вернулся до прихода дежурного врача.

И она засемила к посту у выхода.

– Успею, конечно! – беззастенчиво соврал я, пытаюсь вложить в голос максимум уверенности, – мне всего-то на пару часов: с девчонкой встретиться надо.

Медсестра открыла верхний ящик тумбочки на посту и стала шарить в нем рукой в поисках ключа. На глаза попался освещенный светом настольной лампы листок бумаги под стеклом на прилавке со списком телефонных номеров медперсонала. Сам не зная зачем, пробежался по нему взглядом, выхватил строчку с именем «Наталья», благо больше в этом списке лиц с таким именем не было, и постарался запомнить номер, повторив его про себя несколько раз.

– Если до шести вернешься – в окно мне постучи, хорошо?

– Да, конечно, спасибо! – и я выпорхнул на улицу.

9

Погода стояла более или менее терпимая. По крайней мере, не было дождя и сильного ветра. Я застегнул молнию куртки до самого верха. Хорошая куртка у покойного тезки, теплая. Жаль только, что капюшона нет, он бы сейчас совсем не помешал. Куда же мне идти? Собственно, выбор небольшой – туда, где тепло и ночью открыты двери для таких го-

ремык, как я. И это совсем не ночной клуб или ресторан. Так что двинулся в сторону единственного более или менее знакомого места – вокзала.

Как и надеялся, зал ожидания был открыт. И это радовало – три часа до первой электрички в Москву удастся подождать в комфортных условиях. Я развалился в кресле, положив ногу на ногу, и закрыл глаза, решив, если уж не получится поспать, то хотя бы подремлю.

Но напряжение никак не отпускало. Мысли все время крутились вокруг ночного происшествия в больничном туалете. А вдруг чувак отдал концы? Тогда меня сейчас могут уже всюду искать. Неужели мне сейчас придется оставить такое теплое и уютное местечко и опять черт знает, где прятаться? Но, несмотря на оправданность этих опасений, покинуть здание вокзала я не пожелал. Единственное, что заставил себя сделать, так это перейти из зала ожидания в буфет. Заняв неплохую наблюдательную позицию, откуда через стеклянные двери и окна было хорошо видно происходящее, как в зале ожидания, так и на перроне, принялся поглощать беляши с кофе. Я, в принципе, не любитель общепита и утолять голод предпочитаю простой булочкой с сыром и пакетом кефира, тем более что цены в этом буфете вызвали у меня легкую депрессию. Но не могу же я просто так стоять здесь, ничего не купив. И уж тем более есть что-то, купленное в магазине за углом. Да и магазины сейчас все равно закрыты. Не знаю, что имело больший эффект – отсутствие

видимых признаков опасности или же вполне съедобные беляши, но постепенно удалось успокоиться. И это было весьма кстати, так как сложившаяся ситуация требовала здравого анализа.

Если Волчок отбросил копыта, то, максимум, сегодня утром меня должны объявить в розыск. Значит, паспорт моего покойного тезки использовать уже не смогу, да и вообще, еще и внешность придется как-то менять. Приметы ведь разошлют по всей стране. В случае если Волчок оклемался, опасаться нечего. И паспорт могу предъявлять совершенно безбоязненно. Следовательно, мои дальнейшие действия принципиально зависят от того, что произошло в больнице после моего ухода. И без этой информации я не могу предпринимать никаких шагов.

Мысль о том, как ее получить, родилась сразу. Ну, конечно! Я же могу узнать это через Наталью! Надо только дождаться, когда откроются салоны связи, купить самый дешевый телефон, «симку» и позвонить ей. Если мне удалось запомнить номер ее телефона. Я напряг извилины и цифры сложились. Вроде, правильно.

И что же заставило меня так удачно подсмотреть ее номер? Ну, не иначе – божий промысел. После того, как наметился хоть какой-то план действий, настроение заметно улучшилось. Я разорился еще на один беляш и чашку кофе и начал обдумывать, что буду говорить Наталье.

Купив новую «симку» и вставив ее в телефон, все равно

еще часа два не мог решиться на звонок. Наконец, набрал номер и услышал в трубке знакомый голос. Ага, значит, запомнил верно. Скорее всего, она сейчас в больнице, потому что вчера днем дежурил лысый очкарик.

– Добрый день! Это Наталья? – последовал утвердительный ответ, – очень приятно.

– Олег? – вопрос, признаться, ввел в некоторый ступор. Я полагал, что придется долго объяснять, кто я такой. Теперь заранее заготовленный план разговора рассыпался, как карточный домик. Значит, придется импровизировать.

– Наташ, знаете, у меня тут кое-какие проблемы возникли, так, что пришлось в срочном порядке покинуть больницу.

– Проблемы как-то связаны с Волчковым?

Ага, значит – кличка Волчок из-за его фамилии. В принципе, мог бы и сам догадаться.

– В общем, да.

– Я так сразу и поняла.

– С ним все в порядке?

Последовала довольно длительная пауза, вызвавшая легкую панику. Прошло несколько секунд прежде, чем я дождался ответа.

– Ну, скажем так, относительно.

Фраза была произнесена таким тоном, что в моем сознании тут же всплыла шутка из черного медицинского юмора: «больному стало легче – он перестал дышать». Господи! Не

дай Бог, Волчку так же легко стало.

– Ты вернешься в больницу? – спросила Наталья, не дождавшись вербальной реакции на свои слова. Вот так, значит – мы уже на «ты».

– Нет, это невозможно.

– Почему? Ты ведь не долечился. Тебе еще осталось три-четыре дня лежать.

– Да, я знаю. Но дело не в этом. Есть очень серьезные проблемы, о которых не могу говорить по телефону.

– Ясно, – ответила она после некоторого раздумья, – ты где находишься?

Вопрос заставил напрячься. Зачем ей это надо знать, где я нахожусь? А вдруг рядом с ней сидит сейчас следователь и подсказывает, что надо говорить. Лишь бы меня выманить.

– А что? – уклонился я от ответа.

– Да ничего. Через полчаса собираюсь на обед домой съездить. Можно было бы встретиться и поговорить. Ты как насчет этого?

Насчет встретиться я, разумеется, был обеими руками «за». Вот только опасения по поводу провокации так никуда и не делись. Но здесь мне не оставалось ничего, кроме как рисковать.

– А где мы могли бы встретиться?

– Я живу на Советской. Советская, дом сорок один. Это угол Советской и проезда Мишина.

Ага. Значит, она недвусмысленно приглашает меня пря-

мо к себе домой. Скорее всего, за ее спиной никто не стоит. Иначе она не стала бы светить свой адрес. Наталья явно не дура. Если бы ей сказали, что я особо опасный бандит, то наверняка прикинула бы риски. А вдруг задержание не удастся? Я убегу, а потом найду её и отомщу. И тут же подумал, а что, если она назвала совсем не свой адрес? Похоже, одной лишь логикой здесь ничего не выяснить. Хочешь, не хочешь, а все равно придется рисковать.

– Я тот район не очень хорошо знаю.

Здесь я не слишком кривил душой, хотя правильнее было бы сказать «я этот ваш город вообще не знаю». Но в устах уроженца этого города, каковым я официально являлся, это звучало бы, по меньшей мере, странным.

– Да все очень просто: перекресток Советской и Мишина, увидишь там голубой четырехэтажный дом. Встретимся во дворе у последнего подъезда на лавочке. Хотя, нет, там есть аптека на первом этаже – давай лучше там.

– Когда мы сможем там встретиться?

– Мне ехать минут десять-пятнадцать, а выйду через полчаса. Так что, прикинь сам. Все, не могу больше говорить. Давай, до встречи.

Значит, я должен оказаться там намного раньше ее, чтобы заранее осмотреться и иметь возможность обнаружить «хвост», если он будет. Так как названный адрес являлся для меня абсолютно пустым звуком, то первое, что решил сделать – это купить карту города.

Так. Этот самый перекресток от вокзала находится довольно далеко. Пешком буду идти не меньше часа. Значит, придется пользоваться транспортом. Опрошенный мною водитель автобуса из тех, что стояли на площади, разъяснил мне маршрут и через пятнадцать минут я был уже на месте.

Дом узнал сразу. Симпатичный, постройки пятидесятих годов, но внешне весьма неплохо сохранившийся, сверкающий свежей голубой краской. Вот и аптека. Но заходить я не стал, а издали обошел дом со всех сторон. Ничего подозрительного не заметил. Напротив аптеки, через дорогу, обнаружил небольшой скверик, с трех сторон прикрытый красными кирпичными домами. Отличное место для наблюдения. Я сел на лавочку и стал ждать, поглядывая по сторонам.

Наталью увидел минут через двадцать. Она шла пешком, судя по всему, с остановки. Хвоста за ней не было видно. Никакие машины, в которых могла бы находиться группа захвата, к аптеке тоже не подъезжали. Подождав минуту после того, как Наталья скрылась за дверью, встал и двинулся к месту нашей встречи. Ну, как говорится, чему быть – того не миновать. Если работники наших органов достаточно умны, то сумеют подготовить захват так, что я ничего не обнаружу. Остается надеяться, чтобы это было не так. И с этими мыслями я потянул дверь и вошел вовнутрь.

Она стояла в паре метров от дверей и смотрела прямо на меня. Видимо, увидела меня, когда я еще подходил с улицы. Господи, до чего же красива. Несколько секунд я просто сто-

ял и молчал, ошарашенный ее красотой. В больнице почему-то такого впечатления она на меня не произвела.

– Здравствуйте, Наташа! – выдавил, наконец.

– Здравствуй, Олег. Давай на «ты».

Я всегда с трудом переходил на «ты» с работниками милиции, медицины и преподавателями. Вероятно, из-за воспитанного с детства уважения к представителям этих профессий. Но сейчас я больше не воспринимал Наталью как врача. Наверное, потому, что уже не находился в больнице, а она не была в белом халате.

– Хорошо. Ты давно меня ждешь? – решил сделать вид, что не следил за тем, как она заходила в аптеку. В противном случае это выглядело бы демонстрацией недоверия.

– Только что пришла.

– Понятно, а то я уж испугался, что сильно опоздал. Может, давай выйдем, прогуляемся. Не будем же мы в аптеке беседовать.

– Сейчас, только куплю кое-что из лекарств.

Она подошла к кассе и стала называть какие-то наименования. Через минуту освободилась и подошла ко мне, засовывая в сумку аптечный пакетик.

– Тете моей. А то вечером тут народу много будет, – произнесла она таким тоном, будто оправдывалась.

Мы вышли на улицу. Какое-то время молча шли по тротуару. Я понимал, что первым должен начать разговор, но никак не мог решить с какого момента. Наконец, начал со

ссоры из-за койки.

Весь рассказ занял минут десять. Я старался не упустить подробностей, свидетельствующих о том, что в данной ситуации был скорее жертвой, чем агрессором. Что у меня не было другого выхода, как защищаться. Вот и свидетель – мой сосед по палате, который меня предупредил, может подтвердить, что этот Волчков – жуткий бандит. В конце вспомнил, что нож запинал под батарею.

– Да, кстати, очень важно. Нож, который у него выбил, я спрятал под батарею в коридоре. На нем его отпечатки пальцев. Его желательно положить в полиэтиленовый пакет. Только брать надо осторожно, чтобы отпечатки не стереть.

– Вряд ли он сейчас там лежит. Его, скорее всего, уборщица нашла, когда пол с утра мыла. Но, все равно, я проверю. В случае чего, у нее спрошу, – она помолчала немного, затем добавила, – да... прямо как в детективе. Или боевике. Честно говоря, я предполагала нечто подобное, но все оказалось намного круче.

Господи, если бы ты только знала всю правду. Что бы тогда сказала? Что я Рэмбо? Или в обморок упала?

– Знаешь что? Я вообще-то пообедать собиралась, а то мне скоро в больницу возвращаться.

Я слегка насторожился. В устах многих представителей женского пола фраза «пообедать» чаще всего означает сходить в кафе или ресторан. Нет, я не жмот, но отдать за то, чтобы перекусить вдвоем, значительную часть имеющейся

наличности, а потом помирать с голоду – такая перспектива совсем не радовала. В тезкиной куртке оказалось немного наличности, но все равно. Никто ведь не знает, сколько мне придется сидеть без работы и денег. А кушать и где-то жить все равно надо.

– Давай ко мне домой забежим, – продолжала она тем временем.

О! Совсем другое дело. Это – с превеликим удовольствием! Интересно, отразились ли все эти эмоции – сначала напряжение, потом облегчение и радость – у меня на физиономии. А то черт знает, что еще может подумать.

Поднялись на четвертый этаж. Наталья зазвенела ключами, открывая железную дверь. Мой жизненный опыт говорил, что большинство людей обычно свой фасад, каким как раз и является дверь в квартиру, устраивают богаче своего реального материального статуса. Дверь Натальи была хоть и стальная, но, насколько мог судить, далеко не самая дорогая.

Обстановку внутри можно было бы охарактеризовать одной фразой: чистенько и простенько. Не евроремонт, без дизайнерских изысков, но в то же время совсем уж бедной квартиру тоже нельзя назвать. Я так думаю, это должно соответствовать провинциальному среднему классу. В столице, конечно, у среднего класса в квартирах все устроено по-другому. Но это, по большому счету, просто выпендрож друг перед другом.

Зашли на кухню. Наталья засуетилась, приготавливая

обед. Из холодильника была вытащена кастрюля с борщом и пластиковый стакан сметаны. Борщ был разлит по тарелкам, которые по очереди отправились в микроволновку на разогрев. Наталья быстрыми движениями нарезала хлеб и вареную колбасу. Я сидел рядом и смотрел на нее. Вся эта обстановка создавала такое ощущение теплого домашнего уюта, что защемило сердце. Совсем недавно так же уютно было у меня с моей Машуней. Но этого не будет больше уже никогда.

– Разрыв селезенки у него, – вдруг неожиданно сказала Наталья.

Фраза внесла диссонанс в создающуюся домашнюю атмосферу, прозвучав как гром среди ясного неба. Я сперва даже не понял ее смысла.

– У кого?

– У друга твоего – Волчкова.

– Да не друг он мне.

– Да это я так, шучу.

– А насколько это серьезно?

– Скорее всего, селезенку вырежут. Иногда возможен летальный исход. В хирургию его отвезли. Я думаю, сейчас все должно решиться.

Насколько я разбираюсь в терминах, летальный исход в переводе с медицинского означает смерть.

– Черт! Как хреново-то! А что он вообще сказал?

– Сказал, что с лестницы упал. Никто, конечно, не пове-

рил. Тем более, Борис Семенович сказал, что он вчера в палате так же вдруг поскользнулся и, типа, ударился о кровать. Да только люди могут верить, могут не верить, а лишние проблемы никому из руководства не нужны.

– Ясно, – единственное, что я смог выдать из себя в ответ на эту информацию. Ведь может получиться так, что я убил человека.

Несколько минут молча ели. Потом Наталья прервала молчание.

– Не переживай, я думаю – оклемается. Когда забирали, хирург сказал, что вроде внутреннее кровотечение не очень сильное. Может, даже селезенку удастся сохранить. Расскажи лучше, чем ты вообще занимаешься.

Я начал рассказывать официальную версию, то есть ту, которую излагал сначала патрульному на вокзале, а затем любопытному мужичонке в палате. Только более подробный вариант. Подробности черпал из настоящей жизни. В смысле, что учился в физмат школе и институт закончил с отличием. Честно говоря, врать человеку, который так хорошо к тебе относится, что для меня уже не являлось тайной, было противно. Но правду говорить никак не мог, а просто молчать было бы совсем некрасиво.

– Да... – протянула она, когда я закончил свой рассказ, – а я так сразу и поняла, что ты не местный.

– Почему? – искренне удивился я.

– Да потому, что в Серпухове таких людей практически

нет.

– Каких?

– Ну, культурных, интеллигентных. Здесь же никто не разговаривает так, как ты. У нас народ весь простой – через слово мат, да и словарный запас у тебя раза в три побольше будет. В общем, выделяешься сильно.

Конспиратор из меня, конечно, никудышный. Надо иметь в виду на будущее. Но сейчас с моей легендой все согласуется. Так что проколом это тоже считать не стоит.

– Знаешь, какая проблема у таких городов, как наш? Москва на протяжении нескольких десятков лет высасывала лучших людей. Вот, взять, к примеру, Подольск или даже Чехов. Оттуда народ каждый день едет на работу, но живет все равно в своем городе. А некоторые так вот ездят-ездят несколько лет, а потом все-таки находят работу у себя. А с Серпухова особо не наездишься. И сидеть без работы несколько лет – ждать, пока подвернется здесь нормальное место, тоже не будешь. Вот люди сразу и уезжают. Сначала снимают квартиры, потом, если повезет, покупают где-нибудь за МКАДом. Даже в Туле – и то проще найти нормальную работу. Все-таки крупный город, куча предприятий, институтов. Так что у нас лет тридцать как минимум шел отрицательный отбор. Эволюция по Дарвину, только наоборот.

– А ты?

– Что я?

– Ты-то сама чего здесь осталась?

– Так я же медик. Медик всегда работу найдет. Зарплаты в больницах здесь и в Москве не так сильно различаются. Там, правда, возможностей подработать больше, но и тут тоже не на голом окладе сижу.

За разговорами тарелки наши оказались пусты, колбаса и хлеб – доедены. Наталья быстро собрала посуду и начала мыть ее в раковине.

– А в Москве ты где живешь?

– Да на юге, в районе Янгеля.

Фундаментальный принцип лжеца: когда врешь, используй как можно больше реальных деталей. Сейчас я старался это правило соблюдать.

– Отсюда недалеко. Пару часов на электричке до Красно-го. Один живешь?

Я кивнул головой с некоторой задержкой. Интересно, как она истолковала эту паузу.

– А у тебя там своя квартира?

В вопросе так недвусмысленно проглядывали разведывательные цели, что я даже улыбнулся про себя. Как же не терпится тебе стать еще одним примером своей же теории эволюции наоборот.

– Снимаю. На свою квартиру в Москве заработать нереально.

Дальше минут десять шел диалог на предмет возможности тем или иным способом приобрести собственное жилье в столице. Было видно, что тема эта Наталье очень хорошо

знакома.

– Ой! Олег, слушай, мы тут заболтались, а мне в больницу уже давно бежать надо, – воскликнула она, взглянув на часы, – кстати, а где ты все это время находился, пока мы тут не встретились?

Я ответил, как было на самом деле.

– Значит, ты просидел всю ночь и полдня на вокзале? Так ты, наверное, сейчас спать хочешь? Кстати, ты не прошел полный курс лечения. Ты знаешь, что в таком случае после воспаления легких бывают осложнения? – в ее голосе вспыхнули типичные командные нотки медработника.

До меня, кажется, дошло, что она имеет в виду. Если я понял правильно, то это – предложение остаться здесь некоторое время. Что ж, я не против оттянуть решение проблем еще на какой-то срок. Только одно очень сильно смущало – отсутствие у меня источника дохода. Тех денег, которыми я располагал, надолго не хватит, а находиться на иждивении у женщины, и так не слишком хорошо зарабатывающей, противоречило моим моральным установкам. Ну, да ладно. На пару-тройку недель хватит, а там видно будет.

– Да, наверное, ты права. Ты что предлагаешь?

– Я предлагаю тебе сейчас здесь остаться и поспать. А вечером приеду и будем решать, что делать дальше.

Естественно, я согласился, потому что на самом деле был в таком состоянии, что хоть спички в глаза вставляй. После ее ухода просто упал на диван и моментально вырубился.

Проснулся от звука открывающегося замка входной двери. Привычка находиться в напряжении, выработанная за последнее время, заставила мгновенно вскочить. То ли из-за темноты в квартире, а, может, по причине слишком глубокого сна, но первые несколько секунд был совершенно дезориентирован, абсолютно не соображая, где нахожусь.

На затем восприятие реальности восстановилось. В сознании калейдоскопом промелькнули события последних суток.

– Олег, ты здесь? – раздался из прихожей голос Натальи.

Ну, слава Богу – это она пришла. А то мало ли кто еще мог быть. Я поспешил ответить. Наталья зашла в комнату и включила свет. Увидев меня, улыбнулась – похоже, моя заспанная физиономия представляла собой веселое зрелище.

– Как там наш пациент? – тут же задал я вопрос, так как эта информация волновала сейчас больше всего.

– Какой пациент? Ах, да, Волчков. Скажем так – пациент скорее жив, чем мертв.

Зачем меня мучить? Неужели трудно сказать конкретно? Заметив на моем лице немой вопрос, она продолжила.

– Да, все нормально, жить будет. Но селезенку оттяпали.

– А как он будет жить без селезенки?

– Ну, как, будут некоторые неудобства, но это не смертельно. Да он быстрее от цирроза печени помрет, или, вообще, зарежут еще раньше.

Определенная логика в ее словах имелась, так что я с ней

согласился.

Наталья жестом позвала меня на кухню. Там принялась выкладывать продукты из сумки. На столе очутились тортик, бутылка красного сухого вина и разные мясные и рыбные вкусности, многие из которых я и в нормальные-то времена не ел. Интересно, какую часть своего месячного дохода она за это выложила?

– Да... – протянул я, кивнув на все это изобилие, – слушай, у тебя что – праздник какой-то?

– Нет, – она пожала плечами, – просто хотела отметить нашу встречу.

Мне стало стыдно праздновать вот так на халяву за счет женщины. Но деньги ей предлагать – это, наверное, еще хуже. Наконец, как мне показалось, нашел оптимальный выход из создавшейся неловкой ситуации.

– Наташ, давай я сейчас в магазин сбегая и еще чего-нибудь возьму, – и я сделал движение, намереваясь встать.

– Расслабься, сиди, – она остановила мой порыв, тронув рукой за плечо, – завтра сходишь.

Завтра так завтра. Мое дело – предложить. Главное, что совесть уже чиста.

После часа бесед о том, о сем, бутылка опустела, а еды заметно поубавилось. В желудке ощущалась приятная тяжесть, а голова слегка кружилась от выпитого вина.

– Пойдем, я тебе сделаю массаж. Это необходимо для лечения, – вдруг сказала Наталья и потянула меня в комнату.

Смазав меня каким-то маслом, она принялась мять мою спину и плечи. Руку медика сразу видно: массаж она делала просто профессионально. Через минуту после начала манипуляций с моим телом я лежал, как труп, не в силах пошевелить даже кончиками пальцев.

– Нравится? – спросила Наталья. Я утвердительно промычал в ответ. Каким-то необъяснимым быстрым движением она перевернула меня на спину. И тут же, смазав ладони маслом, начала массажировать меня спереди. От навалившегося блаженства я мог только постанывать.

И вдруг массаж резко прекратился. Наталья прильнула ко мне, и ее мягкие волосы упали мне на глаза, а ладони стали гладить мои плечи и грудь. Ее горячее дыхание приятно щекотало ухо. Я обнял ее. Какое-то время мои ладони ласкали ее по спине, и вдруг я осознал, что уже не контролирую себя. Руки, как совершенно независимые от моего сознания существа, принялись стаскивать с нее водолазку и расстегивать бюстгальтер. Еще несколько секунд, и в моих ладонях оказались ее небольшие упругие груди. Ее губы коснулись моих. Я захотел ответить на поцелуй, но тут словно молния пронзила мой мозг: а как же Машуня? Неужели я так быстро и так просто готов забыть ее? Чувство вины накрыло, словно обвалившаяся крыша. Я вдруг понял, что продолжать дальше то, что делал, не смогу.

Как можно мягче постарался отстранить от себя Наталью и сел на диван.

– Олег, что с тобой? – спросила она голосом, полным разочарования и обиды. Господи, как же мне тебя жалко. Но я ничего не могу сделать.

Наталья села рядом. Я потерел пальцами по ее щеке.

– Наташ, ты очень хорошая девушка. Наверное, ты лучшая из тех, кого я когда-либо встречал. В другой ситуации я бы в тебя влюбился без памяти, но сейчас ничего не могу с собой поделаться.

Внутри моего сознания началась нешуточная борьба.

Эмоциональная моя половина настаивала на том, чтобы выложить все этой симпатичной врачихе. Потому что, во-первых, жалко обижать хорошего человека, во-вторых, нет страшнее врага, чем отвергнутая женщина, а тут есть шанс заполучить союзника.

Но доводы логики звучали не менее убедительно.

Женщину-то я уже отверг. Можно, конечно, наброситься на неё и завершить начатое. Могу я это сделать? Нет, не могу. И даже если бы смог. Что дальше? Разве я собирался оставаться в этом городе надолго? Да, можно и остаться. Найти работу, жить у Натальи. Но где гарантия того, что рано или поздно мой паспорт не увидит кто-то, лично знакомый с покойным тезкой? Тогда придется уезжать. А за спиной останется женщина, обладающая убийственной информацией.

А женщины, как известно, отличаются своей непредсказуемостью. Лучше тогда сразу паспорт тезки выкинуть.

Стрелка весов слегка качнулась в пользу логики.

И тут рассудительная часть сознания предъявила довод, который был как последний гвоздь в крышке гроба. Интересно, кто ей нравится в моем лице – вполне перспективный молодой человек, нормально устроившийся в столице, или нищий бомж, разыскиваемый за особо опасные преступления? Угадай-ка с трех попыток.

Сердце мое разрывалось от жалости к Наталье, но решение было принято.

– Прости, Наташ, – я погладил ее волосы, – жаль, что я не встретил тебя раньше. Или позже. Я не могу сейчас все тебе рассказать. То, что со мной произошло в последнее время – не только моя тайна. Мне нужно какое-то время, чтобы все уладить, а потом я расскажу. Давай, пока останемся просто хорошими друзьями.

Она встала, достала из шкафа домашний халат и накинула себе на плечи.

– Конечно, потом расскажешь.

И пошла на кухню. Тон, которым была произнесена эта фраза, меня поразил. Если бы существовал прибор, измеряющий температуру тона человеческого голоса, то сейчас он бы показывал абсолютный ноль. Ну, вот. Друзьями, похоже, тоже не получится. Интересно, она меня прямо сейчас выставит, или все-таки даст переночевать?

– Кстати, – раздался ее голос из кухни, – нож, про который ты говорил, уборщица нашла и отдала нашей заведомлением.

Я встал с дивана и подошел к ней.

– Это тебе уборщица сама сказала?

– Нет, заведением сказала. Но она, естественно, будет молчать. Зачем ей лишние проблемы?

– Отпечатков, значит, там, скорее всего, нет.

– А тебе не все ли равно? Инцидент исчерпан. Несчастный случай и все тут. Можешь забыть.

– Когда его выпишут?

– Да какая разница? – произнесла она с заметным раздражением, – недели через две, я думаю.

– Он будет меня искать. Он своим друзьям обещал меня убить и должен будет это сделать. Иначе потеряет статус. У бандитов так устроено.

Она посмотрела на меня внимательно, будто изучая.

– В Москве, я думаю, он тебя не найдет.

Ага. Значит, я для нее – отрезанный ломоть. Жаль, конечно, но, как говорится, такова се ля ви.

Наталья разложила мне кресло-кровать, сама легла на диван. То ли оттого, что спал днем, а, может, просто переволновался, но полночи ворочался, не в силах уснуть.

В семь утра меня уже разбудили. Чашка кофе и поджаренная колбаса с яичницей уже ждали меня на кухне. Завтрак прошел в молчании.

– Ну, все – мне надо собираться на работу, а тебе ехать, – сказала Наталья, как только опустела моя тарелка.

Я быстро и молча одевался в прихожей, она стояла рядом и ждала. Наконец, я был готов. Наталья щелкнула замком

двери и потянула за ручку. Глаза наши встретились на миг, но затем она быстро отвела взгляд. Защемило сердце. Повинуясь порыву, я сделал шаг вперед. Мои руки легли к ней на талию, я легонько прижал ее к себе. Она продолжала стоять, опустив руки, но не отстраняясь.

– Обещаю тебе – улажу все проблемы и обязательно приеду.

– Звони, если что, – тихо ответила Наталья, глядя в сторону и открыв дверь.

Мне показалось, что сейчас она чувствует себя героиней сериала. И в голове наверняка придумала историю, где я полюбил её с первого взгляда, с первого осмотра в больнице. Но быть с ней вместе не могу, потому что существуют ужасные обстоятельства, как в фильме про Джеймса Бонда. Я вышел на улицу. Не люблю обижать людей. С одной стороны, что делать дальше – неясно, с другой, чувствовал облегчение. Не хотелось бы врать Наталье, а уж тем более использовать её.

До Москвы добрался без приключений, хотя в тот момент, когда поезд проезжал мой район, слегка понервничал. Пока не отъехали в другой округ, сидел, как на иголках, ожидая, что в вагон может войти кто-нибудь из моих «друзей» в милицейских погонах. Электричка шла до Каланчевки. Когда еще только покупал билет на вокзале в Серпухове, решил, что следует ехать прямо туда. Причина была проста: мне крайне необходимо было срочно найти работу. Я знал, что на

площади Трех Вокзалов находится один из самых больших в столице «невольничьих рынков» и, кроме гастарбайтеров из восточных и южных республик, надеялся встретить более или менее адекватных представителей российской глубинки, к которым можно будет пристроиться.

10

Все на удивление быстро и легко устроилось. На Трех Вокзалах среди уроженцев Средней Азии взгляд сразу выхватил две физиономии явно славянского типа. Подошел, познакомился. Одного, примерно моего возраста, звали Дима. Выглядел он довольно своеобразно – небольшого роста, в длинном, почти до земли, черном пальто. Длинные темные волосы зачесаны в хвост, подчеркивая выделяющийся инородным телом крупный нос. Другой, лет на десять меня старше, представился, как Бояныч. Ростом примерно со своего спутника, худощав. Лицо Бояныча выдавало неумеренную тягу к алкоголю, что подтверждал запах перегара.

Оказалось, что ребята находились на «невольничьем рынке» не с целью поиска работы. Они здесь искали себе товарища в бригаду. Так что, поняв, что в моем лице нашли того, кого было нужно, быстро свернулись.

По дороге к метро разговорились. Дима оказался молдаванином, но в смысле не национальности, а гражданства. Помолдавски знал не больше десятка слов. Лет десять назад

он поступил в Физтех, проучился там пару лет, затем ушел. О причине ухода пробормотал что-то невразумительное. Но на родину решил не уезжать, остался в Москве. Работал сидмином на разных фирмах, программистом. Потом по каким-то причинам, о которых скромно умолчал, с нормальной работы ушел и последние пару лет работал на стройках. Сейчас снимал однушку на троих, но до этого приходилось жить где придется – временно кантоваться у друзей, проживать в общежитиях для строительных рабочих. Дима передал мне адреса нескольких общаг, где, по его словам, условия были сносными.

Бояныч оказался коренным москвичом, отставным армейским офицером. Уволившись с последнего места службы на Дальнем Востоке, вернулся на родину. Но найти здесь работу оказалось непросто, денег постоянно не хватало, начались ссоры в семье. В конечном итоге, с женой он развелся и ушел жить к сестре, которая тоже проживала в Москве. Манера его речи была весьма своеобразной. Таких дивных конструкций, сплошь состоящих из матерных слов, раньше слышать не доводилось.

Ребята привели меня на объект – складское помещение супермаркета. Там надо было налить полимерный пол. Меня поставили на замес. Работа заключалась в том, чтобы выливать содержимое пластиковых канистр в стальные ведра, где находился другой компонент, а затем это все тщательно перемешивать электрическим миксером. Получившуюся

смесь Дима с Боянычем затем равномерно растаскивали зубчатым шпателем по полу и прокатывали пластиковым валиком с торчащими из него иголками.

Работали допоздна, так что в общагу вселился уже ночью. На следующее утро поехал опять на тот же объект, где работал вчера. Ребята сказали, что вроде бы там работы будет еще на неделю. На объекте с угрюмым видом одиноко курил Бояныч. Димы видно не было.

Похоже, задница, – едва ответив на мое приветствие, мрачно произнес он.

В чем задница?

Дима пропал. Сначала трубку не брал, а сейчас вообще недоступен.

Так он, наверное, в метро сейчас, – предположил я.

Ни фиги, – ответил Бояныч, – я ему уже два часа звоню.

Может, с ним что-то случилось?

Ага, случилось, – зло сплюнув и грязно выругавшись, процедил он.

И Бояныч принялся излагать все, что думает о своем пропавшем товарище. История оказалась долгой и весьма занятной.

Дима был настоящим игроманом, в смысле, ярим поклонником компьютерных игр. Именно эта его зависимость и явилась причиной ухода сначала из института, а затем и с нормальных работ. Он играл до глубокой ночи, а утром не мог встать на работу. Опаздывать ему было стыдно, поэтому

он просто отключал телефон и пропадал на несколько дней.

Как я понял из слов Бояныча, у Димы был совершенно явный комплекс неполноценности. Ему все время казалось, будто его недооценивают. Что он вынужден заниматься всякой фигней, хотя на самом деле способен решать мировые проблемы. Когда-то Дима у себя в Молдавии занял первое место на республиканской школьной олимпиаде по физике, участвовал в международных олимпиадах по этой дисциплине. Потом учился в Физтехе. И то, что сейчас работал на стройках, воспринимал, как совершенно незаслуженное наказание.

Выслушав эту поучительную историю, я подумал, что, воистину, каждый сам кузнец своего счастья. Если нет у тебя силы воли, то будь ты семи пядей во лбу, успеха в жизни не добьешься.

Я предложил Боянычу сделать работу вдвоем, но тот сказал, что это совершенно нереально. Дима был асом в своей области, и так равномерно растаскивать материал по полу у Бояныча просто не получилось бы.

То, что не удалось сегодня ничего заработать, мягко говоря, расстроило. Но тут уж ничего не поделаешь, такова жизнь. Поехал в общагу не солоно хлебавши.

Ни Бояныч, ни Дима мне так больше не позвонили.

В общежитии нашел соотечественников, от которых пахло хроническим перегаром, что не мешало им быть востребованными на строительном рынке труда. Имен их я сразу

не запомнил. Один откликнулся на Михалыча, имел невероятной синевы глаза и седую щетину. Второго звали Жориком. Сорокалетний, смуглый, то ли от природы, то ли от грязи, выпивоха. Михалыч и Жорик были людьми семейными. У одного была жена, которая, судя по его рассказам, охотно разделяла с мужем алкогольные радости. У другого дочь и внучка. Но семьи жили в других городах.

Они оказались неплохими ребятами, правда, имеющими один принципиальный недостаток – повышенную тягу к алкоголю. Как я понял, именно эта их черта и не дает им подняться по жизни.

Тут стал очевидным еще один «минус» строителей.

После недели проживания в общежитии у меня вытащили заначку. Я пришел к выводу, что это сделал кто-то из жильцов комнаты. А, казалось бы, все свои, нормальные ребята. После этого завел банковскую карточку и почти все заработанные деньги стал сразу же класть туда. Паспорт постоянно носил с собой, на объектах перекладывал в спецодежду, а по ночам клал под подушку. Совсем скоро я понял: долго жить в этих общагах не смогу. Во-первых, постоянно меняющийся контингент создает нездоровую атмосферу, способствующую кражам. Необходимость постоянно быть начеку – как бы у тебя что-нибудь не сперли – очень сильно напрягает. Вынужденное совместное проживание с людьми, непреодолимо отличающимися по своему мировоззрению, неизбежность выслушивания разговоров с абсолютно далекими от

меня темами – просто невыносимая мука.

Но даже это не главное.

Важнее осознание того, что в такой обстановке у меня не будет условий для достижения поставленных целей, то есть мести за смерть моей жены и дальнейшей разработки открытого мной эффекта. Значит, главной задачей на ближайшее будущее является улучшение жилищных условий.

О том, чтобы снять квартиру без нормального постоянного дохода, не могло быть и речи. Даже аренда комнатки в квартире какой-нибудь старушки не представлялась возможным вариантом. Московские старушки нынче пошли слишком жадные. Видимо, со сдачи одной комнаты хотят сразу решить все свои материальные проблемы. А чем еще объяснить то, что за комнатку приходится платить сумму до трех четвертей стоимости аренды отдельной однушки?

Самым оптимальным по стоимости и эффективности вариантом была бы аренда трешки на троих. Но для этого нужно было бы найти трех адекватных компаньонов. А это, как я очень быстро понял, являлось непростой задачей. И в любом случае, для того, чтобы начинать снимать какое-то жилье, нужен запас денег. Обычно хозяева квартир сразу брали за два месяца вперед – сумма месячной аренды считалась страховым депозитом, она же являлась оплатой за последний месяц. Еще был необходим некоторый резерв, хотя бы на два-три месяца жизни, чтобы скомпенсировать непредсказуемость дохода, неизбежную при такого рода деятельности.

Пожив в строительном общежитии пару недель, я уже мог прикинуть, что мне нужно будет работать не менее трех месяцев, чтобы накопить требуемую сумму. И то, при условии более или менее нормального дохода и очень экономной жизни. А пока придется маяться по общагам. Выбор небольшой. Главное, что задача на ближайшее будущее поставлена, и определены пути для ее выполнения.

Как я очень быстро выяснил, основная причина непредсказуемости такой жизни даже не в том, удастся, или нет найти работу. Работу можно найти всегда. Главный вопрос – заплатят или нет по ее окончании.

Первый раз с кидаловом я столкнулся на четвертый или пятый день после приезда в Москву. Кто-то из ребят узнал, что на строительство офисного центра в районе Таганки набирают подсобных рабочих. Оплата весьма неплохая – тысяча в день, и платить обещают в конце каждого дня. Стройкой командовал тучный парень лет двадцати пяти, едущий на новеньком баварском кроссовере последней модели. Вид его машины меня насторожил и вызвал вполне резонный вопрос: неужели у какого-то там прораба или начальника участка настолько высокая зарплата, что он может позволить себе такой автомобиль? И тут же решил, что парень вполне может быть просто сыном какого-нибудь папаша – владельца всей этой стройки.

Поработав день и придя за зарплатой, мы услышали, наверное, самое распространенное в подобных случаях слово

– «завтра». Кое-кто из нас сразу махнул рукой, и, сказав, что это полное кидалово, отказался выходить сюда на следующий день. Мне и еще двоим ребятам из тех, что пришли вместе со мной, было жаль потраченного дня. Решили рискнуть – прийти завтра.

Назавтра все повторилось. В конце дня толстяк, которого, как я узнал, звали Игорь, развел руками, сказав, что деньги подвезут только завтра. Договорились, что на следующий день зарплату за два дня будем просить уже с утра.

В течение следующего дня несколько раз подходили, но ответ был всегда одинаковым – позже. В конце концов, когда один из нас в очередной раз подошел с наболевшим вопросом, его пригласили зайти в помещение. Вышел он оттуда сильно избитым, естественно, без денег. От греха подальше, мы с этой стройки тут же свалили. Лучше потерять два с половиной дня, чем здоровье.

Стало ясно, откуда у молодого пацана такая машина. Это кровь и пот кинутых им людей. Потом узнал, что такое творится на многих стройках. Иной раз люди работают месяцами, не получая ничего или почти ничего. Вероятно и пассивность гастарбайтеров имеет своей причиной постоянную боязнь быть кинутыми. Мысль о том, что ты сейчас, возможно, работаешь даром, не прибавляет энтузиазма.

На второй день после приезда в столицу решил съездить в свою квартиру, чтобы взять кое-что из вещей. Скоро подходил срок оплаты за следующий месяц, и мне хотелось забрать

оттуда все наиболее ценное до того, как придется огорчить хозяйку. Решение далось с некоторым трудом, потому что вероятность существования засады я оценивал как довольно высокую. Еще был риск того, что оборотни, несмотря на то, что хозяйка квартиры уже довольно долго жила за границей, каким-то образом вышли на нее и нарасказывали про меня страшных историй. Та могла с испугу попросить кого-нибудь из знакомых поменять замки.

А больше всего хотелось забрать свою машину. Кататься на ней, если я в розыске, не получится, но, по крайней мере, ее можно будет перегнать в другое место и использовать как склад. А в теплое время машина может послужить местом для ночлега.

Операцию решил проводить поздно вечером, когда народу на улицах уже не так много, но еще можно было бы уехать на общественном транспорте, если не удастся забрать мою «девятку».

До метро было три минуты пешком, но я поехал на троллейбусе, так как в подземке был большой шанс встретить того, кого не следовало. Вышел за одну остановку и пошел окружным путем. Сначала прошелся с одного торца дома, затем с другого. Вроде ничего подозрительного. Затем продефилировал вдоль дома на некотором расстоянии, взглянув на окна квартиры и на свою машину. Окна не светились, машина стояла на своем месте. Не заметив никакой опасности, решил пройти уже непосредственно перед домом со сто-

роны подъездов, полагая, что, если кто-то и следит из припаркованной машины, меня вряд ли узнают в темноте. Да и борода, которую я заботливо растил в последнее время, изменила меня до неузнаваемости.

Не заметив ничего, внушающего подозрения, быстро открыл дверь машины и нырнул на сиденье. Разведчик, вернувшийся на Родину после нескольких лет работы во враждебной стране, испытывает, наверное, чувства, похожие на те, что испытал я, очутившись в кресле родного авто. Сейчас этот простой кусок металла являлся последней связующей нитью между счастливым прошлым и жестоким настоящим. Я не мог поверить в то, что всего две недели назад сидел в этом кресле и думал о том, как подцепить очередного клиента. На миг пришло чувство, знакомое мне еще с больницы, что этот дурной сон сейчас закончится, я поверну ключ и снова поеду искать пассажиров, а дома меня будет ждать моя жена. Она придет, как обычно с работы, слегка уставшая и растрепанная. Поставит чайник, позвонит мне, чтобы узнать, когда я приду ужинать. Я представлял себе эти привычные вещи в мельчайших деталях.

Машуня умерла.

Моей жены больше нет.

Её похоронили, и я даже не знаю, в каком месте.

Я сидел так уже достаточно долго, но это странное чувство никак не хотело уходить. Ну, что ж, надо действовать. И включил зажигание.

Проверить – заведется машина или нет после двухнедельного стояния, было самым первым делом. От этого зависело, сколько вещей смогу взять из дома. К счастью, аккумулятор не сел за это время. Сделав несколько оборотов, мотор весело заурчал. Протянул руку под сиденье, нащупав инструментальный ящик, в котором должны были лежать запасные ключи от квартиры. Ключи были на месте. Теперь надо немного подождать, пока прогреется двигатель и подзарядится аккумулятор. А тогда можно будет попробовать пробраться в квартиру.

Поднялся на лифте на два этажа выше, постоял с минуту, прислушиваясь. Не услышав ничего из того, что могло бы свидетельствовать о засаде, тихонько спустился на свой этаж. Стараясь не производить ни шороха, подкрался к двери. Принюхался. Если в засаде сидит курильщик, то он не сможет отказаться от того, чтобы хотя бы раз в несколько часов не покурить. А запах табачного дыма неизбежно раскроет его присутствие. Не учуяв ни посторонних запахов, ни звуков, я решился открыть дверь.

Сначала просто нажал на дверь, не открывая замка. Ага, закрыта. Тогда вставил ключ и повернул. Слава Богу, замок не поменяли. Быстро шагнул в темноту прихожей и, стараясь не хлопнуть, прикрыл за собою дверь. Накатило стойкое ощущение «де жа вю». Ну, да, собственно, это действительно уже было. Включил фонарик и осмотрелся, вода пятном света по сторонам. В глаза тут же бросились признаки недавнего

присутствия посторонних. В квартире, судя по всему, проводился обыск. Искавшие не особо заморачивались на тему того, чтобы убрать следы своего пребывания. Не обнаружив дома ни одного блокнота, записной книжки и флэшки, я понял, что целью поисков была информация о моих контактах. Что ж, действия вполне логичные, раз они хотели меня найти. Еще пропал мой компьютер. Если бы охотились только за информацией, то взяли бы один жесткий диск, в крайнем случае, системный блок. Но монитор тут причем? Хороший был монитор, большой и дорогой. Я его купил только полгода назад. Что тут говорить: воры – они и в погонах ворами остаются. Интересно, когда они здесь были? И что это было? Просто обыск или еще и засада?

Зайдя на кухню, обнаружил следы длительного присутствия – окурки в импровизированной пепельнице из консервной банки и нехватку консервов и продуктов в холодильнике. Окурки пахли слабо, в квартире запах дыма не ощущался, из чего я решил, что посторонние в квартире были давно. Возможно, дней десять назад. Точнее определить не мог. Для этого нужно было иметь опыт детектива. Поразило нахальство тех, кто здесь находился. Они абсолютно не беспокоились о юридических последствиях своего, наверняка, незаконного пребывания здесь. Может, у них ордер на обыск был? Интересно, они с хозяйкой квартиры контактировали?

Все время, пока находился в квартире, чувствовал напряжение. Непонятно, чего было больше – опасения встретить

нежданных гостей, или тяжесть от нахождения в месте, где убили Машуню. Так или иначе, быстро собрал все необходимое – зимнюю одежду и обувь, книги по химии и подушку с одеялом на случай, если придется спать в машине. Пропажа компьютера и всех флэшек взбесила. Пока собирал вещи, в голове крутились все новые планы мести этим ублюдкам. Пропали несколько лет – результаты моей работы в институте, заготовка диссертации и исследования энергетического эффекта. Эти уроды вообще не должны больше ходить по земле.

Ну, кажется, все. Вышел в прихожую, открыл замок и бросил прощальный взгляд через плечо, потянув за ручку двери.

На улицу выходил, не слишком стараясь соблюдать меры предосторожности. Почему-то напрочь отсутствовало чувство опасности. Быстро закинул в машину сумки, завел мотор и рванул с места, благо двигатель был заранее прогрет. Пока не выехал из района, время от времени машинально бросал взгляд в зеркало заднего вида, но никакого преследования не заметил. Все было спокойно. Спустя десять минут я уже считал себя в полной безопасности и решил тормознуть, чтобы собраться с мыслями. Чувства, обуревавшие меня, были противоречивы. С одной стороны, радовало то, что отпадает необходимость в покупке зимних вещей. Потому что мысль о необходимости затрат на эти цели в последнее время приводила в ужас. С другой, пропажа компьютера и всех флэшек стала настоящей трагедией. Еще радова-

ло отсутствие засады. Этот факт хотелось расценивать как признак того, что на мои поиски брошены не слишком большие силы. Надо позвонить хозяйке квартиры. Во-первых, обрадовать насчет прекращения аренды, ну и порасспросить осторожно – что ей известно и выходили ли на нее оборотни.

Хозяйке позвонил с таксофона, её мобильный я помнил наизусть. Владелица нашей квартиры жила где-то на Бали. На вечный отпуск ей вполне хватало денег от сдачи пары квартир в Москве, в одной из которых жили мы с Машуней. Разговор с ней начал издалека, сказал, что в самое ближайшее время уезжаю за границу. Попытался провентилировать насчет того, чтобы вернуть залог за последний месяц, но натолкнулся на стену. Договорились, что смогу квартирой еще месяц пользоваться.

Ни намек на то, что ей хоть что-нибудь известно. Странно, конечно, но все равно радует. Есть вероятность, что меня могли не объявить в розыск. Иначе обязательно должны были выйти на нее. Мелькнула мысль попользоваться квартирой еще месяц. Пожить в человеческих условиях, да и, опять же – экономия. Но, представив бездыханную Машуню, лежащую на полу комнаты, понял, что жить в этом месте уже не смогу. Даже, если никакой опасности нет вообще, на что тоже надеяться нельзя, как бы этого ни хотелось.

Могло быть и так, что тетку как раз очень сильно напугали и проинструктировали, чтобы в разговоре со мной молчала, как партизан. В таком случае она должна тут же перезвонить

им и доложить о разговоре. А те, разумеется, устроят засаду. Такой вариант тоже не исключен, так что в любом случае нельзя терять бдительность.

Как ни обидно было тратить деньги на съем койко-места в общежитии, имея при этом пустующую квартиру, пришлось продолжать жить там.

11

Можно было бы сказать, что жизнь вошла в определенную колею, если бы не смертельная тоска, накатывающая вечером сразу, как только гасили свет. Прошел уже месяц, с тех пор, как я забрал вещи из своей старой квартиры. Невозможность делать хоть что-то, что приближало бы меня к осуществлению поставленных целей, невыносимо угнетала. Каждый прошедший день воспринимался, как невосполнимая потеря. Единственное, что утешало – счет на банковской карточке худо-бедно пополнялся. Значит, приближался тот момент, когда я смогу, наконец, приступить к выполнению своих грандиозных планов.

Обнаружился еще один отрицательный аспект совместного проживания столь различающихся между собой людей. В самом начале такой жизни я поставил для себя задачу экономить на всем, включая, естественно, питание. Через пару недель пребывания в общежитии у нас образовался довольно тесный коллектив из пяти человек.

Знакомые, с которыми начал эту общажно-строительную жизнь, Михалыч и Жорик, к тому времени где-то потерялись. Может, ушли в запой, а может, нашли место для заработка получше. Я познакомился с белорусами. Мы арендовали всю комнату и никого со стороны к себе уже не допускали. Хотя это и сказалось положительно на атмосфере в наших апартаментах, тем не менее, имело и негативные последствия, о чем я до того не мог и предположить. Ребята решили кушать вместе и готовить сразу на всех. Оно, может, было бы и неплохо, но они понятия не имели о том, что значит эффективное питание. Да, конечно, колбаса, сосиски и пельмени – это вкусно. Но денег при этом расходуется в несколько раз больше. Я для себя разработал рацион, при котором в месяц рассчитывал тратить не более двух тысяч. Причем организм получал бы все необходимое.

Самым эффективным по соотношению цена-качество источником белка являются яйца. Трех штук в день человеку достаточно. Причем, одно яйцо желательно съесть сырым. В качестве источника жиров вне конкуренции стоит подсолнечное масло. Его нужно пятьдесят граммов в день. Кое-какие важные элементы содержатся в сливочном масле. Пятнадцать граммов в день его вполне хватает. Полкило черного бородинского хлеба как источник углеводов и кое-каких витаминов. Итого получается не более пятидесяти рублей в день. Плюс через день можно употреблять по стакану кефира, так как в нем есть множество витаминов, ну, и, в каче-

стве лакомства, иногда жарить картошку с луком и заливать яйцами. Пока же, проживая в комнате с ребятами, приходилось тратить денег больше раза в три. Но на данном этапе пришлось признать это, как неизбежное зло.

Однажды кто-то из ребят сказал, что узнал про хорошее местечко. Там платили каждый день, по слухам, без кидалова. Работа заключалась в погрузке и разгрузке машин на какой-то складской базе. Платили не очень много – семьсот в день, кое-где на стройке можно было бы заработать и в два раза больше. Но на стройках частенько кидали, да и в нормальное место не так-то просто устроиться. А здесь, как сказали, работа была всегда, если подойти до восьми утра. Договорились на разведку поехать вдвоем. У остальных на завтра вроде пока была работа.

Место располагалось на юге столицы около платформы «Чертаново» на улице с говорящим названием – Промышленная. Один раз я здесь уже был – подвозил пассажира. Тогда это обилие гигантских складских зон поразило. Оказалось, что эти зоны дают работу гигантскому же количеству народа. Правда, в основном, гастарбайтерам из южных стран. Слегка напрягало географическое расположение. На юге была вероятность встретить кого-нибудь из «друзей». Но, тем не менее, решил рискнуть.

Поработав там день, решили, что место вполне нормальное, а работа не особо напряжная. Лучше сюда ездить каждый день, чем искать что-то более выгодное, где еще и ки-

нуть могут.

На пятый день моей трудовой деятельности на этом месте мои товарищи в обеденный перерыв пошли в местное кафе, а я, как обычно, встал под навес и принялся жевать бутерброд с сыром, запивая кефиром. Обедать в кафе вместе с ними казалось мне совершенно непозволительной в моем положении роскошью. Мои друзья за такую экономию в шутку называли меня узбеком, но я не обижался, просто говорил, что очень нужны деньги. Хотя до узбеков, честно говоря, мне было еще далеко. Один раз посмотрел, что едят те, что жили в соседней комнате, и чуть не вырвало. Потреблять плов с куриной кожей вместо мяса я пока не готов.

На грузовой площадке, что открывалась моему взору, всю кипела работа. Незадолго до этого сюда разгрузили целый длинномер арматуры. Свалили на землю ее довольно быстро – помог автопогрузчик, а вот потом началось самое интересное. Двенадцатиметровые хлысты нужно было затащить на третий этаж. Разумеется, по лестнице или на лифте это сделать было совершенно нереально, и рабочие, занимавшиеся этим делом, арматуру протягивали сразу в окно третьего этажа. Один спускал из окна веревку, которую приматывали к концу двух хлыстов, а затем, пока тот сверху тянул арматуру наверх, два других ее подталкивали снизу. Большую часть времени те, что были снизу, просто стояли. Видимо, ждали пока те, что сверху, не подтянут поднятые хлысты куда нужно. Прикинув хронометраж этих действий

и пересчитав на количество лежащей на земле арматуры, я присвистнул. Ребятам так работать до ночи. Им бы еще парочку человек, и тогда скорость можно было бы увеличить почти в два раза.

– Эй, братан! – раздался вдруг голос за спиной, отвлекая от созерцания этого зрелища. Я даже вздрогнул от неожиданности и повернул голову.

Рядом со мной стоял весьма упитанный мужик лет сорока чуть выше среднего роста. По виду больше всего походил на какого-нибудь руководителя среднего звена.

– Ты чего здесь делаешь? – продолжал между тем он.

«Господи, да какое твое собачье дело?» – возмутился мой внутренний голос, так как тон, которым это было произнесено, не оставлял иллюзий по поводу культурного уровня обращавшегося. Однако решил не обострять. Во-первых, товарищ просто в силу своего воспитания может не понимать, как вообще следует обращаться к незнакомым людям. Ну и еще одна немаловажная причина – это может быть какой-нибудь местный начальник, а поругаться с таким, значит, лишиться здесь работы. Поэтому постарался ответить как можно более нейтральным тоном.

– Работаю здесь.

– Где? Не на винторге, случайно?

Произнесенное название ни о чем не говорило. Но, по крайней мере, грузили мы не вино, а какую-то оргтехнику в коробках.

– Не-а, вон там, на восьмых воротах, – и я махнул рукой туда, где мы работали.

– А сейчас чего не работаешь?

– Так обед же.

– Слушай! – он слегка задумался, видимо, подбирая слова перед тем, как сделать предложение, – а ты не хочешь тут моим ребятам помочь? – Он кивнул на разгружающих архитектуру.

– Сколько тебе платят? – спросил мужик.

– Восемьсот в день, – решил я чуть-чуть приврать, – так я уже полдня до обеда поработал. Как я теперь уйду?

– Фигня, сейчас все решим. Смотри – я тебе четыреста рублей скомпенсирую, плюс до конца дня еще тысячу получишь. Идет?

Условия, которые он предложил, меня вполне устраивали. Единственное, что напрягало – опасение испортить отношения с моим работодателем. А то сегодня заработаю, а потом уже сюда не возьмут. В этом деле лучше не жадничать. Уверенность в завтрашнем дне важнее сиюминутной выгоды. Но решение этой проблемы мой новый знакомый пообещал взять на себя. И, действительно, он напрямик направился к тем воротам, на которые я ему указал. Я дожевал свой обед и двинулся туда же, подойдя и встав недалеко от ворот. Через минуту оттуда он вышел уже в компании начальника склада – моего работодателя.

– Ладно, хрен с тобой – можешь сейчас идти к нему, –

проворчал тот, бросив на меня недовольный взгляд.

Не совсем то, чего я ожидал, но, все равно – официальное разрешение.

– Александр, – протянул руку мой новый работодатель, – тебя как?

– Меня Олег.

– Ну вот, Олег, короче, дуй к ребятам на третий этаж и начинай фигачить.

Как оказалось, наверху находилось еще три человека. Мы разбились парами по двое и работа пошла намного веселее. Те, что были снизу, скоро завыли, так как теперь им и отдохнуть-то стало некогда. К восьми вечера вся арматура была поднята наверх.

Гонорар получил сразу и сполна. Так что, несмотря на то, что я почти падал от усталости, можно было сказать, что день удался. Еще тысяча сегодня на карточку упадет.

Когда расходились, подошел Рома – бригадир ребят, с которыми поднимали арматуру.

– Сколько тебе Демидов заплатил?

– Полторы, – учел я четыреста рублей за полдня и прибавил еще сотню на всякий случай.

– А завтра сможешь у меня здесь арматуру вязать? Плачу столько же.

Получать по полторы тысячи в день для меня сейчас было верхом мечтаний, но арматуру я еще ни разу в жизни не вязал. Я поделился с моим собеседником своими сомнениями.

– Фигня, научишься, ничего сложного в этом нет. А то у нас народу сейчас нету, двое на родину поехали. Потом на скребок тебя поставлю. Как, идет?

На следующий день я уже работал у Ромы. Ромина бригада занималась заливкой бетонных полов. Структура взаимоотношений в организации, куда я попал, была простая. Толстый мужик, Александр, он же Демидов, являлся прорабом. За заранее обговоренную сумму он нанимал бригаду, которой командовал Рома. Количество денег, которое Рома получал от Демидова, было покрыто мраком тайны. Дальше деньги распределялись бригадиром между рабочими. Сколько себе оставлял Рома, никто не знал, но, в принципе, ребята все были довольны. Кое-кому доставалось по пятерке в день, но я сейчас был счастлив и от полутора тысяч. Не все сразу.

На этом объекте мы проработали месяц, так как необходимо было залить довольно приличный объем. В общей сложности площадь составила около восьми тысяч метров. Заливали сразу примерно по тысяче, а над каждой такой захваткой трудились по четыре дня, включая подъем арматуры, вязку и собственно заливку с затиркой.

Операция затирки бетона стала для меня настоящим откровением. Я никогда раньше не видел ничего подобного и даже не предполагал, что такое бывает. Заключается она в том, что когда залитый и выровненный бетонный пол слегка подзастынет, на него ставятся агрегаты, называемые вертолетами. Название довольно точно передает их сущность.

Машина, весящая почти полтонны, опирается о пол двумя роторами с четырьмя лопастями. Эти лопасти вращаются и затирают поверхность. Вертолет может перемещаться во все стороны и даже вращаться на месте. Оператор сидит сверху в кресле и с помощью рычагов управляет этим чудом техники. Затирщики получали больше всех, но они же являлись и самыми опытными работниками. К своей работе относились очень ревниво, не допуская никого даже просто попробовать немного поуправлять. Видимо, чтобы не плодить конкурентов себе в бригаде.

Я для себя решил, что, так или иначе, но обязательно должен освоить это дело. Ну, а пока приходилось ворочать железным скребком, отгребая или, наоборот, пригребая бетон, руководствуясь указаниями оператора щупа с лазерным датчиком, функции которого чаще всего выполнял сам Рома.

Как понял, поговорив с ребятами, работа была не всегда. Случались перерывы по месяцу и даже больше. А поскольку все были с Украины, то в такие периоды уезжали к себе на родину и ждали вызова. Несмотря на свою украинскую национальность, между собой общались по-русски. На мой вопрос об украинском языке ответили, что по-украински разговаривают только на западе. Короче, языкового барьера у нас, слава Богу, не существовало. А ведь этот фактор очень сильно ограничивал возможности найти работу на стройке, так как в основном в этой области работали узбеки и таджики, почти не говорящие по-русски.

Поработав в бригаде у Ромы пару месяцев и скопив довольно приличную сумму, я стал задумываться о том, чтобы снять более подходящее жилье. От мыслей о совместной аренде уже отказался, так как понял, что компаньонов, которые полностью устраивали бы меня, найти не смогу. Оставалось два варианта – однушка в области и комната в квартире у какой-нибудь старушки. Я больше склонялся к первому. Только вот никак не мог выбрать направление от столицы. Вот если бы найти постоянное место работы, тогда и с выбором направления было бы проще. Так что решение жилищного вопроса пока затягивалось, хотя жизнь в общаге уже стояла поперек горла, и не терпелось приступить, наконец, к осуществлению своих планов.

Дело шло уже к весне, когда произошло событие, круто изменившее мою жизнь. Рома получил от Демидова объект в районе Зеленограда. Какое-то деревообрабатывающее производство, строящееся «с нуля» под чудным названием «Гуд Вуд». Площадь, которую нам предстояло залить, впечатляла – по моим прикидкам здесь было никак не менее пятнадцати тысяч квадратов. Это месяца полтора, или даже больше, работы. Учитывая то, что зарплата моя возросла к этому времени уже до двух тысяч в день, к концу этого объекта можно было бы конкретно заняться поиском нормального жилья.

Сделали уже около половины от всего объема, когда у Ромы случился день рождения. В тот день бетон приняли нормально, без эксцессов, уложили ровненько, протянули виб-

рорейкой и уже собрались расходиться. Трое затирщиков должны были еще часа три-четыре ждать, пока бетон не начнет схватываться, а тем, кто в затирке не участвовал, к коим принадлежал и я, можно было уже идти отдыхать в бытовку.

И тут наш бригадир решил устроить всем праздник. В бытовке обнаружили сумки, набитые водкой, колбасой, салом и другими атрибутами веселья. Причем с водкой был явный перебор. День был довольно напряженным, и после нескольких выпитых стаканчиков усталость тут же дала о себе знать. Я доковылял до своих нар и повалился, мгновенно забывшись сном.

Проснулся от холода. Посмотрел время на телефоне – два часа ночи. Сначала решил, что кто-то по ошибке выключил обогреватель, но нажатие на кнопку не дало ожидаемого эффекта. Похоже, что выбило автомат, который находился внутри здания цеха. Стал выбираться из бытовки, в темноте спотыкаясь о чьи-то ноги. Мелькнула мысль о том, что народу в бытовке почему-то явно больше, чем должно быть.

Зашел в цех, слабо освещенный несколькими лампами дневного света, и направился к электрическому щиту. Пока шел по цеху, не покидало ощущение, что что-то не так. И тут, наконец, дошло. Ну, конечно! Сейчас здесь, по идее, должен стоять грохот от вертолетов, но тут, напротив, была гробовая тишина. Заподозрив неладное, быстрым шагом двинулся к помещению, которое заливали днем, а сейчас должны были затирать. Так и есть. Войдя через проем, я об-

наружил, что к затирке даже не приступали. Вертолеты сиротливо стояли в стороне. Я наступил на свежий бетон – он ни на миллиметр не поддался под ногами. Вот она – задница. Затирку просрали.

На миг возникло двойственное чувство. Сейчас вроде бы надо бежать искать Рому. Возможно, еще можно что-нибудь спасти. Но, в то же время, мелькнуло нечто вроде злорадства. Этот косяк – только затирщиков. Может, сегодняшней случай собьет с них спесь? Их абсолютное нежелание допускать кого бы то ни было к обучению работе на вертолете казалось мне несправедливым и просто вредным для дела. Но, пораскинув с минуту мозгами, решил, что все-таки искать бригадира придется. Завтра придет Демидов и будет скандал. Денег за захватку точно не даст и, соответственно, и мне от Ромы зарплаты за день не видать. Но ведь может быть еще хуже. Сколько будет стоить исправить этот косяк? Нашу бригаду просто могут поставить на бабки, и придется бесплатно работать неизвестно сколько времени. Поняв, что счет пошел на минуты, я понесся к бытовке.

Рома находился там, как и затирщики. Но он спал, и разбудить его оказалось делом совершенно невозможным. В ответ на мои торможения бригадир лишь издавал нечленораздельное мычание. Не большего эффекта мне удалось добиться и от затирщиков. Злость вспыхнула внутри головы красным огнем. Нажрались, сволочи! А теперь из-за вас мне без денег оставаться? Тогда принялся расталкивать всех под-

ряд. После нескольких безуспешных минут удалось разбудить парня Васю, который, как и я, на приемке бетона орудовал скребком. Тот довольно быстро вник в ситуацию, некоторое время безрезультатно пытался растолкать затирщиков, но, осознав бесплодность своих манипуляций, пошел за мною в цех.

Кое-как нам удалось перетащить машину вертолета на свежий бетон и надеть диски на лопасти. Обычно эту операцию проводят вчетвером. То, что никто из нас двоих не заработал себе грыжу, можно считать чудом. Вертолет завелся сразу, но его несколько минут надо было греть на холостых оборотах. Теперь один из нас должен был работать на нем, а другой сначала таскать воду и лить на пол, а затем затирать примыкания маленьким однороторным вертолетиком.

Вася от чести управлять большой машиной сразу отказался, испугавшись, что в случае поломки денег на ремонт у него не хватит. Я в душе ликовал. Сбылась, наконец, моя мечта сесть за рычаги.

Управление удалось освоить довольно быстро. В принципе, ничего сложного в этом не было. Куда нажимаются рычаги, туда и направляется вертолет, а если рычаги направлены в разные стороны, то машина начинает вращаться на месте. Минут через пятнадцать я уже довольно резво гонял по цеху.

Прошел час с тех пор, как мы приступили к работе. Насколько я успел понять технологию затирки, сейчас по идее надо было рассыпать по полу топпинг, снимать диски и вти-

рать его в поверхность лопастями. Мысль о том, что сейчас нам двоим придется носить и равномерно рассыпать по полу четыре тонны порошка, приводила в ужас. Ну, предположим, для рассыпания имелся специальный агрегат типа сеялки на двух колесах, но задачу по перетаскиванию такого огромного количества мешков все равно никто не отменял. Пришлось слезть с кресла вертолета и идти носить мешки с топпингом. Вася принялся катать сеялку.

Мне повезло: не успел я перенести и первую тонну, как в проеме, еле продирая глаза под опухшими веками, появился наш проспавшийся бригадир. Потрогав рукой пол и выругавшись, тут же скрылся, но через минуту привел двух затирщиков с такими же опухшими рожами. Интересно, как ему удалось их разбудить? Ногами, наверное. Да и вообще непонятно – как он сам-то смог проснуться?

Ничего у нас не спрашивая, Рома сел на вертолет. Один затирщик пошел к однороторному, а второй принялся помогать мне перетаскивать мешки.

– Эй, воду лили? – донесся до меня голос Ромы, старающегося перекрычать грохот работающего вертолета. Я скинул мешок в стопку и подошел к нему поближе, так как перекрикиваться через весь цех не имел никакого желания.

– Ну, конечно, лили. Бетон весь сухой был, молоко вообще не поднималось.

– Сколько вылили?

– Ведер сто, не меньше.

– Хрен его знает, может, обойдется, – и он заскользил дальше. Но выражение его лица при этом говорило, что в то, что «обойдется», сам он верит слабо. Вдруг вертолет опять двинулся в мою сторону.

– Топпинг, топпинг поливайте быстрее, бросайте на хрен мешки, все давайте воду таскайте! – закричал мне снова.

– Так ведь только половину рассыпали.

– Все, хорош! И так хватит! Я сказал – воду таскайте!

Я пожал плечами и пошел за ведрами. Насколько мне было известно, согласно технологии упрочняющего порошка следовало сыпать по четыре килограмма на квадрат – два сначала и после первичной затирки – еще два. Но спорить не стал. Он же начальник, пусть сам и отвечает.

Еще примерно с час втроем носили и равномерно разливали по полу воду. Вдруг Рома остановил вертолет и подзвал того затирщика, который вместе с нами таскал ведра, и велел ему садиться за рычаги, а сам пошел по направлению к выходу из цеха. Я оглянулся и увидел Демидова, стоящего в проеме с крайне недовольной рожей. Наш бригадир затрусил прямо к нему. Какое-то время до меня доносились звуки ожесточенного спора. Время от времени то один, то другой, наклонялись, трогали ладонью пол и что-то друг другу пытались доказать. Наконец, оба вышли из цеха. В принципе, я здесь тоже больше был не нужен. Усталость превратила руки и ноги в тяжеленные чугунные болванки. Я понял, что если сейчас не лягу спать, то могу просто сломаться. Все-таки не

слишком я пока привычен к тяжелому физическому труду. Бросил прощальный взгляд в цех, где вовсю шла кипучая деятельность, и поплелся в бытовку.

Растолкали меня, когда за окошком было уже светло.

Олег, вставай! Там Рожин приехал, разборки устраивает, – тормозил меня кто-то из ребят. Тело было ватным, голова гудела. Вроде выпил вчера немного, наверное, от усталости. И тут вспомнил ночные приключения. А чего разборки? В конце концов, все ведь нормально закончилось.

Рожин. Я уже слышал эту фамилию. Да, точно – это ведь директор фирмы, начальник Демидова. Но встречаться с ним пока еще не приходилось.

– А чего он сюда приперся?

– Похоже, Демидов вызвал.

Пока одевался, выслушал версию произошедшего. Демидов ночью позвонил Роме узнать, как дела на объекте. Поняв по голосу, что тот находится в невменяемом состоянии, решил приехать лично, чтобы оценить ситуацию. На месте обнаружилось, что бетон фактически просрали. Поэтому позвонил Рожину, а тот, естественно, тут же прилетел. Не шутка ведь! Если придется срубить сотню кубов бетона, то ущерб будет – мама не горюй.

– Так я ведь сам был там ночью. Вроде нормально получилось.

– Ни фиги не нормально. Кое-где по углам топтинг уже отслаиваться начал. Сейчас народ там на карачках ползает

– весь пол простукивает. Да, слушай, Рома просил. Если Рожин будет тебя спрашивать: ты всю ночь спал и ничего не знаешь. Понял?

Я кивнул и стал натягивать сапоги. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился человек. Свет, бивший из-за его спины, не давал мне рассмотреть его подробно.

– Эй, не понял! Я же сказал – всем в цех и пол простукивать.

Понятно, значит это и есть Рожин. Мой товарищ, невнятно пробормотав что-то, тут же ужом просочился в полуоткрытую дверь. Я натянул второй сапог, встал и не нашел ничего лучшего, как поздороваться. Рожин посмотрел на меня внимательно и, после некоторой паузы, ответил. Заметив мое движение по направлению к двери, остановил движение руки.

– Стой! Ты у Ромы работаешь? Почему я тебя раньше не видел?

Я ответил, что работаю недавно, всего пару месяцев.

– А сейчас что – спал что ли?

Сейчас, когда он уже был освещен светом, падающим из окна, я смог хорошенько его рассмотреть. Лет на десять старше меня, среднего роста, полноват. Аккуратно подстриженная бородка и густая шевелюра. Вопрос застал меня врасплох. Если сказать, что не спал, дальше, естественно, спросит – почему не в цехе вместе со всеми?

Пришлось рассказать все, как было на самом деле. А, соб-

ственно, на кой хрен мне выгораживать чужие косяки. Что-то подсказывало мне, что после ночного происшествия работа в бригаде у Ромы не сложится. Потому что, если рассудить здраво, это не те люди, которые способны испытывать чувство вины и благодарности. В их глазах я просто тот, перед кем они потеряли свое лицо. Да и затирщики теперь станут усиленно ревновать и всеми правдами и неправдами выдавливать меня отсюда. Как бы я не занял их тепленькое место. В процессе моего повествования Рожин шарил по бытовке, как я понял, в поисках компромата. Последний был найден в количестве четырех пустых бутылок из-под водки. Странно, мне казалось, их было больше. Наверное, часть успели выкинуть.

– А что, Демидова на объекте по ночам вообще никогда не бывает?

А, ладно, да чего там – раз начал сдавать, то уже нет смысла останавливаться. В конце концов – кто мне Демидов?

– Он обычно всю заливку с нами, но на затирку никогда, по крайней мере, при мне не оставался.

– Понятно, значит, это и его косяк. А ты сам давно на полах?

Я ответил, что полами занимаюсь всего пару месяцев. Что год перебиваюсь случайными заработками, а до того работал технологом на химическом производстве. Что по образованию – химик и пять лет до того успел поработать в науке.

От меня не скрылось то, что упоминание моей химиче-

ской специальности вызвало у Рожина неподдельный интерес. Он как-то даже восторженно вскрикнул. Этот факт я про себя сразу отметил.

– Слушай, тебя как звать?

– Олег.

– Понятно. Меня Владимир. Слушай, Олег, скажи, пожалуйста, ты разбираешься в полиуретане?

Вопрос, признаться, меня удивил. Так сформулировать его мог только человек, очень далекий от химии. Значит, ему кажется, что, чтобы решить все его строительные проблемы, достаточно разбираться в полиуретане, не конкретизируя задачу. Пришлось сделать довольно длительную паузу для обдумывания ответа, чтобы он не прозвучал обидно.

– По специальности я химик-органик. Полиуретаны в университете, разумеется, изучал, но конкретно с ними работать не приходилось. Но если вас интересует, смогу ли я составить рецептуру и технологию производства какого-то конкретного полиуретана, то да, конечно смогу. Нужно будет немного посидеть в библиотеке в отделе диссертаций.

При моих словах во взгляде собеседника мелькнуло разочарование. Ну, интересно, а что он хотел? Случайно на улице встретить безработного технолога с именно той специализацией, какая ему понадобилась? Так таких по всей стране не больше пары десятков. И вероятность такой случайной встречи будет ноль целых и хрен десятых.

Я озвучил свои соображения, естественно, постаравшись

сделать это как можно более вежливо. И добавил, что если ему нужен специалист, который должен завтра наладить производство, то проще было бы перекупить технолога на каком-нибудь известном ему предприятии подходящего профиля.

– Да нет, не в этом дело, – поморщился Рожин, – я давно бы и сам так сделал. Просто бегать наперегонки с десятком других производителей этой хрени – неблагодарное занятие. Мне нужна такая технология, которая давала бы себестоимость по материалу хотя бы процентов на пятнадцать-двадцать меньше, чем у других. Тогда в этом будет какой-то смысл. Тут в библиотеке сидеть, пользы нет – все, что советская наука наработала, уже давно используется.

Я вдруг почувал, что это удача.

Та самая удача, на которую прежде не мог и надеяться – настолько это казалось невероятным. Найти работу, которая бы позволила не просто иметь заработок, а еще и помогала бы в достижении моих целей. Потому что химик-технолог, а тем более исследователь, всегда сможет провернуть кое-какую работку попутно. Нужно только не зарываться. Нет, упускать такое – преступление. Хвататься обеими руками и не выпускать. Обещать, обещать все, что угодно. Как сказал какой-то классик – сначала нужно броситься в драку, а там уж как повезет.

– А вы знаете, какая себестоимость у производителей?
Вопрос заставил его усмехнуться.

– Честно говоря, про себестоимость не знаю, но известны их цены и не думаю, что они накидывают сверху больше тридцати процентов. Конкуренция в этой области уж слишком жесткая.

– Ага. Насколько я понял, если удастся разработать такую технологию, чтобы себестоимость производства была не выше шестидесяти процентов от цены конкурентов, то этого будет достаточно. Так?

Рожин на некоторое время задумался, видимо прикидывая в уме цифры.

– Что-то типа того. Сможешь это сделать? Я имею в виду, конечно, разумные сроки.

– Месяц – это разумный срок?

– Можно так не торопиться. Но три месяца – это край. У меня нет лишних денег и времени. Тридцатки в месяц тебе для начала как? Хватит?

Я кивнул. Тридцатка, конечно, не верх мечтаний. На полях я смог бы заработать и больше. Но тут важны не деньги.

– Через три месяца или вылетаешь, или организовываешь производство. Сейчас я тебе даю неделю. За это время ты должен определиться с направлением своих работ и с предварительными затратами на исследования. Ясно? Через неделю у меня на столе должен лежать план работ и бюджет.

Я ответил утвердительно. Все-таки чувствуется деловая хватка. Бизнесмен, однако. Тем временем Рожин продолжал.

– Смотри, пока даю тебе червонец, – с этими словами он

полез в карман и выудил оттуда две пятитысячные купюры, – у Ромы за вчерашний день денег не проси, все равно их у него не будет. Он наказан за свой косяк и, думаю, людям тоже вряд ли заплатит.

– Так все вроде более или менее нормально получилось, – робко попытался вставить я слово в защиту не столько своего бригадира, сколько своей зарплаты.

– Нормально?! Бетон просрали. По примыканиям топ-пинг уже отслаивается, а по площади, даже если сейчас и держится, все равно, максимум, через месяц пойдут отслоения!

– И что же теперь делать?

– Вариантов тут немного. Можно подождать, когда начнет отваливаться и потом приезжать и ремонтировать по гарантии. Или сейчас, пока бетон еще свежий, фрезернуть всю поверхность и залить специальным составом. Все решит простукивание. Чем, собственно, твои друзья сейчас и занимаются, – он усмехнулся и добавил, – во главе с господином Демидовым. Ты лучше езжай домой, отдохни, а завтра приступай к работе. Сегодня что у нас? Ага, вторник. Значит, в следующую среду я тебя жду с планом работ и бюджетом. Во вторник предварительно позвони. Скажи мне номер своего мобильного.

Я назвал номер, Рожин тут же на него позвонил.

– Забей мой номер в телефон. Все – вперед, за работу, удачи.

Он протянул мне руку и затем быстро покинул бытовку.

Оставшись один, я задумался. Ситуация оказалась не такой простой, как первоначально мог подумать. Теперь приходилось шевелить мозгами, чтобы выпутаться. Во время учебы в институте полиуретаны мы разве что пробежали. Теперь в тему нужно было входить серьезно. Обычно на то, на что Рожин дал мне неделю, целые научные группы берут несколько месяцев. Господи, слава Богу, что догадался взять читательский билет, когда приезжал за вещами на квартиру. Во-первых, в Интернете найти всю необходимую информацию не надеялся, а, во-вторых, кроме, как в библиотеке, у меня и места-то, чтобы спокойно подумать, не было.

Решил не ждать завтрашнего дня, а начинать прямо сегодня. Нужно было только подъехать к машине, которая у меня сейчас исполняла роль слегка подвижного склада, чтобы взять читательский билет. Слегка – это потому что время от времени я ее переставлял на небольшое расстояние, стараясь каждый раз не сильно удаляться от станции метро. Автомобили, месяцами стоящие без движения, часто становятся жертвами вандалов и грабителей. Да и аккумулятор тоже время от времени надо бы подзаряжать.

В библиотеке посидел плотно – до самого закрытия. Нельзя сказать, чтобы без пользы. По крайней мере, основные направления, куда копать, были намечены. Принципиальный пункт, который определил для себя еще во время разговора с Рожиним, это обязательное использование ультразвуково-

го реактора. Этим собирался убить двух зайцев сразу. Во-первых, таким способом я имел возможность втихаря продолжить исследования открытого мной энергетического эффекта за счет работодателя. А еще, имея довольно обширный опыт применения ультразвука в химической технологии, чувствовал, что именно с помощью подобных нестандартных методов и удастся получить конкурентные преимущества.

Неделя пролетела, как один день. Оказалось, что я просто до смерти соскучился по тиши и уюту библиотечных залов и теперь отрывался. Накопать удалось много. Самыми перспективными показались разработки шестидесятых и семидесятых годов, где для получения полиуретана предлагалось применять некоторые растительные масла. В то время эти исследования хода не получили. Видимо, это не совсем согласовывалось с тогдашними грандиозными планами руководства страны по развитию химической промышленности. Но вот сейчас, когда отечественное химическое производство благополучно приказало долго жить, это может быть очень даже актуальным.

Ультразвуковым технологиям тоже нашлось место. Когда работал на заводе технологом, ультразвуковой реактор там как раз использовался для быстрого и эффективного обмена химическими группами между молекулами. Я хотел воспользоваться этим же методом для синтеза одного из компонентов полиуретана из нескольких видов растительных ма-

сел. Тогда себестоимость по сырью получилась бы намного ниже планки, установленной Рожиным.

В общем, к назначенному сроку план работ, включая финансовую составляющую, был готов. Был бы компьютер, сделал бы красочную презентацию, а так пришлось рисовать от руки. Было опасение, что такому крутому бизнесмену как Рожин подобная кустарщина может не понравиться, но не буду же я заказывать это кому-то за деньги. И компьютер покупать специально для этого тоже не хотелось. Ладно, если нормальный человек с рациональным мышлением, то поймет. А если нет, то с таким лучше и не работать вовсе.

Офис и склад рожинской фирмы располагались на самом севере столицы, на территории огромного завода с нейтральным названием, в котором знающие люди сразу улавливали оборонное предназначение предприятия. Завод занимал целый квартал площадью с небольшой город. Рожин арендовал там несколько складских помещений, одно из которых было превращено в симпатичный и довольно просторный двухэтажный офис.

Представленный мною план претерпел несколько уточнений и, в конце концов, был одобрен. Рожин даже похвалил меня за подробные расчеты экономики производства в зависимости от объемов. Я дал ему список того, что предстояло купить в первую очередь. Рожин сначала попытался было передать его сотруднице, занимающейся снабжением, но, приняв на себя целый водопад возмущенных протестов, с вино-

ватым видом вернул мне обратно.

– Сам понимаешь, не ее это профиль. Она для стройки все закупает, а тут еще искать придется, а она даже не знает где, – он развел руками.

Да, дисциплина, конечно, здесь не на высоте. Видимо, поэтому и прорабы у него не сидят на объекте и бригадиры бухают на работе. Делать нечего – придется искать самому. Для поисков необходимого из списка мне выделили свободный стол с телефоном и компьютером на втором этаже. Там же располагалась бухгалтерия, состоящая из четырех особей женского пола разного возраста, отличающихся повышенной болтливостью. Для химических экспериментов я получил уголок на складе. Мне затащили туда стеллаж и стол. На первое время это должно стать моим рабочим местом.

Складское здание находилось довольно далеко от офиса. Люди там появлялись только ввиду необходимости забрать или положить что-нибудь из оборудования и материалов, нужное на объекте. Это происходило не каждый день и обычно занимало непродолжительное время, так что основную часть времени на складе никого не было. Что меня полностью устраивало, так как избавляло от наблюдателей, совершенно нежелательных для моих целей.

Под вечер, когда девчонки из бухгалтерии уже собирались убегать, хлопнула входная дверь, и внизу почувствовалось какое-то оживление. Послышались громкие голоса, смех, а спустя минуту раздался топот ног по металлической

лестнице, ведущей на второй этаж. Я заметил, что девчонки заметно оживились. Мне стало интересно, кто это зашел в офис и сейчас поднимается к нам? Выглянув из-за шкафа, несколько загораживающего обзор, я увидел, что поднявшимся оказался мужчина возрастом примерно одинаковым с Рожиным, то есть на десяток лет меня старше, среднего роста, спортивного телосложения. Если бы мне показали его на улице и попросили высказать предположение, кто этот человек, то, наверное, я бы сказал, что это какой-то крутой бизнесмен или руководитель крупной компании. Зачесанные назад и, похоже, покрытые каким-то гелем волосы, темные, явно не дешевые очки идеально подходили к фирменному костюму, блестками переливающимся на свету. Первым делом вошедший приступил к приветствию девчонок из бухгалтерии. Процедура эта проходила довольно своеобразно. Она заключалась в обнимании и целовании каждой. Самой молодой и симпатичной, которую звали Света, досталось больше, чем остальным. Закончив с бухгалтерией, гость направился в мою сторону. Не доходя несколько шагов, остановился. Я встал и сделал шаг в его сторону. Несколько секунд стояла неловкая пауза. Не имея понятия, кто стоит передо мною, я не знал, как вести себя дальше.

– А, это тот самый знаменитый химик? – наконец, спросил он и, не дожидаясь ответа, протянул руку.

– Денис.

Я пожал протянутую ладонь и тоже представился. Теперь

я понял, кто именно передо мной стоит. Про Дениса приходилось немного слышать от ребят-бетонщиков. И от девчонок сегодня уловил краем уха кое-какую информацию. Насколько понял, Денис являлся, наряду с Рожиным, совладельцем этого предприятия, а также его генеральным директором. Я пригляделся к нему повнимательнее. Его внешность представляла разительный контраст с внешностью его компаньона. Казалось, весь вид его как будто кричал: «Посмотрите, ну посмотрите же, как я крут!» И каждая мелочь в его облике должна была подчеркивать это. Атласная рубашечка, массивная золотая цепь на шее, дорогие часы на запястье и сверкающие остроносые ботинки. Такое впечатление, что над ним долго работал имиджмейкер. Но, слегка поразмыслив, я решил, что этот имиджмейкер явно приехал из какой-то глуши, так как в облике чувствовался откровенный перебор.

И если первое впечатление от Рожина было сугубо позитивным, то встреча с Денисом оставила труднообъяснимый неприятный осадок. Хотя это ощущение через десять минут сгладилось, когда он пригласил и девчонок, и меня персонально пить чай с тортиком, который принес. Тортик был большим, вкусным и дорогим. Я уже не помнил, когда последний раз ел нечто подобное. Еще через полчаса Денис мне уже казался веселым добрым компанейским мужиком, который просто любит пускать окружающим пыль в глаза. У каждого же есть какая-нибудь слабость. Но в моем подсо-

знании за его образом всегда следовала черная тень. Будто под маской добряка скрывался кто-то другой. В тот момент я не смог бы объяснить – кто конкретно.

Прошло еще две недели. Работа моя успешно продвигалась. На фирме меня все приняли за своего. Даже когда находился в своей импровизированной лаборатории на дальнем складе, девчонки время от времени звонили мне, приглашая вместе попить чайку. Общая атмосфера в офисе была вполне доброжелательная, в отличие от многих московских контор. Видимо, все идет от начальства. Там, где у руководителя цель – делать дело, люди нормально относятся друг к другу и своей работе. Но если для начальника важнее самоутвердиться, то интересы дела тут же уходят на второй и третий план, а в коллективе начинаются интриги и подсиживание.

Распорядок работы обоих руководителей фирмы показался мне довольно странным. Рожин обычно приезжал в восемь утра или даже раньше, несколько часов работал с документами, потом иногда уезжал по делам, иногда принимал заказчиков в офисе, а к вечеру чаще всего возвращался в контору к работе с документами. Причем часто возвращался уже после ухода офисного персонала и задерживался допоздна. А вот его компаньона раньше трех дня увидеть в конторе было невозможно, но чаще он заявлялся еще позже. Визиты заказчиков по большей части проходили без него. По прибытии в контору он первым делом пил чай или кофе, в отличие от Рожина, который сразу включал компьютер и приступал к

работе, а кофе наливал уже потом, и пил его непосредственно на рабочем месте. После чаепития, обязательно с тортиком или пирожными, Денис обычно включал на компьютере какой-нибудь фильм или игру. После двух-трех часов такого времяпровождения он собирался и оставлял офис. Я не знаю, может, он по утрам занимался очень важными для бизнеса делами, но наблюдая за его деятельностью в конторе, верилось в это с большим трудом.

Меня поразило то, как внешность может коррелировать с отношением к работе. Возможно, если бы не было с кем сравнивать, то это не так бросалось в глаза. Но в данном случае точка для сравнения в виде Рожина наличествовала. Я все время задавался вопросом: как два таких абсолютно непохожих друг на друга человека могут иметь общий бизнес? Наверное, тут есть какой-то секрет. Может, Денис в свое время денег дал на открытие бизнеса, а сейчас просто пожинает дивиденды, может, еще что-нибудь, чего не знаю. Не буду же я приставать с подобными вопросами к Рожину.

12

Наконец, наступил момент, когда я уже мог продемонстрировать Рожину предварительные результаты своей работы. Это были несколько килограммов полиуретановой пропитки для бетона, сделанные на коленке кустарным методом. Предварительно было заготовлено некоторое количество бетонных балочек, которые следовало обработать полученным составом и посмотреть – насколько увеличится их прочность

и износостойкость. На эксперименте Рожин присутствовал лично. Сначала при операции пропитывания, а затем на следующий день, когда полиуретан высох – при измерениях.

Честно говоря, немного волновался, но результаты превзошли все ожидания. Рожин едва не прыгал от радости. Я, признаться, тоже не мог скрыть эмоции. Теперь предстоял следующий этап: переход к производству опытных партий материала в количестве до нескольких сотен килограммов в день. Для этого надо было изготавливать и закупать кое-какое серьезное оборудование. На таком гигантском заводе, где мы находились, найти токаря или сварщика «дядю Васю», который сварганил бы нужный агрегат, проблемы не составляло. Главное было этот агрегат правильно сконструировать. Но по инженерной графике в институте у меня была твердая пятерка, поэтому я надеялся, что смогу все сделать правильно.

После удачно проведенного первого этапа работ я заметил, что контроль за мной, сначала весьма плотный, практически сошел на нет. Значит, у меня, наконец, появилась возможность начать делать что-то для приближения к своим целям. Ультразвуковым энергетическим эффектом я пока заниматься не мог. Во-первых, не было ультразвукового реактора, а, во-вторых, для этого требовалось большое количество очень дорогой тяжелой воды. Купить я ее мог только за свои личные деньги, так как объяснить необходимость приобретения этого вещества для работы у меня бы не получи-

лось.

Зато теперь мог начать исполнение своих планов относительно мести убийцам. Не могу сказать, что по прошествии нескольких месяцев жажда возмездия жгла меня с прежней силой. Скорее, она превратилась в подобие чувства долга перед моей Машуней. Но долга, который я обязан был отдать, во что бы то ни стало. Еще к этому примешивалось чувство самосохранения. Интуитивно я чувствовал, что для обратной стал неудобным свидетелем их преступлений. И уничтожить этого свидетеля для них вопрос личной безопасности.

Вариант с обвязыванием взрывчаткой и взрыванием себя непосредственно в здании милиции вместе с убийцами уже не рассматривался. Дело не в том, что я цеплялся за свою шкурку. Лежа вечером в кровати и пытаюсь уснуть, я часто задумывался о том, что меня удерживает в этом мире, кроме мести за Машуню. И приходил к выводу, что такая странная штука, как любопытство. Обыкновенное любопытство ученого, открывшего какой-то эффект и теперь стремящегося исследовать его подробно.

Раз я не мог принести к врагам пару десятков килограммов взрывчатки, чтобы это змеиное гнездо наверняка рухнуло, погребя под собой сразу всех убийц, то нужно было соорудить что-то, что давало бы похожий эффект, но было бы в несколько раз меньше по массе. Так как с помощью самодельной ракеты или небольшого дрона возможно было закинуть не более двух-трех килограммов, то и ориентироваться

следовало именно на такую массу заряда.

Добиться этого можно было единственным способом – объемным взрывом, то есть, когда взрывчатка не детонирует, а распыляется в воздухе горючее и затем поджигается. При определенных концентрациях смеси горючего и воздуха скорость горения достаточна для возникновения мощной ударной волны. Плюс к этому, после фазы расширения в помещении, где произошел взрыв, через некоторое время после взрыва давление станет ниже, чем в окружающем пространстве. Такую разницу в давлении перекрытиям и стенам выдержать очень сложно, и здание в результате этого эффекта часто складывается, как карточный домик. Одним из примеров разрушительного действия объемного взрыва является взрыв бытового газа в жилом доме. А ведь обычно это не более килограмма горючего.

Как химик-любитель, то есть, любящий эту науку, я, разумеется, ранее интересовался тем, как это на практике реализуется в боеприпасах. И у меня возникли оригинальные идеи, которые мне постоянно не терпелось испробовать. А тут такой шанс подвернулся.

Идея заключалась в следующем. Есть такие вещества, у которых пределы концентраций в смеси с воздухом, при которых этот состав может взорваться, очень широкие. Вот, например, природный газ взрывается в пределах всего от четырех до пятнадцати процентов. То есть, чуть ниже или выше, и взрыва не произойдет. А вот у ацетилена эта концентра-

ция от двух до восьмидесяти одного процента. Значит, его смесь с воздухом взорвется, практически, при любом соотношении. Но ацетилен очень неустойчивое вещество, и часто взрывается сам по себе с выделением очень большого количества энергии. Обычно, когда его используют, например, для сварки или резки металла, он хранится под давлением в баллонах в виде раствора в ацетоне. Ацетилен можно растворить при низкой температуре в какой-нибудь легкокипящей горючей жидкости. Желательно, чтобы эта жидкость имела похожие пределы взрывоопасных концентраций. Практически, только одно вещество хорошо подходит по всем критериям – диэтиловый эфир.

Ацетилен я собирался брать из баллонов. Можно было бы добывать его, смешивая карбид кальция с водой, но зачем заморачиваться, когда куча ацетиленовых баллонов стояла прямо на складе. Охлаждать жидкость в ходе процесса растворения решил сухим льдом. При испарении он давал температуру до минус семидесяти градусов, чего было вполне достаточно.

Сначала сделал пол-литра такой смеси и залил в пластиковую бутылку. После нагревания до комнатной температуры давление в бутылке сильно повысилось. Это было видно по раздувшимся стенкам и звонкому звуку при постукивании по ним. Я даже испугался, что стенки не выдержат и лопнут, но обошлось. При осторожном приоткрытии крышки содержимое резко вскипало, за что я решил назвать этот состав

адской газировкой. Теперь надо было придумать, каким способом резко повысить в бутылке давление, чтобы она не выдержала и лопнула, а жидкость распылилась по округе. Решение пришло быстро. Нужно использовать строительный монтажный патрон. Благо, покупать его не было необходимости – несколько коробок лежали тут же на складе. Все-таки здорово, когда работаешь в строительной организации. Чего только не найдешь на складе у строителей!

Испытывать уменьшенный прототип – пластиковую поллитровку – решил не в помещении, а на открытом месте. Целью испытаний была проверка эффективности систем распыления и поджига. В помещении оценить это было бы сложнее, так как требовалось визуальное наблюдение. Я даже купил хороший цифровой фотоаппарат, чтобы заснять все на видео и потом проанализировать. Место выбрал сразу за МКАДом недалеко от завода. Заболоченный и заросший камышом пустырь, куда никто не сует свой нос, меня полностью устраивал. Главное было – выбрать такой момент, чтобы было меньше ветра.

Испытания прошли успешно. После распыления и поджога с ревом и грохотом возник огненный шар диаметром метров пять-шесть. Если объем газировки будет раз в пять больше, а взрыв произойдет в закрытом помещении, то результат обещает быть самым ужасным.

Теперь следовало заняться изготовлением реального устройства на базе самой большой пластиковой бутылки, ка-

кую только можно найти в продаже, и поиском подходящего места для его испытания.

В тот период, когда я как раз собирался приступить к следующему этапу разработки моего устройства объемного взрыва, одновременно решая задачи по налаживанию производства полиуретана, мне на склад позвонил Рожин и вызвал в контору. Вместе с ним в его кабинете находился полный мужчина по виду на несколько лет старше Рожина. Круглое лицо с усиками, очки, небольшие залысины по бокам. Его внешность вызывала ассоциации с инженерно-техническим работником, возможно, прорабом. Клиент, наверное. Но что-то в его лице казалось мне знакомым. Да, точно – это же Молотов, тот самый, который «пакт Молотова-Риббентропа». Схожесть просто феноменальная. Я решил про себя так его и называть – Молотов. Между тем, увидев меня, Рожин заговорил.

– Слушай, Олег! Так ты квартиру себе нашел?

Я рассказывал Рожину о своих жилищных проблемах, упустив, естественно, подробности о предшествующих приключениях. Поиски жилья текли вяло, в основном потому, что меня элементарно давила жаба. Очень жалко было тратить каждый месяц столько денег. Хотя я и мечтал каждый день вырваться из этой ставшей уже ненавистной общаги. В общем, типичный когнитивный диссонанс. Я ответил, что пока продолжаю искать.

– Однушку в Долгопе за одиннадцать в месяц будешь сни-

мать?

Долгопа, как я уже успел узнать, на местном сленге означала название города Долгопрудный, который фактически примыкал ко МКАДу как раз со стороны завода. Ездить оттуда, конечно, было бы очень удобно: всего три остановки на электричке. В ценах на аренду жилья я разбирался весьма неплохо и сразу уловил, что одиннадцать в месяц – это примерно на треть меньше, чем по рынку. Такого я нигде не найду. Можно, конечно, попробовать поторговаться, но тут есть опасность перестараться. Как бы не ушел такой привлекательный вариант.

– Одиннадцать? Нормальная цена, – инстинктивно, чтобы не спугнуть удачу, постарался произнести как можно более равнодушным голосом.

– Это не нормальная, это очень хорошая цена. За столько ты даже где-нибудь в Лобне не снимешь, – усмехнулся Рожин, – вот, познакомься. Иван Владимирович. Это он квартиру сдает.

– Очень приятно, Олег, – я пожал протянутую мне руку.

– Ну, все, – нетерпеливо произнес Рожин, – давайте без меня дальше договаривайтесь, кофе попейте. У меня дел дохрена, – и он махнул рукой в сторону двери.

Мы с Молотовым вышли в холл, где стоял столик и кофемашина, и начали разговор. Оказалось, что Молотов работает на нашем заводе инженером по строительству и эксплуатации зданий. Сидит в заводоуправлении. Квартирка, кото-

рую он собирался сдавать, располагалась, как он выразился, «на островке». Сие географическое наименование насторожило. Я не сильно разбирался в географии Долгопрудного, но в сознании вдруг возник образ куска суши посреди озера, поросшего деревьями и зарослями кустарника, с несколькими полуразвалившимися хижинами. Ага! Вот почему такая цена. Просто это, видимо, не квартира, а какой-то сарай. Но посмотреть все равно надо. Тем более, сам Молотов уверял, что состояние помещения хорошее. Не будет же он откровенно врать прямо в глаза. Договорились вечером встретиться на платформе «Водники».

Островок произвел весьма неплохое впечатление. Пока шли от станции, было время осмотреть окрестности. Называя это место в уменьшительной форме, жители Долгопрудного явно кривят душой, потому что оно имеет полное право называться островом. Кусок суши весьма приличных размеров, которые я навскидку оценил бы не менее, чем километр на километр, со всех сторон был окружен водой. Туда вела одна пешеходная и одна автомобильная дорога. Пока шли по пешеходному мосту через реку, увидел стаю уток, ютившихся вокруг полыньи. Берег островка, насколько я мог понять, представлял собой пляж. Еще издалека в глаза бросилась довольно плотная застройка, где наряду со старыми кирпичными пятиэтажками соседствовали современные дома в шестнадцать-семнадцать этажей. Пространство между домами и между жилым массивом и водой было густо засажено дере-

вьями. Я представил, как это место будет выглядеть летом, и решил, что здесь мне нравится.

Наконец, мы зашли в подъезд семнадцатипэтажки и поднялись на третий этаж. Молотов не соврал: квартирка на самом деле оказалась в неплохом состоянии. Большинству обывателей, конечно, захотелось бы сделать в ней ремонт, но пускать пыль в глаза мне не требовалось. Лично меня все устраивало. Слегка подтекающие унитаз и краны на кухне и в ванной я не считал слишком уж фатальным недостатком. Тысяча рублей и несколько часов работы не есть трагедия.

Ударили по рукам. Я отсчитал своему арендодателю сумму за два месяца, заметив, что руки, берущие деньги, заметно тряслись. Видимо, у человека серьезные проблемы с финансами, раз так переживает. Молотов ушел, оставив мне комплект ключей.

Я сел на скамейку на кухне и задумался, глядя в окно. Теперь на какое-то время у меня есть жилье. Значит, я должен как можно быстрее начать работы по выполнению моих грандиозных задач. Оправдания, что не имеется даже угла, где можно было бы сосредоточиться, больше нет. Тем более, форсировать работы необходимо, так как, как я постоянно убеждался, жизнь – штука крайне непредсказуемая. Вот не будет завтра дохода, и опять останусь без крыши над головой. Так что момент надо использовать на полную катушку.

По плану мести оборотням вроде бы все ясно. Необходимо было изготовить заряд реальной массы, килограмма два-

три, и испытать его в каком-нибудь заброшенном и никому не нужном помещении. По энергетическому эффекту было сложнее. Там без ультразвукового реактора что-то делать было бессмысленно. Корпус небольшого реактора я заказал на заводе, удалось не очень дорого купить даже ультразвуковой преобразователь. Но для того, чтобы питать этот преобразователь, нужен был мощный генератор тока ультразвуковой частоты. Готовые генераторы стоили безобразно дорого. С учетом цены генератора смета уже сильно вылезала за те рамки, которые изначально определил Рожин. Когда я протянул смету Рожину, у того глаза полезли из орбит. Он зачеркнул на листке число, которое соответствовало покупке генератора, и написал рядом свое, в три раза меньше.

– Все! Крутись, как хочешь, иначе в теме просто не будет смысла. Мне такой золотой материал нафиг не нужен. Проще будет на стороне купить.

Этот секвестр бюджета, признаться, ввел меня в некоторый ступор. В принципе, можно было вообще обойтись без ультразвукового реактора. Причем существовало даже два способа. Первый, самый простой, заключался в использовании более дорогого импортного компонента безо всяких там заморочек. Но при этом себестоимость конечного продукта довольно чувствительно возрастала. Вторым методом был обычный химический синтез из нескольких видов недорогих растительных масел с использованием определенных катализаторов. Синтез не требовал дорогого оборудования,

но трудоемкость и энергоемкость процесса оставляли желать лучшего. Да и выход готового продукта был далеко не сто процентов, что тоже сказывалось на себестоимости. Ультразвуковой реактор позволил бы проводить синтез с очень высокой скоростью, без катализаторов, нагрева и давления, что резко удешевляло производство. А себестоимость для меня была весьма важна, так как Рожин поставил мою будущую зарплату технолога в прямую зависимость от разницы между ценой готовой продукции и стоимостью ее производства.

Был еще один важный мотив, не связанный с будущим доходом, исходя из которого я никак не мог отказаться от применения в производстве ультразвукового реактора – мне нужно было продолжать исследовать энергетический эффект. Поэтому выхода не было, надо, как выразился Рожин, «крутиться».

Какое-то время искал бэушные генераторы, но без толку. Понял, что придется делать самому. Определенная радиоэлектронная подготовка у меня была еще со школы – эту науку мы изучали на уроках труда, мне даже выдали удостоверение радиомонтажника какого-то там разряда. Но многое уже забылось, да и уровень там был несерьезный. Конечно, найти в интернете готовую схему и собрать по ней устройство я бы смог. Но вот с настройкой всяких там контуров обратной связи, думаю, застрял бы надолго.

Однако, после обдумывания сложившейся неприятной ситуации, меня вдруг посетила весьма привлекательная

идея. Каждый компьютер имеет свой собственный генератор частоты, которым можно управлять программным способом. Почему-то мне казалось, что программы, управляющие этим генератором, с тем, чтобы он выдавал нужную частоту, должны быть во всемирной сети. Надо только хорошенько их там поискать.

Первые же минуты поисков дали положительный результат. Такие программы действительно существовали. Причем некоторые из них можно было совершенно бесплатно легально скачать. Что я и сделал.

При помощи этой программы компьютер выдавал сигнал необходимой частоты, которая регулировалась с очень высокой точностью, на звуковой выход. Дальше усилить готовый сигнал уже не представляло такой большой проблемы. Посидев еще в интернете и просмотрев схемы мощных усилителей ультразвуковой частоты, набросал список радиодеталей, которые необходимо было приобрести. Пролистав каталоги фирм, торгующих радиокомпонентами и просчитав стоимость этих деталей, я был приятно удивлен. Сумма, за которую можно было бы изготовить ультразвуковой генератор, была раз в пятьдесят меньше той, за сколько их продавали. На миг шевельнулась предательская мысль о том, что, возможно, я совсем не тем занимаюсь. Но тут же успокоился: все-таки объемы продаж ультразвуковых генераторов по всей стране наверняка меньше, чем один только Рожин потреблял за год полиуретановой пропитки для своих бетон-

НЫХ ПОЛОВ.

И я, замечтавшись, начал подсчитывать будущую прибыль от производства полиуретана. С Рожиным мы договорились о том, что мой доход будет равен десяти процентам от всего произведенного объема, помноженным на разницу между ценой подобной продукции у конкурентов и нашей себестоимостью. При хорошем раскладе у меня получалось рублей по пять-семь с каждого килограмма. Рожин в среднем за год потреблял около пятидесяти тонн, плюс к этому, он сказал, что при цене на десять процентов ниже, чем у конкурентов, вполне реально продавать на сторону еще тонн сто. Итого – сто пятьдесят. Минутку, сколько это будет? Ух, ты! Получается в год около миллиона. Неплохо. Хватит и на жизнь, и на реализацию моих целей. А ведь производить теоретически можно намного больше, чем сто пятьдесят тонн в год, что составляет каких-то жалких пятьсот килограммов в день. Даже в этом помещении можно достичь объемов пару тонн за смену. Надо только научиться продавать.

Но тут же пришлось резко оборвать свои мечты. Слишком хорошо я успел уяснить истину о том, что жизнь часто преподносит самые неожиданные сюрпризы. Причем чаще всего сюрпризы оказываются неприятными.

Ну, с реактором ситуация становится более или менее понятна. Осталось нарисовать конечную схему усилителя, купить нужные детали и взять в руку паяльник. Но надо еще продолжать двигаться в другом направлении. Нужно уни-

чтожить убийц жены. Уменьшенный вариант заряда испытан успешно – теперь надо масштабировать. Я принялся за дело.

Пластиковая бутылка из-под пива объемом два с половиной литра не выдержала давления, создавшегося при ее нагреве до комнатной температуры. Повезло еще, что, заметив, как она сильно раздувается, и заподозрив неладное, схватил ее и бегом вынес на улицу. Пластик разорвало, обдав окружающее пространство туманом распылившейся «адской газировки». Хорошо, не рвануло. И хорошо, что догадался готовить этот коктейль уже после окончания рабочего дня. А то обязательно случился бы крупный скандал. Хотя взрыва и не было, но запах стоял! Мама не горюй. Стало ясно, что стенки бутылки придется упрочнять. Самое простое решение – обмотать бинтом, пропитанным эпоксидкой.

На следующий день я заготовил несколько упрочненных таким способом бутылей и решил в ближайшие выходные проводить испытания. Для этого нужно было порыскать по окрестностям в поисках заброшенной стройки с подходящим строением. Пришлось использовать для этого свою машину, которая обычно стояла недалеко от ближайшей к заводу станции метро. Я на ней старался не ездить, так как опасался, что официально нахожусь в розыске, а водительские права как-никак были на мое настоящее имя. Соответственно, первая же проверка документов гаишниками на дороге может обернуться большими неприятностями. Но в данном случае решил рискнуть. Объезжать всю округу на автобусах

желания не было. Да и по деньгам это вышло бы намного дороже.

Заброшенных строек обнаружилось немало. Кризис давал о себе знать. Но подходящих строений на их территории найти никак не удавалось. Большинство строек были брошены совсем недавно, мало-мальски пригодные для испытаний сооружения чаще всего были под замком. Да и разрушать строение, находящееся в хорошем и годном для эксплуатации состоянии, у меня просто рука не поднялась бы.

Наконец, после двух дней поисков, подходящее место было найдено. Заброшенная стройка была расположена в центре пустыря. Похоже, строительство было остановлено еще в советские времена. Судя по внешнему виду сооружений, здесь должен был появиться крупный больничный комплекс. На территории стройки обнаружилось подходящее строение – домик, сложенный из бетонных блоков с плоской кровлей из довольно сильно подпорченных гнилью деревянных брусьев и досок. Доски были покрыты остатками шифера. Несколько оконных проемов чернели пустыми глазницами. Полусгнившая дверь висела на одной петле. Внутри были явные следы пребывания бомжей: мусор, пустые бутылки, пара старых грязных матрасов на полу. Это именно то, что мне нужно. Сейчас еще холодно и бомжи навряд ли придут сюда ночевать. А кроме них тут явно никому делать нечего. Но для пущей перестраховки решил выбрать для испытаний утро субботы. Уж в это время ни одна собака сюда носа не

покажет.

И вот наступил день испытаний. Рано утром я приехал на завод, быстро сварганил два с половиной литра «адской газировки», благо для этого все было заранее приготовлено, вкрутил запал и выставил заряд на улицу прогреваться. Через полчаса, первоначально белый и пушистый, иней на поверхности стал потихоньку оплывать. Значит, содержимое уже прогрелось до температуры выше нуля. Пластик пока держал давление. Подождав на всякий случай еще минут пятнадцать, подошел к своей бомбе и осторожно протер ее тряпкой, чтобы убрать конденсат с поверхности. Сквозь упрочняющий слой бинта с эпоксидкой не было видно то, что происходит внутри бутылки, но я надеялся, что конструкция выдержит и не разорвется у меня в руках или машине. Я завернул свое адское устройство в несколько полиэтиленовых пакетов, хотя и понимал, что они меня не спасут, положил сверток в пластиковое ведро из-под краски и плотно прикрыл крышкой. Ведро было необходимо, чтобы пронести заряд через проходную на улицу. У меня заранее была заготовлена накладная на вынос, где была указана краска, что охранники, естественно, проглотили без проблем. Но какой же охранник, если он в здравом уме, станет заморачиваться открывать ведро, чтобы проверить, что там внутри. На нем же русским языком написано – краска.

До места испытаний добрался без приключений, хотя всю дорогу напряженно прислушивался к тому, что происходит

в багажнике, где лежало ведро с зарядом. На тот случай, если вдруг бутылка не выдержит давления, у меня прямо под рукой была припасена специальная маска из респиратора со стеклом. Она, конечно, помогла бы выиграть какое-то время, чтобы увести машину в безопасное место. Однако вероятность воспламенения смеси от случайной искры была очень высока, а от взрыва меня бы уже ничто не спасло.

Машины поставил в стороне от конечного пункта, чтобы в случае каких-то серьезных эксцессов ни у кого из возможных свидетелей не возникло ассоциации между моим автомобилем и взрывом. Вытащил из ведра сверток и осторожно положил в пластиковый пакет. Затем закрыл багажник и не спеша направился вдоль забора стройки, бросая взгляды по сторонам. Несколько собачников, несмотря на раннее время, гуляли в парке, примыкавшем к стройке. Это, конечно, не очень хорошо, но я надеялся, что внутри территории они своих питомцев не поведут.

Сквозь просвет в заборе проник на стройку и не спеша, прогулочным шагом проследовал к месту испытаний. Немного не доходя, обогнул строение, оценивая обстановку. Старый черный, кое-где протаявший до земли, снег не давал информации о том, был здесь кто-нибудь после моего визита. Сделав полный круг, осторожно приблизился к двери и постоял около нее, осматриваясь по сторонам. Вроде все чисто, никого в поле зрения я не увидел. Потянул за ручку, стараясь, чтобы дверь не свалилась с единственной петли, и во-

шел внутрь. Обстановка внутри строения, на первый взгляд, не имела отличий от того, что я видел прошлый раз. Если кто сюда и заходил, то ненадолго. По идее, бомжам здесь сейчас делать абсолютно нечего, а нормальные люди и близко подходить не будут. В данном случае самый опасный контингент – ребятишки, вечно сующие свой нос куда не следует. Но в такое время они обычно еще сидят по домам. Да и вообще, современная молодежь сейчас играм на стройках предпочитает компьютерные.

Распеленал из пакетов заряд и положил на пол в центре помещения. Хотел было поджечь бикфордов шнур, но что-то меня удержало. Постоял, прислушиваясь, и вдруг через оконный проем уловил довольно близкий шум, а затем человеческую речь. Сначала хотел просто затаиться и переждать, но звуки приближались. Люди явно имели целью своего движения именно мое строение. Суетиться и прятать заряд назад в сумку было уже поздно. Шарики и ролики в мозгу лихорадочно крутились, отыскивая решение.

И тут я понял, как надо действовать.

13

Я прикрыл свою бомбу куском картона, натянул на лицо респираторную маску, которую весьма кстати захватил с собой из машины, и вышел на улицу. Два субъекта довольно бомжатского вида, увидев меня, остановились как вкопанные метров пять не дойдя до двери. От моего вида у обоих

отвисли челюсти и выкатились из орбит глаза. Один чуть не уронил сумку, которую нес, другой – большую пластиковую бутылку пива.

– Эй, Толя, – крикнул я, повернув голову в сторону двери. Имя назвал первое, что пришло в голову. Наверное, потому, что так звали одного из рожинских прорабов, – тут еще два пациента к нам пришли.

Голос из-под маски звучал глухо, что, по моему мнению, должно было усилить эффект. Заметив, что гости растерялись и уже готовы дать деру, я добавил:

– Здесь обнаружено заражение сибирской язвой. Кто-нибудь из вас сюда заходил раньше? – оба отрицательно качали головами, – тогда быстро валите отсюда, пока мы вас в карантин не закрыли.

Визитеры, не говоря ни слова, развернулись и затрусили прочь. Я провожал их взглядом до тех пор, пока те не скрылись за забором. Подождав еще несколько минут, я решил, что медлить нельзя, решительно вошел в здание и поджег шнур. Теперь у меня есть минута, чтобы отойти в заранее выбранное, безопасное для наблюдений, место. Оно находилось на первом этаже недостроенного многоэтажного корпуса.

Не успел толком расположиться, как черные глазницы оконных проемов моего объекта испытаний озарила яркая оранжевая вспышка, а через мгновение долетел ужасающе громкий хлопок, смешанный с жутким ревом. Зрелище сто-

ило того, чтобы терять время и средства на его подготовку. Дверь сорвалась с единственной петли и отлетела, кувыркаясь, метров на двадцать. Из дверного проема, раздуваясь, полз оранжевый пузырь, лопнувший с адским грохотом. Такие же пузыри, только меньшего размера, показались из окон.

Крышу сначала приподняло метра на три, а затем разорвало на отдельные брусья, доски и куски шифера, разлетевшиеся по округе. Сами стены, на первый взгляд, устояли, но строение казалось сильно деформированным. Между блоками появились заметные зазоры. Если бы кровля оказалась немного прочнее, то стены, приняв на себя большее давление, наверняка бы не выдержали.

Бороться с желанием заглянуть внутрь того, что еще недавно было строением, было тяжело. Но рисковать угодить в милицию тоже совсем не хотелось. Грохот здесь стоял такой, что я бы удивился, если никто из окрестных жильцов или прохожих не позвонил в компетентные службы. В принципе, и так ясно – заряд такой массы способен обрушить перекрытия железобетонного панельного строения. Можно сказать, что испытания закончились успешно. Доработать конструкцию так, чтобы из экспериментального устройства оно превратилось в полноценный боеприпас, представляло собой чисто инженерную задачу.

Теперь важнее решить проблему его доставки к месту назначения. И здесь я пока еще находился в нулевой стадии. Конечно, кое-какие мысли присутствовали, но я колебался,

не в силах сделать выбор между покупкой беспилотника и изготовлением ракеты. У каждого решения были свои плюсы и минусы. Как химику, мне, конечно, проще было сделать ракету, но внятно представить, как ею управлять в полете, не получалось. С беспилотником дело обстояло на порядок проще. Можно было свободно приобрести такой небольшой самолетик, оснащенный видеокамерой и управляемый с расстояния в несколько километров. С одним небольшим нюансом – стоимость аппарата, способного к полету с полезным грузом три-четыре килограмма, зашкаливала. Учитывая тот факт, что аппарат должен был стать сугубо одноразовым устройством, мысли о необходимости его приобретения вызывали у меня стойкую депрессию.

Но эти все сомнения лучше отложить на потом, а пока можно сказать, что первую часть задачи я выполнил. С чувством выполненного долга я пошел по заранее намеченному маршруту на выход со стройки. Маршрут этот специально пролегал внутри недостроенных зданий, чтобы с улицы меня нельзя было заметить. В то же время сквозь проемы в стенах я мог спокойно наблюдать обстановку снаружи. Этот скрытый путь выводил меня к забору на сторону стройки, противоположную той, через которую я зашел. В этой стороне в заборе также имелся проем. От здания до него мне предстояло преодолеть всего метров пятьдесят открытого пространства. Выйдя на улицу, постарался сделать как можно более непринужденный вид, положив руки в карманы и идя нето-

ропливой расслабленной походкой. При этом я не забывал бросать по сторонам зоркие взгляды. Достигнув просвета в заборе, вышел на дорогу. Одиноким прохожим, казалось, не было абсолютно никакого дела ни до меня, ни до взрывов на стройке. Каждый шел по своим делам, озабоченный только своими проблемами.

Не успел я отойти от дыры в заборе и на два десятка метров, как из-за угла показался милицейский автомобиль. Кажется, мои опасения насчет бдительных горожан оказались небеспочвенными. Но, слава Богу, пронесло. Наряд, разбрызгивая грязь по сторонам, промчался мимо меня дальше, завернув за угол. До машины, оставленной в полукилометре, добрался без приключений.

Приехав домой, на островок, сразу бросился на диван. Сначала хотел выспаться, так как перед испытаниями мучила бессонница, и поспать за ночь в общей сложности удалось хорошо, если пару часов. Да и то, правильно ли называть сном те короткие моменты полузабытья, в которые время от времени проваливался разум с тем, чтобы тут же вынырнуть? Вообще, с этим надо что-то делать, потому, что нормального здорового сна у меня не было полгода. С тех самых пор, как началась эта история. Подсаживаться на успокоительные совсем не хотелось, так как все эти средства обладают весьма неприятными побочными эффектами. Что-то подсказывало мне, что нормальный сон вернется, когда я достигну главной своей цели – отомщу убийцам Машуни. Так

что мучиться мне предстоит еще долго.

Сегодняшние испытания, без сомнения, приблизили этот момент, но решение самой главной задачи – доставки устройства в пункт назначения – еще впереди. И пока даже не знаю, как к ней подступиться.

Время, конечно, все излечивает, но я всерьез опасался, что в моем случае еще до момента излечения с недосыпу вполне реально может поехать крыша. Однако появилась еще одна вещь, которая могла уберечь мой разум от разрушения. В последнее время я стал замечать, что чувство мести стало терять свою прежнюю остроту. Это даже вызывало у меня определенный психологический дискомфорт. Нет, не то, чтобы появлялись какие-то предательские мыслишки вообще отказаться от мести. По-прежнему при воспоминаниях о жене в голове становилось тяжело и муторно. Мне хотелось покарать ее убийц с примерной жестокостью. Но если первое время просто хотел уничтожить всех, так или иначе замешанных в убийстве, даже если при этом погибнут невинные, то постепенно начал склоняться к тому, чтобы все-таки выявить и наказать непосредственных участников. Я опасался, что это являлось подсознательным желанием просто уклониться от мести. Потому что, если со взрывом здания милиции все просматривалось, хотя и не без нюансов, то расследование убийства моими силами и выявление участников выглядело весьма сомнительным мероприятием. Конечно, было бы достаточно денег, можно было по-

ручить это какому-нибудь частному детективу типа тех, которых постоянно крутят в телесериалах. Я, правда, понятия не имел о масштабе требуемой суммы, но подозревал, что нужных средств мне не собрать и за несколько лет.

В случае с частным детективом вопрос был, как хотелось надеяться, просто в деньгах. Тем более, что в свете последних событий появилась надежда неплохо заработать. А вот как решить эту задачу чисто своими силами – тут мне в голову ничего путного пока не приходило. Не буду же я, как в современных телебоевиках, караулить Упыря с тем, чтобы дать ему по башке, отвезти в укромное место, и там пытаться, пока не расколется. Возможно, чем-то мог бы помочь Баринов. Но у меня не было стопроцентной уверенности, что при встрече вместо помощи не получу от него браслеты на руки.

Да, кстати, о «заработать». Завтра я должен получить ультразвуковой реактор, который уже две недели делали по моему заказу на заводе. Такой длительный срок исполнения был вызван совсем не высокой сложностью работы, а тем, что это было обычной «халтурой», которую конкретные Вася и Петя делали в свободное от работы время, да еще и с необходимостью соблюдения правил конспирации.

Усилитель к этому времени был мною уже спаян и испытан, так что в случае, если завтра я получу свой долгожданный заказ, то смогу начать производственные эксперименты. В принципе, это пока был не совсем производственный реактор. Максимальное количество компонента полиуретана,

которое можно было бы сварить в нем за день, не превышало двухсот килограммов. Но двести кило компонента – это больше тонны готовой пропитки. Даже это количество, если удастся его продать, обеспечило бы мне ежедневный гонорар в пять-семь тысяч рублей. А за месяц просто умопомрачительная для меня по нынешним меркам сумма. С таким доходом и правда за несколько месяцев удастся нанять частного детектива. Ладно. Я суеверно отмахнул от себя эти подсчеты будущего дохода. Ведь есть же такая поговорка: «хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Что толку сейчас планировать? Что будет, то и будет. Но насчет продолжения исполнения планов мести – тут, действительно, лучше подождать, пока не прояснится финансовая ситуация.

Заводские работяги на этот раз не обманули, реактор удалось получить. Так как выдали мне его в виде отдельных частей, то весь остаток дня ушел на сборку. Процесс пуска ожидался долгой процедурой, так что я решил перенести ее на следующий день.

Ожидания проблем при пуске полностью оправдались – регулятор давления работал нестабильно, через уплотнение излучающего стержня преобразователя сочилась жидкость. Устранение всех этих весьма досадных затруднений заняло два дня. Наконец, настал момент, когда я смог начать испытания. Основная сложность заключалась в подборе оптимальных параметров работы. Если бы у меня был метод

быстрого контроля того, что получалось на выходе, то вся работа могла бы уложиться буквально в один день.

Мне же приходилось использовать метод, так называемой, тонкослойной хроматографии, от которого нормальные научные работники и технологи отказались еще лет двадцать назад. Заключался он в том, что на специальную тонкую пластинку нужно было нанести каплю исследуемого вещества, а рядом капнуть свидетеля. Затем пластинка ставилась одним концом вертикально в ванночку с растворителем и помещалась в герметичную стеклянную емкость. Дальше надо было следить за тем, что происходит с этими пятнами, по мере того, как они ползут вверх по пластинке. Время проведения одного анализа составляло несколько часов. Единственным бесспорным достоинством этого метода была его дешевизна. Если стоимость современного аналитического оборудования составляла десятки, а иногда и сотни тысяч американских денег, то все необходимое для тонкослойной хроматографии стоило сущие копейки.

Около недели занял подбор параметров реактора, но в конце концов мое терпение было с лихвой вознаграждено. Теперь мой реактор выдавал необходимое количество компонента полиуретана с очень хорошими свойствами. Скоро наступил момент, когда я смог отрапортовать Рожину о готовности к началу производства.

К этому моменту я постарался подготовиться основательно – наделал образцов материала, распечатал экономические

расчеты. То есть, сделал максимум возможного для того, чтобы Рожин решил: «нет, не зря я потратил на этого химика свои деньги и время». Утром зашел в контору и почти торжественным тоном, будто на открытии завода или, на худой конец, крупного торгового центра, пригласил его пройтись до дальнего склада – моей лаборатории. Хотя теперь можно заявлять гордо – производственного цеха.

Как и надеялся, представленные результаты произвели на моего работодателя весьма благоприятное впечатление. Конечно, время от времени Рожин заходил ко мне проконтролировать – как продвигается работа, но одно дело видеть какие-то непонятные устройства и агрегаты, а другое – пощупать руками готовую продукцию. Вообще-то, он даже не пытался скрыть удовольствие от увиденного. Потрогал, поцарапал гвоздем образцы пропитки, нанесенные на листы шифера. Подергал на разрыв пленки полиуретана. Затем внимательно изучил мои экономические выкладки.

– Пока ничего здесь не трогай, придет Денис – я его сюда свожу. Пусть полюбуется. А то весь месяц мозг мне выносил, что куча денег просто так на ветер улетает. Да, файл этот, где у тебя экономические расчеты, брось мне сейчас на электронку, я его хочу посмотреть повнимательнее.

Денис приперся в контору, как всегда, под конец дня, так что его и Рожина визит ко мне состоялся уже после шести.

Деструктивный настрой Дениса был виден невооруженным взглядом. Для того, чтобы это понять, достаточно было

взглянуть на скептически кислое выражение его физиономии. Все вопросы, которые он мне задавал, явно были призваны вывести меня на чистую воду. Сначала я никак не мог понять причину такого отношения, но потом дошло.

Насколько я мог понять из офисных разговоров за чашечкой кофе или по каким-нибудь праздникам, стаканчиком вина, он всегда позиционировал себя как сугубо творческую личность и «генератор идей». Честно говоря, за тот период, что я проработал на фирме, так и не понял, какие именно его идеи послужили для развития предприятия. Но дело даже не в этом – я всегда принимал, что просто могу не владеть полной информацией. Здесь главным было то, что он, назвавшись «генератором идей», присвоил себе монопольное право на новое. Идея с началом производства полиуретана принадлежала чисто Рожину, и именно отсюда такое резкое ее неприятие. Дело было совсем не во мне.

– И сколько ты сможешь выпускать этой хрени при помощи всего вот этого? – он обвел рукой мой угол, заставленный оборудованием и разными емкостями.

– Что касается пропитки для бетона, то я один в день смогу сделать около тонны. Если подкупить еще немного оборудования и дать мне одного человека в помощь, то, в принципе, можно производить в два раза больше. Но тогда нужно будет еще место для хранения сырья и готовой продукции.

– А какая себестоимость производства?

Число, которое я назвал, похоже, произвело на него впе-

чатление. Он принялся что-то прикидывать в уме. Наверное, потенциальную прибыль.

– А на что вы с Рожиным договорились по оплате?

Я ответил. Взгляд Дениса опять уперся куда-то в потолок.

– Да, ладно, – вступил в разговор Рожин, – у меня есть файл с полными экономическими расчетами, сейчас вернемся в контору – покажу. Вообще, только по нашим объектам, если не покупать пропитку, а делать самим, то экономия уже будет под два лимона в год. А если мы выставим цену рублей на десять-пятнадцать ниже, чем у других, то сможем продавать ее хоть по пятьдесят тонн в месяц, и все равно будем иметь минимум сорок тысяч рублей с тонны чистыми.

Во время всего монолога Рожина я внимательно следил за выражением лица Дениса. И от меня не укрылось то, как вдруг, словно кто-то невидимый щелкнул выключателем в его голове, взгляд его совершенно изменился.

– И что ты думаешь дальше делать? – спросил он Рожина.

– У меня сейчас как раз есть небольшой объектик под пропитку. Туда нужно будет около тонны. Вот я и думаю, хороший повод для нормального испытания. Сейчас купим сырья на одну тонну, сделаем материала и посмотрим, как он поведет себя на реальном бетоне в реальных условиях.

– А не боишься?

– Чего?

– Ну, что облезет все нафиг.

– Не должно. Образцы вроде нормально сделаны, ничего

не отслаивается. А если облезет, то поверхность шлифанем слегка и покроем обычным материалом. Тут всех потерь будет только на верхний слой, и разок шлифаком пробежаться. Затраты не Бог весть какие, зато точно все будем знать.

Денис стоял в оцепенении, которое обычно бывает у людей перед принятием ими какого-то важного решения. Мне это показалось странным. Учитывая весьма существенные финансовые обороты предприятия, раздумывать так мучительно над покупкой материалов стоимостью в несколько раз меньше, чем уже было вбухано на эту тему, граничило с крохоборством. Но, может, причина задумчивости совсем не в этом?

– Здесь все ясно, пошли в контору, обсудим подробнее, – сказал Рожин, слегка хлопнув по Дениса плечу и, казалось, совершенно не замечая странного состояния своего товарища.

Денис еще какое-то время поглядел на стоящее в моем углу оборудование, рассеянно постучал по корпусу реактора костяшками пальцев и двинулся в сторону ожидавшего его у дверей Рожина.

Через несколько дней приехало сырье и тара – стальные ведра по двадцать пять литров. С непривычки, да еще и одному, за один день приготовить и разлить по ведрам тонну материала оказалось не по силам. Много было еще просто не отработано. Принимать решения по многим действиям приходилось на ходу, и не все такие решения оказывались

правильными. Зато я был уверен, что при производстве следующей партии время можно будет сократить минимум в полтора раза.

Так или иначе, но тонну пропитки удалось сделать без серьезных эксцессов, по крайней мере, без потерь сырья и продукции. Склад, и без того довольно сильно загруженный всяким оборудованием и материалом, оказался заставлен ведрами с пропиткой. Ведра стояли в два яруса вдоль прохода до самой двери, поблескивая синими боками. И блеск этот, надо сказать, приятно грел душу. Наверное, так же художник или скульптор воспринимают свое готовое произведение, над которым они трудились на протяжении долгого времени.

Долго любоваться плодами своего творчества мне не удалось. На следующий день к складу подъехала рожинская газель, и пришлось всю эту красоту погрузить, чтобы отвезти на объект. Но я надеялся, что это не последняя партия.

Дней десять я отдыхал. Единственное только, заказал рабочим на заводе изготовление кое-каких технических фишек, которые пришли в голову по итогам производства первой партии продукции. Фишки должны были сильно облегчить мой труд и увеличить производительность.

По истечении этой паузы в один прекрасный день Рожин попросил меня зайти к нему. Я сразу понял, что речь пойдет об итогах использования продукта моей деятельности в конкретных условиях строительного объекта. Честно гово-

ря, этого момента ожидал с некоторым страхом. Во-первых, нанесение пропитки на куски шифера, ну, или даже самодельные небольшие отливки из пескобетона и на реальный бетонный пол – это, как говорится, две большие разницы. И вообще, перед нанесением полиуретановой пропитки поверхность надо тщательно готовить – шлифовать, пылесосить. А ведь не факт, что рабочие под чутким руководством прораба типа Демидова сделали все так, как положено. Могло быть еще хуже – вдруг у меня есть здесь тайный недоброжелатель. Достаточно попросить рабочих не особо сильно заморачиваться на подготовке, и пропитка после высыхания начнет слезать с бетона чулком. Или, что еще надежнее, перед нанесением смочить бетон водой. Что я вообще знаю про ту невидимую глазу кухню, которая незаметно пыхтит в конторе! Услышанные обрывки разговоров в те немногие часы, что приходилось проводить в офисе, давали понять о наличии непонятной подковерной борьбы. Я совершенно не старался вникать в подробности этих интриг, и, честно говоря, меня в них никто и не пытался посвятить. Наверное, потому, что в глазах офисного персонала я являлся фигурой сугубо временной. Да и какое обо мне могло быть иное представление, если всем было известно, что в офис я пришел, что называется, «от сохи», то есть из рабочей бригады. А Демидов, например, меня всегда так и воспринимал: как бетонщика невысокой квалификации, который выплыл наверх, так некрасиво воспользовавшись его, Демидова, про-

махом. Ведь наверняка Рожин не ставил его в известность о причинах моего ухода из бригады и о том, чем именно я занимаюсь на дальнем складе. Так что, надо признаться, опасения мои имели под собой основания.

Когда я зашел, Рожин сидел за столом и что-то набирал на клавиатуре. Почему-то промелькнула мысль, что ни разу не видел его играющим в компьютерные игры, смотрящим фильмы или читающим всякую белиберду. В отличие от его компаньона. Может, когда кто-нибудь подходил к его кабинету, он быстро закрывал окно на мониторе? Вряд ли. Зачем ему фактически первому человеку на предприятии, от кого-то прятаться? Увидев меня, он кивнул на стул напротив себя, явно приглашая сесть. По лицу Рожина трудно было предсказать, насколько благоприятным для меня ожидался разговор.

Не говоря ни слова, он открыл ящик стола, вытащил оттуда пачку тысячных купюр и начал отсчитывать. Я машинально следил за его пальцами, считая вслед за ним. На двадцатой купюре он сделал небольшую паузу, затем, после недолгого раздумья, отсчитал еще десять тысяч. Затем остаток пачки вернулся обратно в ящик, а отсчитанное количество он положил передо мной на стол.

– Это премия, во-первых, конкретно за эту тонну материала. И вообще, за успешное начало выпуска продукции. Здесь тридцать.

Я, признаться, не был готов к такому обороту, поэтому

растерялся и не сразу взял лежащие деньги. На несколько секунд повисла неловкая пауза. Наконец, смысл происходящего до меня дошел, и я взял стопку купюр, не считая.

– Спасибо, – только и смог выдать из себя.

– Да не за что, тебе спасибо. Нормальный материал получился, так что будем работать. Оклад у тебя остается прежним, а премии, как договаривались. Сейчас думаю нанять несколько человек на обзвоны, в интернете объяв надавать побольше, чтобы не только для моих объектов производить, а еще и на сторону продавать. Будем надеяться, что скучать тебе скоро не придется. И бабла заработать получится.

Насчет бабла – это он очень правильно заметил. Мне бы оно сейчас совсем не помешало. Так глядишь, если все нормально получится, то на самом деле можно будет обратиться к частным детективам. Да и по энергетическому эффекту будет возможность начать работы. Давно забытое чувство эйфории нахлынуло вдруг. Захотелось куда-то бежать, что-то делать. Было ощущение, что нет для меня сейчас непосильных задач, что, если вдруг появилась бы такая необходимость, то свернул бы горы одним движением пальца. Давно такого не испытывал. Машуня за меня бы сейчас пораздовалась. Мысль о Машуне обожгла и тут же расставила все на свои места. Будто с освещенной солнцем вершины горы кубарем скатился в темное сырое ущелье. Из победителя и триумфатора, которому по плечу любая задача, я моментально превратился в бомжа, живущего по чужим документам,

несправедливо обвиненного в убийстве и обуреваемого жаждой мести.

Судя по всему, Рожин был в превосходном расположении духа, так что резкую и необъяснимую, на его взгляд, перемену в моем настроении, похоже, не заметил.

– Ты сейчас на островке у Ивана живешь? – спросил он вдруг. Я кивнул.

– Поехали, я тебя подвезу, мне как раз сейчас в те края надо.

Рожин начал собираться к отъезду, я вышел из кабинета, снял с вешалки свою куртку и стал ждать его у выхода. Спустя минуту он вышел, закрыл кабинет на ключ и сделал мне знак следовать за собой. Мягкое кожаное сиденье приятно приняло мое тело, дверь машины почти беззвучно закрылась за мной, и новенький черный Лексус Рожина тронулся с места. Первый раз мне удалось поехать на этой машине. Нельзя сказать, чтобы я завидовал Рожину за его красивую крутую тачку. Если бы я был так падок на внешнюю атрибутику того, что у нас считается «красивой жизнью», то, наверное, в свое время вместо «девятки» купил бы в кредит какую-нибудь иномарку покруче. Честно говоря, этот вариант серьезно рассматривался, но рациональность тогда взяла верх. Когда я подсчитал, во что выйдет выплата за кредит, страховку, техническое обслуживание у официального дилера с их грабительскими ценами, то выбор сразу же пал в пользу поддержанной отечественной машины. Плюс к этому, стоимость

нового автомобиля в первые годы падает очень сильно. И это падение цены тоже следует приплюсовать к финансовым потерям.

Правда, усевшись в кресло рожинского Лексуса, я понял приверженность многих моих соотечественников дорогим авто. Удобства, конечно, несравнимы. До этого мне не приходилось ездить в машинах такого класса. Впечатления поездки сильно поколебали мое мнение о преимуществе прагматичного подхода в вопросах выбора автомобиля. Подвеска бесшумно проглатывала ямы, которыми был щедро усеян асфальт заводской территории, будто это было шоссе высшей категории. В салоне при этом стояла абсолютная тишина, так что можно было бы безо всяких помех разговаривать по телефону. Кстати, для Рожина этот факт должен иметь большое значение. Ведь ему в любой момент могут позвонить клиенты, а возможность быстро уйти на обочину и остановиться бывает далеко не всегда.

Мне стало интересно – во сколько выливается этот комфорт.

– Классная тачка, – начал я, хорошо зная, что комплимент автомобилю владелец всегда воспринимает, как сделанный ему лично. Как я и рассчитывал, лицо Рожина довольно расплылось.

– Год назад по случаю взял. Чувак один за долги отдал. Получилось с дисконтом процентов тридцать.

– А она новая была?

– Почти. Она у него всего чуть больше года бегала. Там пробега было пятнадцать тысяч.

Я бросил взгляд на спидометр. Счетчик километража показывал почти пятьдесят тысяч километров. Рожин заметил мой взгляд.

– Ну, я-то его, – он похлопал рукой по приборной панели, – использую в хвост и гриву.

– Обслуживание, наверное, дорогое у такой машины?

– Да, нет, как раз наоборот. Просто у нее никогда ничего не ломается.

Да, конечно. Пока новая – не ломается. Тем более, что понятия дорогое и дешевое – весьма относительны. То, что для него недорого, для меня может быть вообще разорительно. Так и не получив толком желаемую информацию, решил прикрыть эту тему. Но в ходе поездки Рожин все равно проговорился. Оказалось, что не так давно он стукнул в задницу впереди идущую машину. Замена бампера, радиатора и небольшой кузовной ремонт обошлись ему в семьдесят тысяч. Я бы со своей девяткой в аналогичном случае уложился бы в сумму в десять раз меньшую. Вот она – цена комфорта. Я не удержался и высказал замечание по этому поводу. Рожин посмотрел на меня, как мне показалось, слегка удивленно. Ответил не сразу.

– Ты знаешь, дело не только в комфорте или в том, например, чтобы окружающие смотрели на тебя с завистью. Точнее, совсем не в этом. Ты, вот, знаешь, какой самый большой

риск в малом бизнесе, особенно, в строительстве? – и, не дожидаясь ответа, продолжил, – самый большой риск – это риск кидалова. То есть, что тебе не заплатят за выполненную тобой работу. Потому что если заказчик считает, что может кинуть тебя безнаказанно, то с большой степенью вероятности он так и поступит. В российском бизнесе какие-то соображения морали – пустой звук. Людьми двигают только жадность и страх. И платят, только когда боятся, что, вот, кинешь подрядчика, а потом к тебе нагрянут бандиты или менты. А какой главный признак того, есть у подрядчика крыша или нет? Его машина. Машина дешевая – значит, денег нет, потому что лох. А если лох, то можно кидать безнаказанно, так как у лохов крыши не бывает. И чем богаче и круче заказчик, тем более проявляются в нем эти признаки.

– Значит, если я приеду к заказчику, например, на какой-нибудь старой девятке, то меня обязательно кинут?

– Ну, скажем так, не на сто процентов, но больше, чем на пятьдесят. Зависит от конкретного случая. Вот, я заметил такую вещь – среди производственников кидальщиков в несколько раз меньше, чем среди всяких инвесторов офисных или жилых комплексов или тех, кто сидит на государственных подрядах. Не знаю, что именно влияет. То ли из-за того, что чувствуют себя офигенно крутыми, то ли просто из-за разницы в психологии. Может, в производство изначально идет определенный психологический тип людей. Вообще, на самом деле, производственника даже по телефону можно

отличить от тех, кто строит жилье или офисы. Манера речи совершенно другая. Знаешь, эти даже когда по телефону первый раз в жизни с тобой разговаривают, уже стараются морально задавить. Учат их этому что ли?

– А что – судиться с ними нельзя?

– Теоретически, конечно, можно. Но если такой урод пошел на принцип, то арбитраж выиграет, чего бы это ему ни стоило. Сделает липовую экспертизу и докажет, что работа сделана некачественно. Элементарно взятку судье заплатит. Так что судиться смысла большого нет, и уроды прекрасно об этом знают. И вообще, чего еще можно ожидать, когда кидалово поставлено в ранг доблести?

– В каком смысле?

– Да в самом прямом. Эти ублюдки, когда встречаются между собой где-нибудь в сауне или в ресторане, хвастаются друг перед другом кто как кого сумел кинуть. А если кинуть не удалось, то ему просто стыдно в этом признаться. Если друзья узнают, то это – позорище. Получается, что он сам – лох, и его вообще уважать перестанут. Поэтому, хочешь не хочешь, а приезжать к заказчику нужно на хорошей тачке. Посмотрит – чувак, вроде, крутой. Кто его знает, вдруг у него дядя – прокурор. Или начальник УБЭП. И подумает, что лучше не рисковать. Так что эта машина для моего бизнеса намного важнее, чем, скажем, пять двухроторных вертолетов. Хотя и стоит всего как три вертолета. Понятно?

В принципе, мне все было понятно. О таких аспектах

необходимости иметь крутую машину я как-то до сих пор не задумывался.

Объем производства постепенно возрастал, что, естественно, не могло меня не радовать, так как каждая тонна обеспечивала неплохой доход. Спустя пару месяцев в среднем я делал по тонне материала в неделю. Такой объем был еще далеко не пределом того, что бы я мог сделать один без чьей-либо помощи. Но для облегчения своего труда и уменьшения затрат времени пришлось слегка пошевелить мозгами. Результатом стали кое-какие весьма полезные технические ухищрения.

Настрой у меня был вполне оптимистичный – доход рос, перспективы виделись весьма радужными. Я стал планировать начало работ по энергетическому эффекту и мониторил расценки частных детективов. К этому моменту я окончательно отказался от планов мести с помощью взрыва здания милиции. Слепая жгучая ненависть ушла, уступив место более прагматичным мыслям. А мысли эти говорили о том, что просто отомстить недостаточно. Важно еще и восстановить мое доброе имя, чтобы не жить всю жизнь под чужой фамилией, шарахаясь от каждого мента. В случае с подрывом отделения не только не будет достигнута эта цель, но опасность еще увеличится. Ведь я на самом деле стану особо опасным преступником-террористом. Смогу ли я после этого, даже отомстив за Машуню, спать спокойно? Что-то подсказывало, что вряд ли.

Так что теперь оставалось копить деньги и искать подходящего частного детектива. И, как ни странно, простое принятие конкретного решения моментально внесло спокойствие в сумбур, творящийся в моей голове. Потраченному времени и сил на то, чтобы изготовить и испытать «адскую газировку», было совсем не жаль. Я уже лет пятнадцать мечтал проверить эту идею и был рад тому, что нашелся подходящий повод. Мало ли, где эта «газировка» еще сможет пригодиться.

Тем временем лето вовсю входило в свои права. Конец мая и начало июня выдались солнечными и теплыми. Остров превратился в натуральный зеленый оазис, окруженный со всех сторон водой. На пляжах появились первые отдыхающие и стойкий аромат шашлыка. Ну и, как это обычно бывает в нашей стране, неизбежные пустые бутылки и мусор. Купались, правда, пока немногие, но в выходные загорающими все было усеяно как где-нибудь на морском курорте в сезон. Я все же пару раз рискнул искупаться и, признаться, не пожалел. Долго в воде, конечно, находиться было нельзя, но пара минут плавания весьма бодрила. Все это также положительным образом сказывалось на настроении и оптимистичной оценке перспектив. Последнее время я пребывал в состоянии какой-то эйфории, каком-то предвкушении скорого наступления важных событий, которые должны быстро и к лучшему изменить мою жизнь.

И события не заставили себя долго ждать. Вот только в

оценке их благоприятного влияния я, как оказалось, жестоко ошибался.

14

Это был теплый солнечный понедельник. В тот день приехал в контору как всегда – чуть пораньше девяти. Я постоянно приходил в такое время, чтобы успеть переодеться и ускользнуть на дальний склад до прихода сотрудников офиса. Трудно сказать, зачем я это делал. Как ни прислушивался к себе, особой неприязни к ним не обнаруживал. И, тем не менее, вероятность встретиться в конторе с кем-нибудь вызвала внутренний дискомфорт. В конце концов, решил, что это все из-за различий в мировосприятии. Их офисные разговоры вводили меня в смертельную тоску – настолько мелкими казались все эти обсуждаемые ими проблемы.

Я постучал в дверь рожинского кабинета и, не дожидаясь ответа, нажал на ручку. На месте Рожина сидел Денис. Этот факт меня настолько удивил, что несколько секунд я находился в ступоре. Удивительным было не отсутствие Рожина, который все-таки не каждый день появлялся с самого утра, а присутствие здесь Дениса. Вот уж кого-кого можно было рассчитывать здесь встретить в столь ранний час, но только не его. Самое раннее, когда я видел его в офисе, это время сразу после обеда – где-то, в час – полвторого. И вид Дениса в конторе ранним утром моментально вызвал какие-то тре-

возможные предчувствия. Не сразу, только по прошествии паузы в несколько секунд, Денис поднял свой взгляд на меня, оторвавшись от созерцания монитора. Мне вдруг пришло в голову, что пауза эта – совсем не случайность, а вполне осознанное действие. В тех редких случаях, когда мне по тем или иным поводам приходилось к нему обращаться, я наблюдал то же самое. Похоже, таким способом он пытается сразу продемонстрировать собеседнику свое превосходство. Тут я вспомнил, что кто-то в конторе говорил, будто Денис в свое время посещал кучу всяких курсов и тренингов типа «как стать миллионером». Интересно, этому его на курсах обучали, или он по жизни такой?

Наконец, я догадался поздороваться. С Рожиным и Денисом я пока был на «вы», несмотря на то, что разница в возрасте у нас была не более десяти лет. Но с молодых ногтей воспитанное чувство уважения к порядку субординации не позволяло мне панибратствовать.

– А, Олег! Здорово-здорово! – радостным голосом, изобразив неестественно приторную улыбку, ответил Денис, слегка приподнимая от кресла свой зад и протягивая ладонь. Я подошел и пожал его руку.

– Садись! – он жестом указал место за столом напротив себя, – скажи мне такую вещь – сколько тебе Рожин платить обещал?

Я попытался ответить, но в этот момент в кармане зазвонил телефон. Извинившись, я достал трубку. Звонил Рожин.

– Ты где сейчас? В конторе? – начал он безо всякого вступления. Я ответил утвердительно.

– Денис сейчас рядом с тобой?

– Да.

– Так, ясно. Короче, смотри: что бы он тебе ни предлагал – на все обещай подумать. Ничего конкретного ему не обещай. Как освободишься от него, тут же позвони мне, но чтобы он не знал. И не говори ему, что я тебе звонил. Понял?

– Да, – ответил я и услышал в трубку гудки. Хотел заблокировать телефон и положить в карман, но тут боковым зрением уловил настороженно-подозрительный взгляд Дениса, вспомнил, о чем просил Рожин и добавил, – Нет, я сегодня поздно вернусь, лучше завтра. Ага, хорошо, ну, давай – пока.

Мне показалось, что после моих слов несуществующему собеседнику напряжение во взгляде Дениса спало.

– Рожин звонил? – было видно, что равнодушный тон дается ему с трудом.

– Нет. Так – товарищ один.

Похоже, что он мне поверил. Ну, или сделал вид.

– Так на что вы с ним договаривались? – повторил Денис свой вопрос.

Я ответил. Денис немного помолчал, будто раздумывая, хотя почему-то мне показалось, что он все давно просчитал, а задумчивость – только игра. Наконец, продолжил, пытаюсь сказать это как можно более участливым тоном. Нет все-таки актер из него никудышный – участие было фальшивым.

– Не тяжело тебе одному работать?

– Нормально. У меня там все автоматизировано по максимуму. До полутора тонн в день без проблем справлюсь. Будет больше – тогда нужно думать. Но в таком случае надо расширять площади. Под продукцию и сырье на дальнем складе места не хватит.

– Слушай, – перебил он меня, – давай так сделаем. Я тебе в помощь дам человечка, но зарплату твою придется чуть-чуть урезать. Немного – процентов на двадцать. Зато тебе будет в два раза легче. Времени свободного прибавится.

Он вообще слушал меня или нет? Я же ясно сказал, что мне совсем не тяжело и никакие помощники не нужны. Но взял себя в руки и произнес спокойным тоном.

– А кого, если не секрет?

– Да Диму, ты же знаешь его. Нормальный парень.

Диму я хорошо знал. Парень приехал в Москву из Донецкой области еще лет пять назад, женился здесь на местной и получил гражданство. Работал у нас в конторе подсобным рабочим на складе. Иногда, когда нужно было что-то взять из материала или инструмента, появлялся у меня. В такие моменты мы с ним перебрасывались парой фраз. Парень действительно неплохой. Но была в нем некая угловатость и ущербность. Я предположил, что виноваты внутренние комплексы. Было такое впечатление, что его постоянно гложет чувство зависти. Может, это оттого, что в конторе среди москвичей он чувствует себя человеком второго сор-

та? Но все равно, будь он даже гением или ангелом во плоти – почему я должен с ним делиться своими деньгами?

– Да, Дима нормальный парень, – я уже еле мог сдерживать раздражение в голосе, – но почему я должен отдавать ему свои деньги? Я же сказал, что пока мне помощь не нужна.

Денис метнул в меня недовольный, я бы даже сказал, злобный взгляд, и на несколько секунд задумался.

– Подожди, Олег. Тут, видишь ли, какое дело. У Димы сейчас тяжелое положение, жену уволили с работы, а ему кредит выплачивать. Он же тебе реально будет помогать, а ты чуть-чуть с ним поделишься.

Черт возьми, он уже почти уговорил меня. Да, вредно в нашем мире быть добрым и сострадательным. Но тут я прикинул, какую сумму буду отдавать ему каждый месяц в случае, если производство выйдет на тонну в день, и жадность моментально спровоцировала чувство праведного гнева.

– Денис, я все понимаю, но у меня тоже тяжелое положение. Если вы хотите помочь хорошему человеку, то придумайте какой-нибудь другой способ. Не за мой счет. У меня и так каждый рубль на счету. Пусть, я не знаю... на объектах помогает. Мне очень жаль, но на такие условия я пойти не могу.

Лицо Дениса приняло такое выражение, что я даже испугался. В глазах блеснула ярость. Было такое впечатление, что, имея он под рукой пистолет, тут же пристрелил бы меня.

Но это продолжалось только секунду. Затем он сумел взять себя в руки и продолжил совершенно спокойным тоном.

– Очень плохо. Я надеялся, что ты пойдешь мне навстречу. Ладно. Пусть он просто так тебе помогает – я ему из своих личных буду доплачивать.

Это уже совсем другое дело. От бесплатного помощника я не откажусь.

Стоп! А какой смысл Денису тратить свои кровные просто так, только для того, чтобы облегчить мне жизнь? И тут до меня дошло: все эти разговоры по оплате – дымовая завеса, чтобы скрыть главную цель. А главная цель – приставить ко мне человека, чтобы он контролировал мою деятельность. Возможно, мне тупо не доверяют, предполагают, что я могу воровать. Но, что намного вероятнее, человек должен изучить технологию, чтобы в случае необходимости мог справиться и без меня. В общем-то, вполне логично. Сейчас я становлюсь незаменимым, а незаменимые люди опасны. Опасны прежде всего для тех, кто привык относиться к своим работникам как к рабам, а не к тем, чьи интересы необходимо учитывать.

Первым желанием было послать Дениса очень далеко со всеми его предложениями. И, вообще, на эту тему я контактирую только с Рожиным. А зачем Денис сюда влез – непонятно. И тут вспомнил странный звонок Рожина. Ага. Похоже, между компаньонами возникли серьезные трения, и Денис пытается начать рулить всем сам. Рожин просил ни

на какие предложения не давать конкретных ответов. Что ж, похоже, в данной ситуации это будет самым правильным. Надо сделать вид, что от бесплатного помощника я отказываться не собираюсь, но устроить так, чтобы момент начала работы у меня этого шпиона оттянуть как можно дальше.

– А, ну, это нормально. Если мне платить не нужно, то тогда пойдет.

Говоря это, постарался придать своему лицу глупое выражение, чтобы Денис не заметил, что я догадался об истинной его цели. Тут важно было не переиграть. Хотя... Обычно тот, кто считает себя самым умным, с большой легкостью верит в глупость окружающих и недооценивает противника.

– В среду как раз новую партию буду делать. Пускай подходит, помогает, – продолжил я. За те два дня, что остались, я надеялся, найду решение возникшей проблемы. Больше всего боялся, что эта отсрочка покажется Денису неприемлемой, но, судя по выражению его физиономии, тот остался полностью удовлетворен результатом. И слава Богу. За два дня, как я уже неоднократно убеждался на собственном опыте, может измениться очень многое.

Я вышел из конторы на улицу и набрал номер Рожина. Тот мгновенно взял трубку, будто тем только и занимался, что ждал моего звонка.

– Олег, смотри. Моя машина стоит на стоянке около ближайшего въезда на строительный рынок. Я тебя там жду.

Странно. Даже, если он не мог или не хотел въехать на

территорию завода, мог бы поставить машину на стоянку перед проходной, так как до рынка надо было топать минимум метров пятьсот. И тут до меня дошло, что он не хотел, чтобы кто-то случайно увидел нас, беседующих вдвоем. Да, сюжет закручивается не на шутку. Кажется, я опять вляпался в какой-то детектив. Неужели все так запущено? Кстати, из кабинета я вышел уже сильно после девяти, но не заметил, чтобы кто-то пришел в контору. Обычно народ не опаздывал. Этот факт приплюсовал к остальным странностям.

Тем временем я добрался до рынка. Рожин сидел в своем Лексусе, сквозь слегка затемненное стекло наблюдая за моим приближением. Я плюхнулся на сиденье рядом с ним, еще раз про себя оценив его удобство, и поздоровался. Рожин молча протянул мне руку. Я пожал.

– Ты знаешь, что такое рейдерский захват? – спросил он, глядя прямо в глаза.

Я ответил, что, естественно, знаю, поскольку живу в нашей стране, иногда смотрю телевизор и читаю то, что пишут во всемирной паутине. Он молча выслушал мой ответ, помолчал еще с полминуты, затем начал.

– То, что делает сейчас Денис с фирмой – это самый настоящий рейдерский захват. Ты же знаешь, что мы с Денисом – компаньоны. Пятьдесят на пятьдесят. И работаем вместе уже десять лет. Не знаю, заметно ли со стороны то, что Денис работает, скажем так, не настолько интенсивно, как я. Но я этим никогда не возмущался. Может, иногда намекал в

шутливой форме. Но он, правда, тонкого юмора не понимает. Или делает вид, что не понимает. Я не могу сказать, что эта ситуация мне нравилась. Конечно, нет. Время от времени приходили мысли разбежаться и поделить все нафиг. Но разбежаться иногда бывает не так просто. Поэтому дальше этих мыслей я никогда не заходил. И еще. Денис как-никак официально – директор. В случае чего все шишки, в смысле налоговой, там, или других структур, упадут на него. Поэтому я считал, что наше сотрудничество стоит того, чтобы терпеть неудобства. А тут, прикинь, сегодня с утра пытаюсь заехать на завод, а меня тормозят, говорят, пропуск недействительный. Я к начальнику охраны – тот говорит, что пропуск аннулирован по требованию директора моей же фирмы, то есть Дениса. Денис трубку не берет. Я звоню Свете из бухгалтерии, а она сказала, что Денис на понедельник всем дал выходной. И предупредил, что если я буду звонить, то надо сказать мне, что она заболела и ничего не знает. Денис намекнул, что те, кто захочет со мной сотрудничать, будут уволены. Я никогда не думал, что он захочет меня кинуть. Ну, казалось бы – плохо тебе, что кто-то выполняет практически всю работу, а ты только балдеешь и получаешь половину прибыли? Поэтому я так оценивал всю эту ситуацию – получать в два раза больше, работая при этом в десять раз интенсивнее, он никогда не захочет. Но тут я, похоже, лопухнулся.

Все время, пока я слушал весь этот рожинский монолог,

меня не покидало ощущение того, что он передо мной оправдывается за что-то. И честно говоря, это вызывало определенный психологический дискомфорт. Потом я понял причину поведения Рожина. Ведь, в его понимании, раз он допустил, что его кинул и ограбил собственный партнер, то полагает, что в моих глазах стал полным лохом. Естественно, ему стыдно, и хочется как-то оправдаться, разъяснить ситуацию.

В конце концов, высказав все, что хотел, он замолчал. Надо было что-то отвечать. Пропускать такой откровенный крик души без какого-нибудь комментария было бы верхом неприличия. Но что я мог ему сказать? В принципе, обычная для нашей действительности история. Конечно, если все обстояло именно так, как говорит Рожин, то мотивы Дениса, мягко говоря, непонятны. Казалось бы – чего ему еще надо? Прийти в контору к концу дня, попить кофе, потрепаться с девчонками, потом пару фильмов посмотреть – и за все это человек получает половину прибыли успешно работающего предприятия. Просто мечта любого бездельника. А сейчас ему придется работать по-настоящему. И что – он думает, что потянет весь тот воз, который тянул Рожин? Если так, то Денис просто полный неадекват.

В этот момент мне вдруг вспомнился наш с ним сегодняшней разговор. И сразу же все встало на свои места. Ну, конечно! Он совершенно не собирался в десять раз больше работать, чтобы в два раза больше получать. Просто он решил, что производство и продажа пропитки для бетона ско-

ро позволит ему отказаться от всех или почти всех объектов и при этом увеличить доход предприятия. У него же было время посмотреть и убедиться, что производство и продажа – дело весьма выгодное, а вот заморочек и головной боли, в отличие от строительства, на порядок меньше.

Я поделился своими соображениями с Рожиным. Тот, видимо, об этом уже думал. По крайней мере, мои слова не вызвали у него никакого удивления.

– Похоже на правду. В принципе, это все объясняет. Наверное, он решил, что напал на золотую жилу. Расскажи, о чем вы с ним сегодня говорили.

Я постарался как можно подробнее изложить содержание разговора.

– Так. Понятно, – протянул Рожин, – хочет тебя потихоньку слить. Ты, в его понимании, товарищ слишком независимый. А ему нужны те, кем будет легко управлять. Ну и, опять же, экономия. Дима будет на него фигачить за тридцатку в месяц, как папа Карло.

Я кивнул. Слова Рожина соответствовали моему мнению. Только вот думать о том, что простой работяга безо всякого образования может справиться с химическим производством, может только очень ограниченный человек. Тем более, что сердцем производства был ультразвуковой реактор – достаточно экзотическая в химической технологии вещь. Специалистов по работе с ними по всей стране – раз, два и обчелся. Первая же нештатная ситуация – и все, задница.

Лавочку можно будет просто прикрывать.

Я сказал об этом Рожину. Он усмехнулся, в глазах загорелся веселый огонек.

– Давай мы не будем ждать, пока Денис облажается. Ты можешь повернуть так, чтобы производство не могло работать? Возможно, тебе придется делать это в присутствии Дениса, но чтобы он ничего не заподозрил, и так, чтобы никто, по крайней мере, из заводских, не смог бы починить.

Я ответил утвердительно, потому что несколько секунд назад та же мысль пришла в голову и мне, и этого времени хватило, чтобы обдумать все детали.

– То есть сейчас ты пойдешь к себе на дальний склад и испортишь оборудование. Если увидишь Дениса, не показывай вида, что ты в курсе ситуации. Сделаешь все, что нужно, позвони мне, а потом езжай домой. Если тебе будет звонить Денис – не бери трубку. Я сам с ним обсужу все вопросы. Думаю, он поймет, что поступил неправильно, – и после секундной паузы добавил, – гребаный уродец.

Очутившись у себя на дальнем складе, я быстро приступил к выводу из строя оборудования. Первым делом ликвидировал программу звукового генератора на компьютере. Затем перепрограммировал контроллер, управляющий системой насосов, клапанов и регулятором давления. Даже если какой-нибудь спец и сможет наладить электронную часть, запрограммировать контроллер так, как нужно, может только человек, хорошо разбирающийся не только в химической

технологии, но и в ультразвуковых реакторах. А такого он вряд ли найдет.

Проверить все эти операции было делом десяти минут, из которых пять заняла загрузка компьютера. Сделав все, пошел на выход. Перед тем, как покинуть склад, взявшись рукой за ручку двери, обернулся на свой производственный уголок. Интересно, увижу ли я его еще когда-нибудь? Постояв так несколько секунд, продолжил движение. И тут в дверях совершенно неожиданно нос к носу столкнулся с Денисом.

– О! И ты здесь! А что ты здесь делаешь? – и он метнул подозрительный взгляд на мои руки, а затем на оборудование в уголке. Да, такого враспloch непросто застать. Кажется, мысль о возможной порче оборудования его все-таки посетила. Хотя он немного опоздал. Конечно, я бы и в его присутствии попытался сделать свое грязное дело, но это было бы уже сложнее. Наверняка он бы стал задавать всякие вопросы, а я не уверен, что у меня получилось бы быстро и правдоподобно врать. С этим делом у меня еще с детства были проблемы.

– Слушай! – продолжал он тем временем, – я что подумал. У нас же осталось немного сырья? Да?

– Ну, немного осталось.

– А мы не можем прямо сейчас сделать какое-то количество материала? Ведь не обязательно же сразу тонну делать, да? Мы сколько можем минимально намешать?

Черт! Кажется, я попал. Денис оказался хитрее, чем я ожидал. Сейчас он хочет убедиться, что все функционирует, проводит меня до проходной, затем заблокирует мой пропуск. А дальше будет со мной торговаться, но даже если вернуться, то всегда буду работать под колпаком.

– Нет, – соврал я, – система рассчитана на минимальную партию в двести пятьдесят килограмм, а сырья у нас осталось где-то на сто пятьдесят.

– А какая разница – двести пятьдесят или сто пятьдесят?

– Ну, во-первых, не будет нормального перемешивания, а еще контроллер, который всем управляет, рассчитан на определенные количества.

– Слушай, насколько я знаю, контроллеры легко перепрограммируются, а для перемешивания двести пятьдесят килограмм или сто пятьдесят – разница небольшая. Короче, я предлагаю сварить материал из того, что есть, а если что случится – беру ответственность на себя.

Вот ведь подлец! И что ему на это сказать? Сказать, что сломается оборудование – ответит, что даст денег на новое. Он же сам сказал, что берет на себя всю ответственность. Может, соврать, что возможен взрыв, который разнесет ползавода? Так ведь не поверит. И тут, наконец, я ухватил за кончик хвоста спасительную мысль. То, что контроллеры программируются, он знает. Но тогда должен знать, что контроллеры бывают разные, в том числе такие, которые программируются с помощью специальных устройств. Откуда

он знает – какой именно стоит в системе?

– Ну, раз берете ответственность на себя, тогда сегодня сделаем, – краем глаза уловил, как при этих словах лицо его приняло довольное выражение, – только вот чтобы перепрограммировать контроллер, нужен программатор, а он у меня дома. Придется ехать домой.

Выражение лица резко изменилось.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы съездить туда и обратно?

– Час туда, час обратно.

– Так, значит, два часа, – он взглянул на часы, – короче, смотри – сейчас двенадцать, в два я тебя здесь жду. Все, езжай, не задерживайся.

Я едва сдержался, чтобы не выпустить вздох облегчения.

Выйдя с проходной, вытащил телефон, набрал Рожина и доложил ситуацию. Тот подробно расспросил обо всем и приказал ехать домой и ждать его звонка с дальнейшими распоряжениями, еще раз напомнив, чтобы я ни в коем случае не отвечал на звонки Дениса.

– Лучше вообще не бери трубку, если звонит незнакомый номер, – добавил он.

Звонка от Рожина я ждал до самого вечера. Раза три звонил Денис, потом пошли звонки с неизвестных номеров. Телефон начинал петь свои трели с регулярностью каждые десять-пятнадцать минут. Это начало сильно раздражать, но выключить я его не мог, чтобы не пропустить звонок Ружи-

на.

Наконец, на экране высветился рожинский номер.

– Ты сейчас не занят? – я не видел его лица, но голос имел явственно ощущающийся мрачный оттенок. Похоже, ситуация разворачивается не совсем так, как ему хотелось бы. Услышав от меня ответ, что не занят, продолжил.

– Знаешь что, приезжай сейчас ко мне. Надо обсудить кое-какие вещи. Или нет, лучше я сейчас сам к тебе приеду. Ты же у Ивана живешь? Тогда жди меня минут через десять-пятнадцать. Если, конечно, на переезде не встану, – добавил он после секундной паузы.

Звонок в дверь прозвучал через полчаса, а, может, даже позже. Видимо, Рожину все-таки пришлось постоять на переезде. Я открыл дверь. У Рожина в руке была объемистая полиэтиленовая сумка, в которой явственно угадывались очертания нескольких бутылок пива. Интересно, а как он собирается после пива садиться за руль? Нет, конечно, это личное дело каждого, но к людям, способным сесть за руль в нетрезвом виде, я относился с большой настороженностью.

Мы расположились на кухне, и Рожин начал выставлять содержимое пакета на стол. Там же оказалась и закуска – сухие кальмары в пакетиках и ломтики вкусно пахнущего вяленого мяса какой-то рыбы. Одну бутылку он пододвинул ко мне, другую взял в руки и быстро открыл, повернув пробку. Я последовал его примеру. Пиво было импортным и дорогим. Я сам никогда бы не мог себе такое позволить.

– Блин! Я и не знал, какой Денис урод, – начал разговор Рожин, отхлебнув пару глотков прямо из горлышка и вытерев губы тыльной стороной ладони. Я бы на его месте так не удивлялся. Того небольшого времени, сколько мне довелось проработать на фирме, хватило, чтобы сложить свое мнение о Денисе. В принципе то, что он способен на подставу, было ясно сразу. И тому было несколько признаков. Во-первых, сама работа представляла для него тяжкую и крайне обременительную повинность, которую он согласен был терпеть постольку, поскольку она приносила неплохой доход. То есть является типичным представителем класса бездельников. Дорогие блестящие костюмчики, перстень с камнем на пальце, золотая цепь на шее, дорогие часы – все это признаки типичного махрового эгоиста – любителя красивой жизни. От такого человека можно ждать очень больших неприятностей, но вдобавок ко всему у него явно присутствовали признаки подавленных амбиций. Проявлению этой его черты я стал свидетелем случайно, когда услышал, как он пытался дать какое-то поручение одной из девчонок-бухгалтеров. Та возразила, сказав, что сейчас выполняет задание Рожина. Денис на это промолчал, но надо было видеть выражение его лица. Я в тот момент, как всегда, думал о своём, но факт превращения лощеного лица в злобную гримасу отметил.

– Да, бывает, – ответил я, чтобы не молчать, и отхлебнул из бутылки. Пиво на самом деле было очень вкусным, – никогда не знаешь, чего ждать от человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.